

*Томский межвузовский центр
дистанционного образования*

А.Г. Тучков

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СИБИРИ

Учебное пособие

ТОМСК – 2002

Рецензент: докт. ист. наук В.М. Кулемзин

Тучков А.Г.

История и культура народов Сибири: Учебное пособие. - Томск: Томский межвузовский центр дистанционного образования, 2002. - 190 с.

Учебное пособие содержит в систематизированном виде основные сведения о народах Сибири. В нем рассматриваются как общие сведения по этногенезу и классификации сибирских этносов, так и освещается культурная специфика некоторых из них.

Пособие предназначено студентам высших учебных заведений, учителям школ, преподающим сибиреведение, школьникам старших классов, и всем, кто интересуется историей.

© ТГПУ, 2002

© Тучков Александр Геннадьевич, 2002

© Томский межвузовский центр
дистанционного образования, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Этнокультурная специфика Сибири.....	6
1.1. Территория. Природно-климатические и ландшафтные особенности Сибири.....	6
1.2. Численность коренного населения Сибири. Антропологическая, языковая и культурно-хозяйственная характеристика народов Сибири.....	11
1.3. Население Сибири до начала русской колонизации.....	23
Глава 2. Исследование Сибири.....	28
2.1. Колонизация Сибири.....	28
2.2. Научное изучение Сибири.....	35
2.2.1. Этнографические труды по народам Сибири XVII в.....	36
2.2.2. Научные исследования в Сибири в XVIII веке.....	42
2.2.3. Этнографические исследования Сибири в XIX в.....	54
Глава 3. Народы Сибири.....	59
3.1. Народы палеоазиатской лингвистической семьи.....	59
3.1.1. Чукчи.....	59
3.1.2. Коряки.....	67
3.1.3. Ительмены.....	74
3.1.4. Азиатские эскимосы.....	79
3.1.5. Нивхи.....	83
3.1.6. Кеты.....	89
3.2. Народы уральской языковой семьи.....	97
3.2.1. Юкагиры.....	97
3.2.2. Ханты.....	101
3.2.3. Селькупы.....	111
3.3. Народы алтайской языковой семьи.....	120
3.3.1. Тюрки Сибири.....	120
3.3.1.1. Якуты.....	120
3.3.1.2. Тувинцы.....	129
3.3.1.3. Сибирские татары.....	142
3.3.2. Тунгусо-маньчжурские народы.....	155
3.3.2.1. Эвенки.....	155
3.3.3. Монголоязычные народы.....	164
3.3.3.1. Буряты.....	164
Методические указания по дисциплине «История и культура народов Сибири».....	172
Источники и литература.....	185

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие **«История и культура народов Сибири»** предназначено для студентов заочного обучения и рассчитано на 24 учебных часа. В пособии кратко излагаются вопросы истории изучения народов Сибири и характеристика специфики их культуры. Главное внимание уделено анализу этнографического и археологического материала изучаемого региона. Также даны основные понятия и категории культурологии, этнографии, археологии и истории Сибири.

Пособие основано на обширной библиографической базе и учитывает публикации последних лет в области изучения этногенетических связей и проблем истории и культуры народов Сибири. Вместе с тем, оно не заменяет собой основную литературу, а дает в систематизированном виде необходимые знания, помогающие свободно ориентироваться в сложной истории развития коренного населения Сибири. Существующие на сегодняшний день учебники по истории Сибири отводят незначительное место анализу истории и культуры народов Сибири. Этнографическая часть в них достаточно мала, чтобы дать читателю необходимый объем знаний по коренным народам сибирского региона. С учетом дефицита учебной литературы по истории и культуры народов Сибири данное пособие служит необходимым источником, где в доступной форме излагаются основные аспекты исторического и культурного развития аборигенного населения Сибири.

Структурно пособие делится на три главы, снабжено иллюстрациями, картами и списком литературы по народам Сибири. Первая глава **«Этнокультурная специфика Сибири»** включает в себя краткие сведения о природно-климатических условиях региона, численности коренного населения Сибири, антропологической, лингвистической, хозяйственно-культурной и религиозной классификации народов Сибири, общие сведения о сибирских народах до начала русской колонизации. Во второй главе **«Исследование Сибири»** внимание уделено причинам и этапам русской колонизации Сибири, а также дается достаточно развернутая характеристика основных вех в истории научного изучения народов Сибири, где основной упор делается на анализе развития этнографических знаний о населении Сибири; прослеживается становление этнографии народов Сибири. Третья глава **«Народы Сибири»** непосредственно посвящена характеристике особенностей истории и культуры коренного населения Сибири. Народы представлены на основе языкового деления этносов Сибири, принятого в отечественной науке.

Небольшое количество часов, отведенное для данного курса, не позволило включить в пособие целый ряд народов Сибири – алтайцев, хакасов, шорцев, долган, ненцев, нганасан, эвенов, негидальцев и др., чья история и культура заслуживает также отдельного внимания. Этот пробел частично компенсирован в обобщающих главах, где учтена информация и по этим народам.

Список дополнительной литературы, прилагаемый к данному пособию, скорректирован с его главами и разделами.

Данное издание иллюстрировано графическими работами томского художника А.Д. Тимофеева (серия «Этнопортреты»). Рисунки хранятся в Томском краеведческом музее и ранее не публиковались.

Глава 1. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СИБИРИ

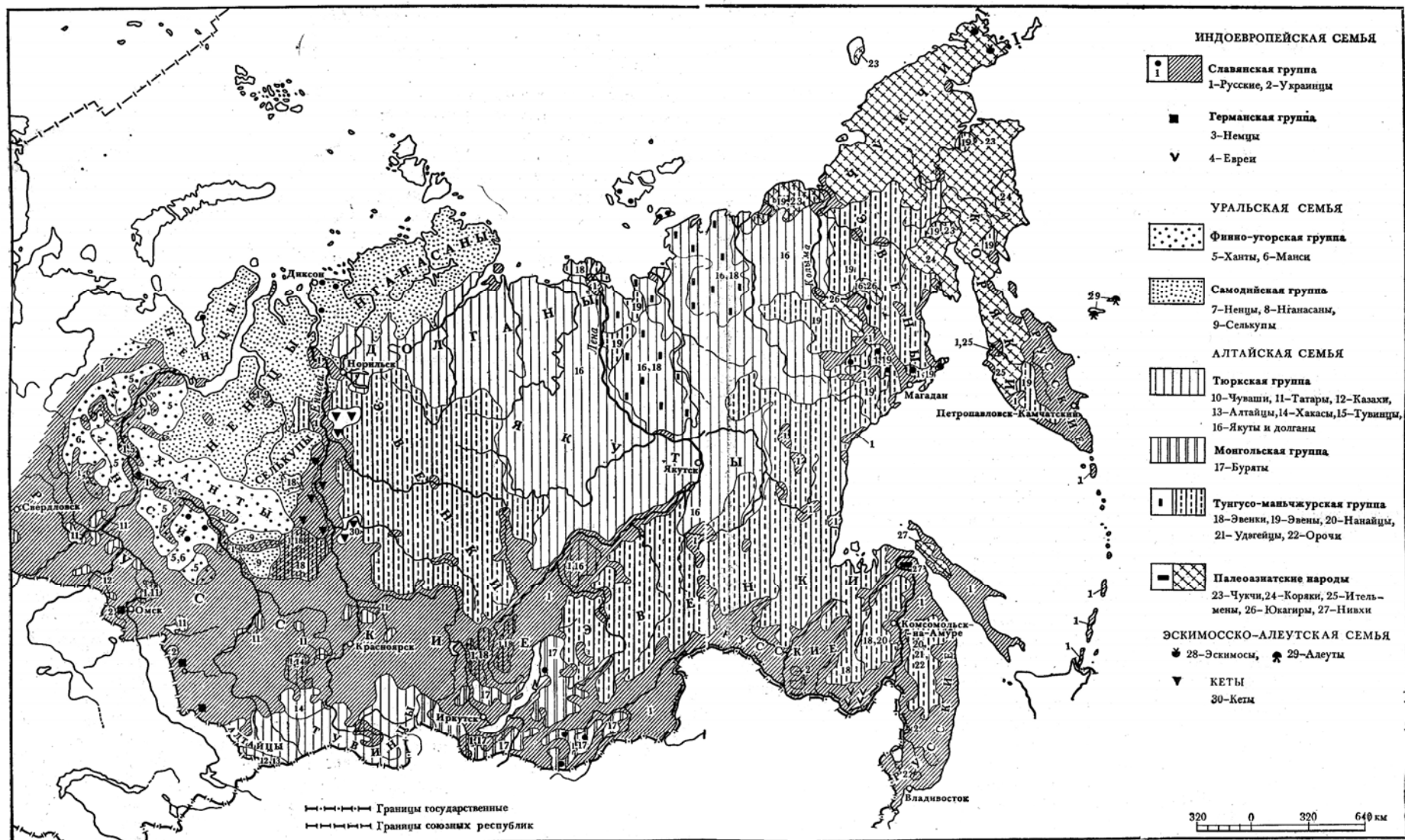
1.1. Территория. Природно-климатические и ландшафтные особенности Сибири

Территория Сибири, площадью 12836,9 тыс. кв. км. (87 % территории современной России), простирается от Урала до Тихого океана. Естественными границами Сибири на севере служат берега Северного Ледовитого океана, на юге – Казахский мелкосопочник, с запада Сибирь ограничена Уральскими хребтом, на востоке граница проходит по горным хребтам тихоокеанского водораздела (береговая линия Тихого океана к Сибири не относится).

В природном отношении Сибирь делится на Западную и Восточную Сибирь, в пределах которых расположена Западно-Сибирская равнина, Среднесибирское плоскогорье, горы Южной Сибири, Саяно-Алтайское нагорье, Забайкалье, Приамурье, Приморье и система горных хребтов на северо-востоке Сибири.

Западно-Сибирская равнина является одной из самых больших на планете низменных равнин. Площадь ее составляет ок. 3 млн кв. км. По территории равнины протекает около 2000 рек, самые большие из которых Обь и Иртыш, находится большое количество озер и болот. Север равнины занимает тундра с характерными особенностями арктического, мохового и лишайникового ландшафтов. На юге северной зоны равнины господствуют ландшафты кустарниковой лесотундры, елово-лиственничных редколесий и болот. Центральная часть Западно-Сибирской равнины занята зоной хвойной тайги (ель, кедр, сосна, пихта, сибирская лиственница). Таежная зона Сибири достигает ширины более 2000 км. Западная часть тайги представлена в основном темнохвойными лесами, восточная – светлохвойной тайгой. На юге этой обширной зоны произрастают небольшие массивы мелколиственных лесов (береза, осина).

Более 50% территории этой зоны приходится на болота. Зоны лесостепей и степей занимают пространство на юге равнины. Климат Западно-Сибирской равнины определяется как континентально-циклонический. На его формирование оказывает влияние континент, с одной стороны, и Атлантический океан - с другой, что приводит к интенсивной трансформации воздушных масс с большой повторяемостью антициклонального типа погоды и к значительной годовой и суточной амплитудам температуры. Характерной особенностью климата является большая междусуточная изменчивость температуры воздуха.

Народы Сибири и Дальнего Востока

Среднесибирское плоскогорье в северо-западной части представлено горами Путорана. Это наиболее высокая часть плоскогорья. Горы Путорана рассечены цепочками глубоких и длинных озер и реками. В западной части Путорана произрастают елово-березо-лиственничные леса. В восточной части распространены кустарничковые лиственничные редколесья. Тундра Путорана покрывается разнотравьем в конце июня - начале июля. Температура летом не поднимается выше $+15^{\circ}$, иногда достигает и $+30^{\circ}$. Фауна представлена дикими баранами, дикими северными оленями, соболями, горностаями, песцами, водоплавающими птицами, куропатками. Реки богаты рыбой. На севере Среднесибирское плоскогорье граничит с тундрами Таймырского полуострова и с самыми северными в мире материковыми горами Бырранга. В суровых климатических условиях Севера обитают стада диких оленей, волки, песцы, горностаи, зайцы. Летом наблюдается обилие птиц.

Наиболее высокогорной областью Сибири является **Горный Алтай**. В центральном Алтае находятся самые высокогорные хребты – Катунский, Северо-Чуйский и Южно-Чуйский. Гребни этих хребтов характеризуются резкими горно-ледниковыми формами. Характерными для Алтая являются также хребты и массивы со слабо расчлененными гребнями, разделенные межгорными котловинами с ровными днищами. Климат Алтая отличается прохладой и влажностью, в высокогорьях он становится холодным. Низкие зимние температуры наблюдаются в котловинах (от -30° , до абсолютного минимума -60° в Чуйской котловине). Летом воздух значительно прогревается, нередко создавая засушливые условия.

В высокогорье Алтая известно ок. 1500 ледников. Реки Алтая питаются главным образом талыми водами и летними дождями. Для Алтая характерно весенне-летнее половодье. Таяние ледников поддерживает высокий уровень воды в реках летом.

Наиболее влажные, западные и северо-восточные районы Алтая занимает тайга, с преобладанием сибирской пихты, кедра, ели, сибирской лиственницы. В Западном Алтае преобладают березово-осиновые леса. Верхний пояс горно-лесной зоны занимает субальпийское редколесье с преобладанием пихты и кедра. Леса поднимаются до высоты 1800–2000 м. Выше господствует горно-луговая зона, которая местами меняется, особенно на востоке, горной тундрой. В предгорных и низкогорных районах распространены степи. Животный мир степей Алтая сходен с фауной Западно-Сибирской равнины и Центрального Казахстана. Фауна горно-таежной зоны Алтая представлена медведем, рысью, лиси-

цей, соболем, горностаем, колонком, белкой, маралом. Много видов таежных птиц.

От Алтая до Прибайкалья, южнее Среднесибирского плоскогорья, в виде гигантской подковы простираются **Саянские горы**. Они подразделяются на Западные и Восточные Саяны. Саянские горы богаты древними озерами, крупнейшее из которых - Агульское - в верховьях р. Агул достигает длины 12 км при глубине 102 м. Главная речная артерия Саян – река Енисей. Долина Енисея сжата крутыми выпуклыми склонами высотой 1000 и 1500 м. Горные условия речной сети Саян способствовали образованию многочисленных водопадов. Климат Саян суровый. Лето длится один-два месяца. Средняя температура июля варьирует от + 6°, до + 16°. Зимой температура опускается до - 40°.

В предгорьях Западных Саян господствуют сосново-лиственничные леса с чередованием березы, осины, черемухи, полянами крупнотравных лугов. На высоте от 800 до 1000 м появляется таежная зона с преобладанием пихты, ели и кедра, с обильным моховым покровом. Выше произрастают кедры и лиственницы, образуя субальпийские редколесья, ива, береза, можжевельник. Над ними – альпийские луга и каменные россыпи. В континентальных районах Восточного Саяна преобладают сосна и лиственница. По южным склонам на высоту до 1400-1600 м поднимаются степи и лиственничные лесостепи. Горы покрыты лиственнично-кедровой тайгой, протянувшейся на высоту до 1500 м. Выше следуют отдельные островки кедровых и кедрово-лиственничных редколесий. Вершины покрыты вечными снегами.

Западное побережье о. Байкал в Прибайкалье, обрамляет Байкальский хребет, переходящий к югу в таежные низкогорья Приморского хребта. На севере Байкала высятся вершины Баргузинского хребта, отделенного от Икатского хребта степной Баргузинской котловиной. По юго-восточному побережью Байкала протягивается хребет Улан-Бургасы, южнее его – высокогорья Хамар-Дабана и Хангарульского хребта. В Прибайкалье преобладает альпийская форма рельефа. Много водопадов, ледниковых озер. Климат Прибайкалья океанический, сходный своими чертами с климатом побережья Охотского моря.

Высота снежного покрова составляет 40-60 см, в высокогорьях до 100 см, на вершинах достигает 150-190 см. Котловины заняты степями, лесостепями, заболоченными лугами. Склоны гор покрыты густой темно-хвойно-лиственничной тайгой, сосновыми и сосново-лиственничными лесами. На северных склонах Хамар-Дабана распространена пихтово-кедровая тайга, произрастают голубая сибирская ель, лианы вино-

града, гигантские травы. На высоте от 1000 до 1400 м тайга сменяется редколесьем. На вершинах господствуют тундры, альпийские луга, каменные россыпи.

Область к востоку от Байкала занимают разделенные котловинами и долинами низкогорья и среднегорья **Забайкалья**. Климат Забайкалья суровый, резко континентальный. Летом температура воздуха достигает $+38^{\circ}$, $+40^{\circ}$, зимой -55° , -57° . Снега выпадает мало. Он сильно испаряется в связи с повышенной радиацией. Высота снежного покрова не превышает 8 см, в горах – 80 см. Забайкалье расположено у южной границы вечной мерзлоты. Северные склоны гор покрыты травянокустарничковой лиственничной тайгой. Южные склоны заняты степями, в самых высоких частях горы покрыты сосняками или мелколиственничными лесами. В сухих участках Забайкалья и на юго-востоке распространены полынные степи. Фауна Забайкалья преимущественно монгольского типа и имеет много общего с фауной пустынь Средней Азии. В недавнем прошлом в Забайкалье обитали куланы и горные бараны. Характерными домашними животными являются як и двугорбый верблюд.

Значительную площадь **Приамурья** занимают горы. Климат этой части Сибири характеризуется обилием осадков, большая часть которых приходится на вторую половину лета. Летняя температура $+17^{\circ}$, $+20^{\circ}$. Зима морозная и сухая. Низовья Амура и Охотское побережье относятся к самым многоснежным районам России. Мощность снежного покрова достигает 1,5 – 2 м. Склоны гор Западного Приамурья покрыты лиственничной тайгой. К востоку появляются темнохвойные деревья. Произрастают невысокие ели и пихты, много сухостоя и валежника, обилие густых зарослей кедрового стланика, ольхи, рододендрона. На Малом Хингане обильно представлена маньчжурская флора (корейский кедр, монгольский дуб, амурская липа, клены, ясень). Распространены болота (мари), где с глубины 50-60 см встречается вечная мерзлота. Марями заняты широкие межгорные долины и пологие склоны. В ландшафтах Приамурья сочетается суровость севера и пышность юга.

На **северо-востоке Сибири** находятся два больших горных образования - Верхоянский хребет (горная система, включающая целый ряд горных хребтов), один из самых крупных и мощных на северо-востоке Азии, и хребет Черского. На правобережье Колымы простирается Юкагирское плоскогорье, граничащее на юго-востоке с Колымским нагорьем. северо-восток занимает Аллюйский хребет, Анадырское плоскогорье и Чукотское нагорье. Климат этого региона суровый. Лето короткое и холодное. Зимние температуры в Верхоянске и Оймяконе опускаются до

отметки - 68°, - 69°. В долинах выпадает мало снега. Территория северо-восточной Сибири относится к области вечной мерзлоты. Количество ледников в горах превышает 650. Ландшафт представлен горной редкостойной тайгой, каменисто-лишайниковой и кустарниковой тундрой, лиственничными редкостойными лесами, зарослями кедрового стланика и ольхи, высокогорной каменистой пустыней.

Климат большей части Сибири *континентальный*, подвержен влиянию Атлантики. Ближе к востоку и северо-востоку влияние Атлантики ослабевает. Лето сравнительно короткое, теплое. Средняя температура летом +5° на севере Сибири, +25° в ее степных районах. Зима долгая и холодная. Температура зимой колеблется от - 16°, до - 22° на территории Западной Сибири, и от - 45°, до -55° в районах Якутии. Флора Сибири разнообразна, представлена тундровыми, лесотундровыми, таежными и степными видами растений. Богаты растительностью горы Сибири. Широко распространены зоны темнохвойной растительности, светлохвойные леса, осиново-березовые зоны лесов, редколесья, кустарники. Фауна Сибири образует зоны арктической пустыни и тундры, лесотундры, тайги и степей. Она представлена белым медведем, моржом, тюленем, северным оленем, песцом, бурым медведем, рысью, лосем, росомехой, горностаем, белкой, волком, бобром, куницей и др. видами животных. Большое разнообразие таежной, тундровой и арктической птицы.

1.2. Численность коренного населения Сибири.

Антропологическая, языковая и культурно-хозяйственная характеристика народов Сибири

Территория Сибири в историко-этнографическом отношении разделена на несколько областей: *западносибирскую*, включающую область тайги и субарктическую зону Сибири; *саяно-алтайскую*, в которую входит юг Сибири (горнотаежная и лесостепная зоны Сибири); *восточносибирскую* с внутренней дифференциацией типов тундры, тайги и лесостепи; северо-восточную или *чукотско-камчатскую* и *амурско-сахалинскую* (северо-восток и юго-восток Сибири, а также о. Сахалин).

Численность коренного населения Сибири составляет, по данным переписи населения 1989 г., немногим более 1 млн чел. К самым крупным коренным народам Сибири относятся буряты (421 тыс. чел.), якуты (380, 2 тыс. чел.), тувинцы (206, 2 тыс. чел.). К народам средней численности принадлежат сибирские татары (до 180 тыс. чел.), хакасы (78,5 тыс. чел.), алтайцы (69,4 тыс. чел.). Народы малой численности

представлены в Сибири ненцами (34,2 тыс. чел.), эвенками (29,9 тыс. чел.), хантами (22,3 тыс. чел.), эвенами (17,2 тыс. чел.), шорцами (15,7 тыс. чел.), чукчами (15,1 тыс. чел.), нанайцами (12 тыс. чел.), коряками (8,9 тыс. чел.), манси (8,3 тыс. чел.), и др. В пределах численности более 1 тыс. чел. представлены такие народы, как удэгейцы (1902 чел.), эскимосы (1,7 тыс. чел.), чуванцы (1384 чел.), нганасаны (1262 чел.), юкагиры (1142 чел.), кеты (1084 чел.). Такие народы, как ороочи (915 чел.), тофалары (731 чел.), алеуты (702 чел.), негидальцы (622 чел.), энцы, (198 чел.), ороки (179 чел.) и др., принадлежат к самым малочисленным народностям Сибири. За все время русской колонизации Сибири не исчез ни один коренной народ, однако, у некоторых малочисленных народов Сибири наблюдаются заметные процессы ассимиляции, приводящие к утрате многих черт и особенностей традиционной культуры.

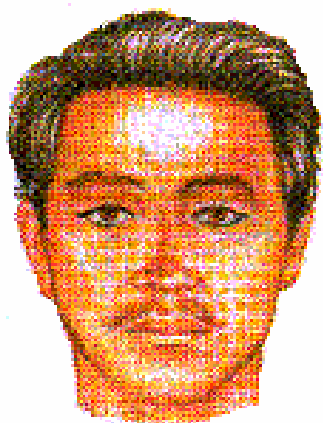
В эпоху верхнего палеолита (35 – 12 тыс. лет до н.э.) значительная часть территории Сибири (Восточная Сибирь) была заселена монголоидными группами населения, которые оставили ряд материальных памятников, такие, например, как верхнепалеолитические стоянки Мальта и Буреть на Ангаре, стоянка Афонтова гора близ г. Красноярск. Область к западу от Енисея издавна была зоной смешения европеоидных и монголоидных типов. Алтае-Саянское нагорье в эпоху неолита и раннего металла было областью распространения европеоидов. Этому населению принадлежат памятники афанасьевской и андроновской культур. Степи Алтая и Минусинского края занимали также европеоиды. Европеоидная примесь обнаруживается у неолитического населения тайги к югу от Байкала. В дальнейшем происходит процесс этнического взаимопроникновения монголоидов и европеоидов в степные районы Сибири и на юго-запад Сибири. Между тем, удельный вес монголоидных групп среди населения юго-западной Сибири неуклонно увеличивается, и в конце I и начале II тысячелетия н.э. в Алтае-Саянском нагорье монголоиды почти полностью вытеснили древнее европеоидное население. Территория Дальнего Востока издавна была населена также монголоидными по типу группами, проникшими сюда в достаточно отдаленное время, вероятно, с территории юго-восточной Азии.

Формирование антропологического состава современных народов Сибири происходило преимущественно на основе древних монголоидных по типу групп. Однако нельзя говорить о прямой связи современных антропологических типов с древними монголоидным населением. Современные антропологические типы сложились в результате длительных этнических контактов отдельных групп населения Сибири друг с

другом, в процессе сложного взаимного влияния. Следует также учитывать последствия длительных контактов коренного населения Сибири с русскими, которые заметно повлияли на изменение антропологической ситуации у ряда народов сибирского региона. Однако в целом коренное население Сибири характеризуется преобладанием монголоидных антропологических признаков и принадлежит к различным вариантам монголоидной расы.

Антропологическая характеристика народов Сибири

Современный антропологический состав коренного населения Сибири разнообразен. Он представлен *уральским* антропологическим типом, имеющим в своей структуре *енисейский вариант*, *байкальским* или *палеосибирским* антропологическим типом, *центральноазиатской* расой, *амуро-сахалинским* и *арктическим (эскимосским)* антропологическими типами.

Уральский
антропологический тип

На территории Западной Сибири проживает в основном население, которое преимущественно относится к уральскому антропологическому типу. По своим основным характеристикам уральский тип занимает промежуточное место между монголоидной и европеоидной расами, представляя собой цепь различных переходных монголоидно-европеоидных форм, распространенных к западу и востоку от Урала. Восточной границей распространения уральского антропологического типа является Енисей. Для этого типа характерны: низкий рост (ок. 160 см в среднем для

мужчин), невысокое и умеренно широкое лицо, сравнительно светлая кожа, прямые и мягкие волосы, светлые глаза, ослабленное развитие *эпикантуса* (монгольская складка века), нос с вогнутой спинкой, тонкие губы, повышенный рост бороды. К представителям данного антропологического типа относятся ханты и манси. Он также представлен у селькупов, западных ненцев, присутствует у шорцев, северных алтайцев и некоторых групп хакасов и сибирских татар.

Некоторое своеобразие представляет антропологический облик кетов. Имея многие черты уральского типа, кеты, однако, отличаются бо-

лее темной пигментацией, менее значительным ростом бороды и сильно выступающим носом с выпуклой спинкой. Характерные для кетов антропологические признаки обнаруживаются также и у других народов Западной Сибири: у тазовских селькупов и восточных ненцев, что позволяет выделить в составе уральского типа особый, *енисейский* вариант.

Северная часть Средней и Восточной Сибири населена представителями байкальского или палеосибирского антропологического типа. Формирование его относится к эпохе неолита. Характерными особенностями этого типа являются: низкий рост (ниже 160 см в среднем для мужчин), сильно развитый эпикантус, слабый рост бороды, высокое, широкое и плоское лицо с сильно выступающими скулами, слабо выступающий нос с низким переносьем, мягкие волосы, светлая кожа, тонкие губы и очень высокая, выступающая вперед верхняя губа. К представителям этого типа относятся эвенки и эвены. Он прослеживается также у тунгусоязычного населения Нижнего Амура и Сахалина - негидальцев и ороков, которые отличаются от представителей байкальского типа очень низким ростом (155-156 см в среднем для мужчин). Некоторые черты байкальского типа наблюдаются у якутов и прослеживаются у орочей и нанайцев.

**Центральноазиатский
антропологический тип**

Народы Центральной Сибири принадлежат к центральноазиатскому антропологическому типу. К основным чертам этого типа относятся: более темная по сравнению с байкальским типом пигментация кожи, волос и глаз, жесткие волосы, слабый рост бороды, значительно развитый эпикантус, высокое и широкое лицо с несколько слабее выступающими скулами, нос с высоким переносьем, средней толщины губы. Рост представителей данного типа ниже среднего (162-164 см в среднем для мужчин). Одной из характерных черт центральноазиатского типа по сравнению с

байкальским является очень высокий череп. Указанный комплекс антропологических признаков характерен для населения северной Монголии, где, вероятно, этот антропологический тип и формировался. Типичными представителями центральноазиатского антропологического типа являются тувинцы степных районов, буряты, отчасти южные алтайцы, некоторые группы хакасов. Признаки центральноазиатского типа

преобладают у якутов. Некоторые черты этого типа присутствуют также у южных групп эвенков (эвенки Забайкалья). Среди бурят выделяются два варианта центральноазатского типа – *забайкальский*, общий с монголами и отличающийся брахикефалией и низким черепом, и *ангароленский*, мезокефальный, с высоким черепом. Северозападные буряты и якуты антропологически наиболее близки друг к другу.

Особое место в антропологической классификации народов Сибири занимает амуро-сахалинский антропологический тип. Его характерными признаками являются: темная пигментация кожи, глаз и волос, жесткие волосы, иногда волнистые; сильно развит эпикантус; незначительный рост бороды, высокое и широкое лицо с сильно выступающими скулами; слабо выступающий нос с низким переносьем; толстые губы. Рост ниже среднего (160-161 см в среднем для мужчин). Вероятно, в прошлом этот антропологический тип был широко распространен в амуро-сахалинском регионе. К наиболее древним представителям этого типа относятся сахалинские и амурские нивхи. В качестве заметного компонента он наблюдается у ульчей и орочей. Ульчи, вместе с тем, занимают промежуточное место между негидальцами и нивхами, обнаруживая черты смешения байкальского и амуро-сахалинского антропологических типов.

**Арктический
антропологический тип**

Народы, населяющие территорию северо-восточной Азии, – палеоазиаты и эскимосы – относятся к арктическому или эскимосскому антропологическому типу. По своим антропологическим признакам этот тип обнаруживает американоидные черты и характеризуется относительно слабым развитием эпикантуса, резко очерченным носом с выпуклой спинкой, усиленным, по сравнению с сибирскими монголоидами, ростом бороды, смуглой кожей, темными глазами, тугими иссиня-черными волосами, высоким и широким лицом, толстыми губами.

Рост представителей данного типа ниже среднего (162-163 см в среднем у мужчин). Представителями этого типа выступают азиатские эскимосы, береговые чукчи и коряки, отчасти ительмены. У ительменов, однако, кроме эскимосских признаков наблюдается заметное влияние русской примеси, айнские элементы. Формирование эскимосов, чукчей и коряков протекало, вероятно, на единой антропологиче-

ской основе. Некоторое своеобразие антропологических типов наблюдается у оленных чукчей и коряков, что позволяет относить их к байкальскому типу. Однако в целом для чукчей и коряков характерен эскимосский тип.

Языковая характеристика народов Сибири

В языковом отношении народы Сибири принадлежат к различным языковым объединениям: *алтайской* макросемье языков, *уральской* языковой семье и *палеоазиатской* (или иначе – *палеосибирской*) лингвистической семье. Последняя семья языков представляет собой условное название, принятое по традиции в литературе, так как к ней условно причисляются языки ряда народов Сибири, генетически не связанных между собой и не входящих в большие языковые семьи.

Значительная часть народов Сибири принадлежит к алтайской языковой семье. Термин «алтайские» указывает на возможную прародину – Саяно-Алтайское нагорье, откуда на рубеже новой эры языки алтайской языковой семьи начали распространяться по территории Западной и Восточной Сибири.

На основе предполагаемой генетической сопринадлежности алтайская языковая семья объединяет *тюркские*, *монгольские* и *тунгусо-маньчжурские* языки, а также изолированные корейский и японский языки. Однако гипотезу о родстве алтайских языков нельзя считать доказанной из-за отсутствия достаточно полно реконструированной системы праязыка, способной объяснить все существующие структурные различия в языковых ветвях. Вместе с тем, нельзя считать ее и несостоятельной в виду вероятности многочисленных сопоставлений.

Самой обширной среди других языковых ветвей алтайской языковой семьи является тюркская языковая ветвь. В Сибири к ней принадлежат такие народы как алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, чулымские тюрки, карагасы (тофалары), сибирские татары, якуты и долганы. Формирование тюркоязычных племен и народностей Сибири происходило в глубокой древности на основе различных этнических образований, как местных, ставших этническими предшественниками ряда тюркских народов, так и пришлых, вступивших в контакт с местными племенами и ассимилировавших их.

Монгольская языковая ветвь в Сибири представлена только бурятами, проживающими в западном и восточном Прибайкалье. Этнические предки бурят достаточно давно отделились от массы монголоязычных

этносов, обитавших в северной Монголии и расселились по берегам Байкала и в долинах рек Лены, Ангары, Селенги и Баргузина. В X в. эти племена вытеснили обитавшее там тюркоязычное население.

Не менее широко в Сибири представлена тунгусоманчжурская языковая ветвь алтайской семьи языков. К ней относятся эвенки, эвены, нанайцы, ульчи или ольчи, негидальцы, орочи, удегейцы и ороки. Эти народы обитают в районах правых притоков Верхней Оби и Прибайкалья, в северной Якутии, на Охотском побережье, Камчатке, в Уссурийском крае, на Сахалине. Формирование тунгусоманчжурских этносов Сибири происходило на основе смешения коренных племен тунгусов, освоивших почти всю зону восточносибирской тайги от Енисея до Охотского моря, и потомков чжурчженских племен Приамурья и Приморья.

Следующее значительное языковое объединение – уральская генетическая группа языков. Вопрос о прародине уральских языков до сих пор является спорным. Однако предполагают, что уральское языковое объединение формировалось из одного языка-предка или уральского языка-основы в течение V–III тыс. до н.э. в Западной Сибири от Урала до Верхнего Приобья.

Уральское языковое объединение состоит из двух языковых семей: *финно-угорской* и *самодийской*. К финно-угорской семье на территории Сибири относится угорская ветвь языков, включающая обско-угорскую группу языков, на которых говорят ханты и манси. Самодийская языковая семья включает северо-самодийскую подгруппу языков, объединяющую современных ненцев, энцев, нганасан и селькупов. В прошлом к самодийским народам относились также карагасы, койбалы, камасинцы, маторы, которые были тюркизированы в XVIII–XIX вв.

Существует целый ряд отдельных народов Сибири, языки которых по ряду причин не могут быть включены в указанные выше языковые семьи и объединения. Условно они объединяются в палеоазиатскую лингвистическую семью. По установившейся традиции к палеоазиатским языкам относят генетически не связанные между собой языки *чукотско-камчатской группы*, *эскимосско-алеутские*, *енисейские*, *юкагиро-чуванские* языки, а также изолированный *нивхский* язык. Выделение части языков Сибири в палеоазиатскую группу языков произошло в XIX в. Предполагалось тогда, что предки народов, говорящих на этих языках, были древнейшими обитателями азиатской части России. В результате миграции алтайских народов (алтайские языки) коренное насе-

ление Сибири было частью ассимилировано, а частью оттеснено в северные районы Азии и Северной Америки.

Среди группы палеоазиатских языков выделяют чукотско-камчатскую семью, к которой относятся чукотский, корякский, алюторский, керекский и ительменский языки. Эта семья языков делится на две ветви: *чукотско-корякскую* и *ительменскую*. Однако некоторые исследователи ставят под сомнение принадлежность ительменского языка к чукотско-камчатской языковой семье, считая его в генетическом отношении отдельным от языков этой группы.

Самостоятельное место среди палеоазиатских языков Сибири занимает эскимосско-алеутская языковая семья. Подобно другим языковым семьям палеоазиатских языков она является генетически изолированной. В результате длительной эволюции некая эскимосско-алеутская генетическая общность в древности распалась на две подсемьи – эскимосскую и алеутскую, взаимопонимание между которыми со временем стало невозможным в виду территориальной изоляции и различий в структурах этих языков.

Енисейскими языками, условно входящими в палеоазиатскую семью, называют языки, распространенные в Сибири вдоль Енисея. Они также являются генетически изолированными среди языков Евразии. Происхождение енисейских языков является спорным. Предполагается, что прародиной енисейских языков является юг Сибири, где этническими предшественниками енисейцев было население *карасукской* (XII-VIII вв. до н.э.) культуры. По другой версии предки енисейцев были выходцами из юго-западных районов Памира и Верхнего Иртыша. Из енисейских языков живыми являются кетский и сымский языки. На сымском языке говорят всего несколько человек. Кетский язык распространен по течению Енисея и его притоков от Курейки до Подкаменной Тунгуски.

На генетически изолированных юкагиро-чуванских языках – исчезнувшей семье близкородственных языков - говорили племена, расселенные по территории северо-восточной Азии. В XVIII в. они были частично ассимилированы чукчами и русскими. На территории Сибири юкагиро-чуванские языки ныне представлены только юкагирским языком, на котором говорят юкагиры, живущие в бассейнах рр. Колымы и Алазеи. Современные исследования позволяют выделить генетическую связь юкагирского языка с уральскими языками (лексика, падежи, грамматические формы) и, далее, с алтайскими языками. В юкагирском языке сохранились диалекты – тундренный и колымский.

Нивхский язык относится к генетически изолированному языку нивхов - коренных обитателей о. Сахалина и низовьев р. Амур. Имеет ряд диалектов – амурский, северо-сахалинский и восточно-сахалинский. Проблема генетических связей нивхского языка с другими языками Сибири еще не решена. Гипотетически предполагается его возможная связь в древности с алтайскими, уральскими, чукотско-камчатскими языками, а также, вероятно, с языками Кавказа и языками индейцев Северной Америки.

Культурно-хозяйственная характеристика народов Сибири

Кроме антропологических и языковых особенностей, народы Сибири обладают целым рядом специфических, традиционно устойчивых культурно-хозяйственных признаков, характеризующих собой историко-этнографическое многообразие Сибири. В культурно-хозяйственном отношении территорию Сибири можно разделить на две большие исторически сложившиеся области: 1) южную - область древнего скотоводства и земледелия; и 2) северную – область промыслового охотничье-рыболовецкого хозяйства. Границы этих областей не совпадают с границами ландшафтных зон. Устойчивые хозяйственно-культурные типы Сибири сложились в древности в результате различных по времени и характеру историко-культурных процессов, протекавших в условиях однородной природно-хозяйственной среды и под влиянием внешних инокультурных традиций.

К XVII в. среди коренного населения Сибири по преобладающему типу хозяйственной деятельности сложились следующие хозяйственно-культурные типы: 1) пеших охотников и рыболовов таежной зоны и лесотундры; 2) оседлых рыболовов в бассейнах больших и малых рек и озер; 3) оседлых охотников за морским зверем на побережье арктических морей; 4) кочевых таежных оленеводов-охотников и рыболовов; 5) кочевых оленеводов тундры и лесотундры; 6) скотоводов степей и лесостепей.

К пешим охотникам и рыболовам тайги в основном принадлежали в прошлом некоторые группы пеших эвенков, орочей, удегейцев, отдельные группы юкагиров, кетов, селькупов, частично ханты и манси, шорцы. Для этих народов большое значение имела охота на мясного зверя (лося, оленя), рыболовство. Характерным элементом их культуры была ручная нарта.

Оседло-рыболовческий тип хозяйства был широко распространен в прошлом у народов, живущих в бассейнах рр. Амура и Оби: нивхов, нанайцев, ульчей, ительменов, хантов, у части селькупов и приобских манси. Для этих народов рыболовство являлось основным источником существования в течение всего года. Охота имела вспомогательный характер.

Тип оседлых охотников за морским зверем представлен у оседлых чукчей, эскимосов, отчасти оседлых коряков. Хозяйство этих народов основано на добыче морского зверя (моржа, тюленя, кита). Арктические охотники селились на побережьях арктических морей. Продукция морского зверобойного промысла кроме удовлетворения личных потребностей в мясе, жире и шкурах служила также и предметом обмена с соседними родственными группами.

Кочевые таежные оленеводы-охотники и рыболовы представляли собой наиболее распространенный в прошлом тип хозяйства среди народов Сибири. Он был представлен среди эвенков, эвенов, долган, тофаларов, лесных ненцев, северных селькупов, оленных кетов. Географически он охватывал главным образом леса и лесотундры Восточной Сибири, от Енисея до Охотского моря, а также простирался к западу от Енисея. Основу хозяйства составляла охота и содержание оленей, а также рыболовство.

К кочевым оленеводам тундры и лесотундры принадлежат ненцы, оленные чукчи и оленные коряки. Эти народы выработали особый тип хозяйства, основу которого составляет оленеводство. Охота и рыболовство, а также морской промысел имеют вспомогательное значение или совсем отсутствуют. Основным продуктом питания для данной группы народов является мясо оленя. Олень также служит и надежным транспортным средством.

Скотоводство степей и лесостепей в прошлом широко было представлено у якутов – самом северном в мире скотоводческом народе, у алтайцев, хакасов, тувинцев, бурят, сибирских татар. Скотоводство носило товарный характер, продукция почти полностью удовлетворяла потребности населения в мясе, молоке и молочных продуктах. Земледелие у скотоводческих народов (кроме якутов) существовало как подсобная отрасль хозяйства. Частично эти народы занимались охотой и рыболовством.

Наряду с указанными типами хозяйства у ряда народов существовали и переходные типы. Так, например, шорцы и северные алтайцы со-

четали оседлое скотоводство с охотой; юкагиры, нганасаны, энцы совмещали оленеводство с охотой как главным занятием.

Разнообразие культурно-хозяйственных типов Сибири определяет специфику освоения коренными народами природной среды, с одной стороны, и уровень их социально-экономического развития, с другой. До прихода русских хозяйственно-культурная специализация не выходила за рамки присваивающей экономики и примитивного (мотыжного) земледелия и скотоводства. Разнообразие природных условий способствовало формированию различных локальных вариантов хозяйственных типов, древнейшими из которых являлись охота и рыболовство.

Вместе с тем надо учитывать, что «культура» - это внебиологическая адаптация, которая влечет за собой необходимость деятельности. Этим и объясняется такое множество хозяйственно-культурных типов. Особенностью их является щадящее отношение к природным ресурсам. И в этом все хозяйственно-культурные типы сходны между собой. Однако, культура – это, в тоже время, и система знаков, семиотическая модель того или иного общества (этноса). Поэтому единый культурно-хозяйственный тип это еще не общность культуры. Общим является то, что существование многих традиционных культур базируется на определенном способе ведения хозяйства (рыбной ловле, охоте, морском зверобойном промысле, скотоводстве). Однако культуры могут быть разными в плане обычаев, обрядов, традиций, верований.

Медико-биологические особенности народов Сибири

Традиционная культура питания коренных народов Сибири результат удивительного сплава истории, биологии и культуры. Она возникла в силу необходимости приспособления (адаптации) организма человека к окружающей среде. Традиционная диета коренных жителей Сибири включает в себя определенные специфические элементы. Характерной пищей для многих народов Сибири, особенно народов арктического побережья, является подкисшая, «с душком» еда. У хантов и манси, например, или нанайцев на Амуре, готовят специально «кислую рыбу», которая, однако, не является испортившемся продуктом. Традиционным блюдом береговых чукчей является *копальхен* – специально приготовленные куски кожи моржа размером около квадратного метра с подкожным жиром и мясом, пересыпанные смесью трав и лишайников. Копальхен хранится в ямах, где и одновременно готовится – прокисает.

Причина такого распространения «кислой» пищи заключается в биохимических особенностях пищеварительной системы народов Крайнего Севера и некоторых народов Сибири, связанных адаптацией к условиям жизни в суровом холодном климате. Такая пища способствует быстрому ее усвоению. Организму уже не придется тратить «время и силы» на предварительную обработку продукта – это происходит еще до еды, в процессе специального приготовления.

Экстремальные условия требуют от жителей Севера потребление огромного количества жиров. Это также биологическая необходимость. Недостаток жиров при жизни на грани возможностей приспособления к холоду оказывается губительным. «Умер от голода, питаюсь кроликами» – поговорка арктических индейцев справедлива с точки зрения биологии питания также и для народов Сибири, живущих в приполярной зоне.

У всех представителей коренных народов Сибири выявлены особенности ферментного состава, обслуживающего процесс пищеварения. В частности, обнаружено, что их печень не вырабатывает (или вырабатывает недостаточно) фермент *алкогольдегидрогеназа*, расщепляющий алкоголь (такой фермент в нужном количестве вырабатывается у тех народов, которые проживают в ареалах, богатых природной глюкозой, содержащейся в винограде, персиках и прочих сладких фруктах). Алкоголь попадает в кровь нерасщепленным и вызывает стадию сильного опьянения даже с очень маленькой дозы. Более того, в связи с такими биохимическими особенностями организма в среде сибирских аборигенов отмечается быстро вырабатываемая зависимость к алкоголесодержащим напиткам. Зато коренные сибиряки более устойчивы к приему галлюциногенов.

Многие народы Сибири (за исключением народов тюркской группы) не могут употреблять в пищу коровье молоко, что также вызвано особенностями биохимических процессов их пищеварения.

Однако в XX в. большинство народов Сибири перешло на употребление покупных продуктов, сохранив, при этом особенности традиционной кухни.

1.3. Население Сибири до начала русской колонизации

Численность коренного населения Сибири до начала русской колонизации составляла около 200 тыс. чел. Северную (тундровую) часть Сибири населяли племена самодийцев, в русских источниках именовавшихся самоедами^{*}: ненцы, энцы и нганасаны.

Основным хозяйственным занятием этих племен было оленеводство и охота, а в низовьях Оби, Таза и Енисея – рыбная ловля. Главными объектами промысла были песец, соболь, горностай. Пушнина служила основным товаром при выплате ясака и при торговле. Пушниной также расплачивались в качестве калыма за девушек, которых выбирали себе в жены. Численность сибирских самоедов, включая и племена южных самоедов, достигала около 8 тыс. чел.

Южнее ненцев жили угроязычные племена хантов (остяков) и манси (вогулов). Ханты занимались рыболовством и охотой, в районе Обской губы имели оленьи стада. Основным занятием манси была охота. До прихода русских манси на рр. Туре и Тавде занимались примитивным земледелием, скотоводством, бортничеством. Ареал расселения хантов и манси включал районы Средней и Нижней Оби с притоками, рр. Иртыша, Демьянки и Конды, а также западные и восточные склоны Среднего Урала. Общая численность угроязычных племен Сибири в XVII в. достигала 15-18 тыс. чел.

Восточнее ареала расселения хантов и манси лежали земли южных самодийцев, южных или нарымских селькупов. Долгое время русские называли нарымских селькупов остяками из-за сходства их материальной культуры с хантыйской. Жили селькупы по среднему течению р. Оби и ее притокам. Основным хозяйственным занятием было сезонное рыболовство и охота. Промышляли пушных зверей, лосей, диких

* **Самоеды** – старое русское название ненцев. Употреблялось также в качестве собирательного названия всех самодийских народов. Древнерусское – Самоядь. Встречается в русской летописи под 1096 г. как название народа, живущего к северу от Югры. В русской средневековой литературной традиции (церковно-славянской традиции) слово «самоядь» обозначало «людоед», – так ошибочно именовали население отдаленных и плохо известных земель в древнерусских документах. В таком значении самоеды выступают и в западноевропейских источниках. Вероятно, этому способствовали некоторые воинские обычаи ненцев, связанные с расчленением тела убитого врага и ритуальным поеданием его сердца или других органов. Рассказы об этих обычаях могли послужить основой для применения к ненцам слова самоядь. В современной литературе распространена другая версия, согласно которой слово самоядь, самоеды происходит от общесаамского слова same-epnet «саамская земля». Это название могло быть известно русским и употребляться в качестве обозначения жителей крайнего Север-Востока – ненцев.

оленей, боровую и водоплавающую дичь. До прихода русских южные самодийцы были объединены в военный союз, именовавшийся в русских источниках Пегой Ордой под предводительством князья Вони.

На востоке от нарымских селькупов обитали племена кетоязычного населения Сибири: кеты (енисейские остяки), арины, котты, ястынцы (4-6 тыс. чел.), расселившиеся по Среднему и Верхнему Енисею. Их основными занятиями были охота и рыболовство. Некоторые группы населения добывали из руды железо, изделия из которого продавали соседям или использовали в хозяйстве.

Верховья Оби и ее притоки, верховья Енисея, Алтай населяли многочисленные и сильно различавшиеся по хозяйственному укладу тюркские племена – предки современных шорцев, алтайцев, хакасов: томские, чулымские и «кузнецкие» татары (около 5-6 тыс. чел.), телеуты (белые калмыки) (около 7-8 тыс. чел.), енисейские киргизы с подчиненными им племенами (8-9 тыс. чел.). Основным занятием большинства этих народностей было кочевое скотоводство. В некоторых местах этой обширной территории было развито мотыжное земледелие и охота. У «кузнецких» татар был развит кузнечный промысел.

Саянское нагорье занимали самодийские и тюркские племена маторов, карагасов, камасинцев, качинцев, кайсотов и др., общей численностью около 2 тыс. чел. Занимались они скотоводством, разведением лошадей, охотой, знали навыки земледелия.

Южнее районов обитания манси, селькупов и кетов были распространены тюркоязычные этнотерриториальные группы – этнические предшественники сибирских татар: барабинцев, теренинцев, иртышских, тобольских, ишимских и тюменских татар. К середине XVI в. значительная часть тюрков Западной Сибири (от Туры на западе до Барабы на востоке) находилась под властью Сибирского ханства. Основным занятием сибирских татар были охота, рыболовство, в Барабинской степи было развито скотоводство. До прихода русских татары уже занимались земледелием. Существовало домашнее производство кож, войлока, холодного оружия, выделка мехов. Татары выступали посредниками в транзитной торговле между Москвой и Средней Азией.

К западу и востоку от Байкала располагались монголоязычные буряты (около 25 тыс. чел.), известные в русских источниках под именем «братов» или «братских людей». Основу их хозяйства составляло кочевое скотоводство. Подсобным занятием было земледелие и собирательство. Достаточно высокое развитие получило железоделательное ремесло.

Значительную территорию от Енисея до Охотского моря, от северной тундры до Приамурья населяли тунгусские племена эвенков и эвенов (около 30 тыс. чел.). Они делились на «оленных» (разводивших оленей), которых было большинство, и «пеших». «Пешие» эвенки и эвены были оседлыми рыболовами и охотились на морского зверя на побережье Охотского моря. Одним из основных занятий обеих групп являлась охота. Главными промысловыми животными были лоси, дикие олени, медведи. Домашние олени использовались эвенками в качестве вьючных и верховых животных.

Территорию Приамурья и Приморья заселяли народы, говорившие на тунгусо-маньчжурских языках, – предки современных нанайцев, ульчей, удегейцев. К палеоазиатской группе народов, населявших эту территорию, относились и небольшие группы нивхов (гиляков), живших по соседству с тунгусо-маньчжурскими народами Приамурья. Они также были основными жителями Сахалина. Нивхи были единственным народом Приамурья, широко использовавшим в своей хозяйственной деятельности ездовых собак.

Среднее течение р. Лены, верхнюю Яну, Оленек, Алдан, Амгу, Индигирку и Колыму занимали якуты (около 38 тыс. чел.). Это был самый многочисленный народ среди тюрков Сибири. Они разводили скот, лошадей. Подсобными промыслами считались охота на зверя и птицу и рыбная ловля. Широко было развито домашнее производство металла: меди, железа, серебра. В большом количестве изготавливали оружие, искусно выделывали кожи, плели ремни, вырезали деревянные предметы быта и утварь.

Северную часть Восточной Сибири населяли племена юкагиров (около 5 тыс. чел.). Границы их земель простирались от тундр Чукотки на востоке до низовьев Лены и Оленека на западе. Северо-восток Сибири населяли народы, относящиеся к палеоазиатской лингвистической семье: чукчи, коряки, ительмены. Чукчи занимали значительную часть континентальной Чукотки. Численность их составляла примерно 2,5 тыс. чел. Южными соседями чукчей были коряки (9-10 тыс. чел.), очень близкие по языку и культуре чукчам. Они занимали всю северо-западную часть Охотского побережья и прилегающую к матерiku часть Камчатки. Чукчи и коряки делились, как и тунгусы, на «оленных» и «пеших».

По всей прибрежной полосе Чукотского полуострова были расселены эскимосы (около 4 тыс. чел.). Основное население Камчатки в XVII в. составляли ительмены (12 тыс. чел.) На юге полуострова обитали не-

многочисленные племена айнов. Айны также были расселены по островам Курильской гряды и в южной оконечности Сахалина.

Хозяйственными занятиями этих народов была охота на морского зверя, оленеводство, рыболовство и собирательство. До прихода русских народы северо-восточной Сибири и Камчатки находились еще на довольно низкой стадии социально-экономического развития. В быту широко использовались каменные и костяные орудия и оружие.

Важное место в жизни практически всех сибирских народов до прихода русских занимали охота и рыболовство. Особая роль отводилась добыче пушнины, которая являлась основным предметом торгового обмена с соседями и использовалась в качестве главной платы дани – *ясака*^{*}.

Большинство сибирских народов в XVII в. русские застали на различных стадиях патриархально-родовых отношений. Самые отсталые формы социальной организации были отмечены у племен северо-восточной Сибири (юкагиров, чукчей, коряков, ительменов и эскимосов). В области социальных отношений у некоторых из них были отмечены черты бытования домашнего рабства, доминирующего положения женщины и др.

Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении были буряты и якуты, у которых на рубеже XVI-XVII вв. сложились патриархально-феодалные отношения. Единственным народом, имевшим свою государственность ко времени прихода русских, были татары, объединенные под властью Сибирских ханов. Сибирское ханство к середине XVI в. охватывало территорию, простиравшуюся от бассейна Туры на западе до Барабы на востоке. Однако это государственное образование было не монолитным, раздираемое междоусобными столкновениями различных династических группировок. Включение в XVII в. Сибири в состав русского государства коренным образом изменило естественный ход исторического процесса в регионе и судьбы коренных народов Сибири. Начало деформации традиционной культуры было связано с приходом в регион населения с производящим типом хозяйства, который предполагал иной тип отношения человека к природе, к культурным ценностям и традициям.

В религиозном отношении народы Сибири принадлежали к различным системам верований. Наиболее распространенной формой верований был шаманизм, основывающийся на анимизме – одухотворение

^{*} **Ясак** - пушная подать. В России в XV - нач. XX вв. натуральный налог с народов Сибири, главным образом пушниной.

сил и явлений природы. Отличительной чертой шаманизма является вера в то, что определенные люди – шаманы – имеют способность вступать в непосредственное общение с духами – покровителями и помощниками шамана в борьбе с болезнями.

С XVII в. в Сибири широко распространилось христианство православного толка, проник буддизм в форме ламаизма. Еще ранее в среду сибирских татар проник ислам. У ряда народов Сибири шаманизм приобрел усложненные формы под воздействием христианства и буддизма (тувинцы, буряты). В XX в. вся эта система верований сосуществовала с атеистическим (материалистическим) мировоззрением, являвшимся официальной государственной идеологией. В настоящее время у ряда сибирских народов наблюдается возрождение шаманизма.

Глава 2. ИССЛЕДОВАНИЕ СИБИРИ

2.1. Колонизация* Сибири

Еще в XVII в. русские люди говорили о Сибири как о стране «человецев незнаемых», хотя начало контактов с ее обитателями относится к временам каменного века. Несколько тысячелетий назад народы западной и восточной частей России связывал так называемый «нефритовый путь»: изделия из нефрита из Прибайкалья доходили до поселений Восточной Европы. Позднее, во времена Великого переселения народов (III-IV вв. н.э.) восточные славяне испытывали натиск степняков-кочевников, выходивших из степей и лесов Южной Сибири, Прибайкалья, Средней Азии.

Первыми, кто вступил в контакт с населением Сибири, были новгородские купцы, которые в XI в. речным путем проникли в страну *Юг-ру*^{*}, находившуюся к востоку от р. Печоры.

Новгородские летописи содержат много разнообразных сведений о территории и населении северо-западной Сибири. Жителям Новгорода часто приходилось бывать в югорских землях в качестве «гостей» – купцов и посетителей. Наиболее раннее известие о хождении новгородцев в Югру относится к 1032 г. Летопись под 1096 г. со слов новгородца Гюряты Роговоча сообщает: «Югра же людье есть язык нем, сосесядь с самоедью на полуношных странах». В XII в. уже был освоен печорский путь в Югру. В это время население Югры платило новгородцам дань в виде звериных шкур, моржового клыка, украшений. Влекомые различными интересами, землепроходцы, служилые люди, купцы из Новгорода все глубже проникали за Уральский хребет (Каменный пояс). Согласно летописным сведениям XIV в. новгородцы с воеводами Степаном Аввакумовичем и Степаном Ляпой ходили «воевать» на нижнюю и верхнюю Обь. Однако это были короткие экспедиции в Сибирь, которые заканчи-

* Термин **колонизация** применяется в его основном смысле: заселение и хозяйственное освоение пустующих земель.

* **Югра** – так в русских источниках XI в. называлась территория крайнего северо-востока Европы (Северное Приуралье, бассейн Печоры, часть Верхнего Прикамья). Этот термин также служил старым этнонимом, обозначающим раннесредневековых жителей крайнего северо-востока Европы и крайнего северо-запада Западной Сибири. До XVII в. термин (этноним) «югра» употреблялся применительно к населению Западной Сибири, в особенности к населению Нижней Оби.

В арабских источниках конца X – начала XI вв. Югра называлась «Юра». Начиная с XIII в. для названия отдельных районов в Западной Сибири восточные авторы употребляли термины «Ибир» и «Сибирь».

вались взятием с местных жителей дани в виде пушнины и обратным возвращением на Русь.

С включением Новгорода в состав Московского государства (1478 г.) инициатива по освоению и присоединению сибирских земель к Руси перешла к Москве. Еще в 1465 г. при царе Иване III был совершен первый поход за Урал Василия Скрябы с «толпой удалцов воевать Югру». В результате этого похода в Москву были привезены югорские князья, которые были приведены к присяге о подданстве Москве: «Югорскую землю за великого князя привели, а князей югорских, Калпака да Течика, к великому Ивану Васильевичу и на Москву привели, и князь великий их пожаловал Югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую». Вскоре, в 1483 г., был совершен еще один поход в Сибирь, который возглавили воеводы князь Федор Курбский Черный и Иван Иванович Салтык Травин. Эта экспедиция прошла рр. Пелым, Тавду, Иртыш, а с Иртыша продвинулась на р. Обь. Окончательное включение Югорской земли в состав Московского государства произошло в период с 1499-1500 гг., когда военная экспедиция из пяти тысяч человек во главе с воеводами Семеном Курбским, Петром Ушатым и Заболоцким-Бражником приняла от югорских и обдорских князей предложение мира и подданства московскому государству. В конце XV в., за сто лет до Ермака, первые русские вооруженные отряды перешли Уральские горы и подчинили некоторых князьков финно-угорских племен, которые находились в вассальной зависимости от Сибирского ханства*.

В конце правления Ивана Грозного началась государственная политика по присоединению Сибири к Российскому государству. В это время интенсивно шел процесс формирования русского централизованного государства. Россия возвратила ряд исконных древнерусских земель, утерянных в предыдущие столетия иноземных вторжений и ордынского ига. Территория России увеличилась на Западе и на Востоке.

* **Сибирское ханство** – один из осколков Золотой Орды. В XV в., когда русские впервые столкнулись с Сибирским ханством, во главе его стоял Ибрагим (по русским источникам Ибак) из рода Шейбанидов, бухарских правителей, династии Чингизидов. Он был союзником других татарских ханов, наследников Золотой Орды, боровшихся с Московским государством. В 1555 г. хан Эдигер из местного татарского знатного рода Тайбучинов просил царя Ивана IV Грозного о покровительстве против Шейбанидов. Он начал платить Москве дань пушниной. Сменивший его хан Кучум, принадлежавший к роду Шейбанидов, вскоре разорвал вассальные отношения с Москвой и начал вести по отношению к ней враждебную политику.

Расселение народов Сибири, Севера и Дальнего Востока

Наступило время русских географических открытий в Сибири, которые продвинули границы России к берегам Тихого океана.

Нуждаясь в новых территориях, русское правительство рассматривало Сибирь как естественное продолжение границ Русского государства. Стали снаряжаться и отправляться в Сибирь вооруженные отряды с особыми заданиями, цель которых – изучение территории Сибири, ее топографии, природных ресурсов, населения и т.п. Это продвижение организовывали Строгановы, сольвычегодские промышленники, чьи владения по рр. Каме и Чусовой стали исходной базой проникновения русских за Урал, на р. Обь. Усилия, направляемые на присоединение к России Сибири, диктовались объективными условиями, отвечающими, главным образом, политическим и экономическим интересам Русского государства. «Поход» в Сибирь был исторически обусловлен и закономерен.

Первые попытки окончательного закрепления русских в Сибири относятся ко второй половине XVI в. Началом процесса включения Западной Сибири в состав Российского государства стал поход Ермака (1581-1585 гг.). В результате этого исторического и судьбоносного для России и Сибири похода, и в результате разгрома Ермаком Сибирского ханства во главе с Кучумом был открыт путь в Восточную Сибирь. Начатое Ермаком и его казаками дело по закреплению за Русским государством Сибири продолжили правительственные военные отряды. В 1585 г. на помощь Ермаку был послан хорошо вооруженный отряд И. Мансурова, действия которого заставили местные племена просить Москву о включении их в русское подданство. На пути русских землепроходцев лежали большие, малозаселенные, никем не освоенные земли, на которые никто не претендовал. Для удержания и обороны новых земель и для закрепления их в составе Русского государства строились укрепленные пункты и города. В 1586 г. начал строиться первый русский город Тюмень, а в 1587 г. в устье р. Тобола, недалеко от Кашлыка, бывшей ханской ставки Кучума, – г. Тобольск, ставший на долгое время административным центром Сибири. В течение 1593 г. были заложены сразу три города: Пелым на землях манси; Березов в низовьях р. Оби и Сургут на землях хантов. В 1594 г., руководствуясь стратегическими интересами, на Иртыше была основана Тара, которая должна была с юга прикрывать новые русские владения. В конце XVI в. Сибирь вошла в состав России. Со строительством первых русских городов в Сибири к Российскому государству были присоединены западносибирские татары, манси (вогулы), ханты (остяки) с обязательством платить ясак.

Продвигаясь вверх по р. Оби, в 1596 г. русские основали на территории расселения селькупов острог Нарым, через год в низовьях р. Кети был заложен Кетский острог.

В 1604 г. на землях еуштинских татар был основан г. Томск. Один из известных исследователей Сибири начала XVIII в. академик Г.Ф. Миллер так описывал это событие: «До построения Томска окрестная страна зависела от Сургута, хотя один из здешних татарских родов, так называемые еуштинцы... считал, что все соседние татары подчинены им. Когда власть русских укрепилась в этих местах, их князец Тоян поехал в Москву, где 25 марта 1604 г. подал челобитную, в которой со всем своим родом и улусными людьми, которых насчитывал до 300 человек, добровольно подчинился русской власти... Тоян предлагал построить в его родных местах городок, который, по его мнению, принесет русскому государству большую пользу. Для себя же и своих еуштинцев он выпросил освобождение от ясака... Что касается места, которое было выбрано для города, то, пожалуй, трудно найти там другое более удобное. Река Томь... впадает в Обь с восточной стороны... На правом, или восточном, берегу этой реки, приблизительно в 60 верстах от ее устья, подымается довольно значительная гора, и ее-то строители признали особенно удобной для своей цели. С речной стороны, где подъем на гору особенно крут, они заложили небольшой деревянный город. Жилые дома поместились позади города на той же горе и были обнесены стоячим тыном...».

Основание Томска и Томского уезда способствовало ускоренному продвижению русских вверх по р. Томи на юг, в земли, заселенные кузнецкими татарами (современные шорцы и некоторая часть хакасов). В 1618 г. на новых землях был построен г. Кузнецк с приписанным к нему уездом, в который вошли шорцы, телеуты и некоторые алтайские племена. С основанием Кузнецка включение в состав Русского государства Западной Сибири было в основном завершено, хотя оставались еще земли, население которых было враждебно настроено к колонизаторской политике Москвы.

В 1601 г. в низовьях р. Таза был построен г. Мангазея. На короткое историческое время г. Томск и г. Мангазея стали центрами дальнейшего проникновения русских в глубь территории Сибири. Пути из г. Мангазеи вели на р. Енисей и к его притокам, которые населяли самодийские племена (энцы и нганасаны), енисейские остяки (кеты) и большая группа северо-западных тунгусских племен. Со временем на этих территориях был образован Мангазейский, затем Туруханский уезд. Из г. Томска

продвижение шло к верховьям Енисея. В 1618 г. был основан Енисейский острог, ставший центром Енисейского уезда с вошедшими в него кетоязычным населением, жившим в верховьях р. Кети и в бассейнах рр. Сым и Кас, эвенками Прибайкалья и частью Приангарских бурят. Продвигаясь выше по Енисею, в 1628 г. русские поставили Новый Качинский красный острог (современный Красноярск). В образовавшийся Красноярский уезд вошло кетоязычное население, самодийские группы (маторы, камасинцы, карагасы) и тюркские племена – тувинцы, качинцы, а также предки нижеудинских бурят.

Енисейский стрелецкий сотник Петр Бекетов с отрядом основал в среднем течении р. Лены в 1632 г. острог, который первоначально назывался Ленским острогом, переименованный впоследствии в г. Якутск. Якутск стал центром самого большого по территории уезда Сибири. В состав Якутского уезда вошли племена якутов, эвенков и эвенов, населявших бассейны рек Оленека, Вилюя, Витима, Алдана; племена юкагиров, живущих на побережье Охотского моря, а в конце XVIII в. также коряки и ительмены. Якутский уезд охватил до 30% всех коренных народов Сибири. Вокруг Якутска были поставлены ряд опорных пунктов, главные из которых Верхоянск, Охотск, Олекминск и целый ряд зимовий.

В 1661 г. на правом берегу р. Ангары Яков Похабов заложил Иркутский острог, ставший позднее г. Иркутском. В Иркутский уезд вошли буряты, тувинцы и эвенки, которые до образования Иркутского уезда входили в Енисейский уезд.

К концу XVII в. вся Сибирь была прочно освоена и заселена русскими. Вне границ русской Сибири оставалась небольшая часть территории Приамурья, Минусинская котловина и Горный Алтай. В 1700 г. в подданство Русского государства перешло население Камчатки. В течение 1703 г., 1756 г. и 1789 г. русские осваивали Минусинскую котловину с рядом небольших племен Саяно-Алтайского нагорья, Горный Алтай и территорию проживания чукчей и азиатских эскимосов. Территория Приамурья и Уссурийский край были присоединены к России только в 1858 г.

Продвижение русских в Сибирь, освоение ее территории и переход в русское подданство коренных народов Сибири осуществились в короткое историческое время, в течение одного столетия. Это немного, учитывая огромные расстояния, трудности передвижения, не частые, но ощутимые вооруженные столкновения с местным населением. Такое быстрое продвижение и освоение сибирских пространств было обуслов-

лено рядом факторов. В географическом отношении Урал никогда не был реальной границей между Азией и Европой, он издревле связывал эти территории торговыми путями. Поэтому не составляло особых усилий первым русским землепроходцам перейти за «Камень» - пересечь Уральский хребет. В экономическом отношении Приуралье и следующие за ним территории на востоке являлись для Русского государства прямым продолжением земледельческого освоения территории Европейской России. Русская колонизация, таким образом, носила в основе своей аграрный характер: освоение Сибири осуществлялось непосредственно крестьянским населением России.

Продвижение русских на восток облегчалось также и тем, что местное население было этнически неоднородным и крайне редким, особенно в некоторых районах Сибири. Серьезного сопротивления оно не оказывало, хотя могло бы легко задержать продвижение малочисленных отрядов русских, которые в редком случае насчитывали более 300 человек. Межплеменная рознь ослабляла сибирское население, заставляя искать себе союзников в лице русских. Более того, в землепроходцах многие народы не видели завоевателей, напротив, старались помочь им, давали кров и пищу. Не последнюю роль здесь сыграло и стремление некоторых народов, прежде всего хантов и манси, порвать с зависимостью от Сибирского ханства, от киргизских, монгольских, маньчжурских правителей. Присоединение Сибири к России прекратило череду завоевательных набегов на Сибирь азиатских властителей. Не случайно одними из самых стойких союзников и защитниками новых границ России в Сибири оказались в то время бурятские и тунгусские воины.

Немало племен и родов принимали русское подданство добровольно: еще в 1484 г., до похода Ермака, пришли к Ивану Грозному просить о принятии в подданство вогульские и югорские князья. Некоторые этнические группы попадали в число русских подданных в силу того, что проживали в слабозаселенных местностях и оказывались окруженными со всех сторон русскими поселениями и острогами.

Русские землепроходцы, кроме своих колонизаторских задач, выполняли очень важную для того времени и, как оказалось, для будущего изучения Сибири, работу - сбор сведений о территории Сибири, ее богатствах и ее народах. Тщательность, с которой была проделана эта работа, приводила в восхищение последующих исследователей Сибири. Почти целое столетие западноевропейские ученые черпали необходимые сведения о Сибири, пользуясь чертежами, картами, «сказками», «отписками», грамотами, составленными сибирскими служилыми и

промышленными людьми. Известный исследователь Сибири А.Ф. Миддендорф отмечал, что в сибирских «чертежах» XVII в. можно много почерпнуть для улучшения новейших карт России. В.Н. Скалон, составляя в 1929 г. карту р. Таза, обнаружил, что «чертежи» XVII в. «стояли ближе к действительности, чем те, что были выпущены два века спустя». Без огромной работы, проделанной русскими землепроходцами XVII в., невозможно было бы начать в XVIII в. планомерные научные исследования Сибири.

2.2. Научное изучение Сибири

Предтечей научного знания о Сибири и сибирских народах стали многочисленные документальные источники XVI-XVII вв. На протяжении ста лет продвижения русских в сибирские земли путешественниками, служилыми людьми, землепроходцами был накоплен богатейший этнографический материал. Сведения о сибирских народах содержались в многочисленных документальных источниках: в грамотах, отписках, расспросных речах, ясачных книгах, описаниях Сибири, в делах русских посольств в Китай и др. материалах. Основанные на личных наблюдениях, эти ценнейшие свидетельства прошлого большей частью оставались в архивах государственных учреждений среди других документов по Сибири. Востребованность их в то время была минимальной, поэтому богатейший этнографический материал оставался практически неизученным. К сожалению, подавляющее большинство этих источников до сих пор пока не доступно для исследователей.

Среди иностранной литературы о Сибири, относящейся к XVI – XVII вв., важную часть составляют известия иностранных путешественников и писателей. Особенностью этих трудов является совмещение в них географо-экономического и зоологического описания с этнографическими и историческими сведениями.

Задолго до Ермака европейцы имели о Сибири определенное представление. В XV в., когда Москва начала интенсивную экспансию на Восток, Запад получил возможность иметь более объективные представления о территории и народах Северной Азии. Спустя десятилетия на европейских картах отмечалась территория Сибири вплоть до р. Оби. Впервые р. Обь была изображена на карте Антония Вида, изданной в течение 1537-1544 гг. Более детально территория Сибири изображена на карте Сигизмунда Герберштейна 1549 г. Для своего времени описания С. Герберштейна отличались полнотой и точностью. Работая над своим

трудом «Записки о Московских делах», в котором значительное место занимали сведения о Сибири, автор использовал «Русский Дорожник» XVI в.

Выдающимся событием для европейской науки XVI в. стал выход перевода «О человецех незнаемых в восточной стране», осуществленный англичанином Ричардом Джонсоном. Недостаток этого издания в том, что Р. Джонсон не включил в текст значительные сведения о народах Сибири, казавшиеся ему фантастичными. Сам Джонсон за время своего пребывания в России посетил о. Вайгач и Новую Землю, в 1557 г. находился у самоедов, о чем оставил краткие заметки.

С середины XVI в. усилился интерес к Сибири со стороны англичан и голландцев. Он связан, прежде всего, с перспективами экономического освоения сибирских земель, с развитием торговли, рынков сбыта, превращением Сибири в своеобразную колонию для Запада. Главное внимание иностранные путешественники уделяли географии Сибири, ее экономике, природным богатствам края. Среди работ того времени выделяется труд Джильса Флетчера о самоедах, где впервые в западной науке предпринималась попытка антропологического анализа.

Этнографические и исторические известия о народах Сибири, собранные иностранными путешественниками несколько столетий назад, до сих пор являются ценным историческим источником по изучению не только культуры сибирских народов, но и тех изменений, которые произошли за последующее время.

2.2.1. Этнографические труды по народам Сибири в XVII веке

Одно из первых этнографических описаний народов Сибири, относящееся к XVII в., встречается в летописной повести митрополичьего дьяка Саввы Есипова, посвященной памяти Ермака. В научной литературе эта летопись известна как «Есиповская летопись». Она датируется 1636 г. Используя сведения из доступных к тому времени письменных источников и устных рассказов, Савва Есипов привел список народов Сибири, проживающих на главных сибирских реках: «вогуличей», «самоядь», «Пегую орду», татар, калмыков; описал их веру, пищу, одежду, средства передвижения. Автор летописи одним из первых предпринял попытку разграничить «остяков» и «самоядь» по особенностям материальной культуры: «...остяки... одежду имеют от рыб, самоядь же от еленей», а ездят «остяки на псах, самоядь же на еленях». Савву Есипова интересовало и древнее население Сибири – легендарная «чудь», - о котором оста-

лись материальные свидетельства их былой жизни: курганы (бугры), жилища, рудники и о котором у народов Сибири существуют легенды.

Есиповская летопись послужила основой для многих последующих описаний Сибири, создаваемых в XVII в. неизвестными авторами. Во многом повторяя труд Саввы Есипова, безымянные авторы в тоже время приводили и свои сведения о сибирских народах, дополняя общую картину знаний о них. Так, например, автор «Описания о постановлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» описывал тунгусов и «самоядь», проживавших на Енисее, рассказывал о нападениях местного населения на русские города и остроги. Вместе с тем, этнографические особенности каждого народа Сибири не очень интересовали автора этой летописи.

Все авторы - и известные, как Савва Есипов, и безымянные - давали общие, порой скудные этнографические сведения о народах Сибири. Однако в их трудах впервые в русской литературе приводилась довольно подробная информация о границах расселения сибирских народов («языков»), религиозных обрядах, вещественных памятниках древних неизвестных обитателей Сибири, как, например, описание Томской писаницы на р. Томи: «... на край реки Томи лежит камень велик и высок, а на нем: писано звери и скоты, и птицы, и всякие подобия...»

Этнографические сведения о народах Сибири содержатся в многочисленных материалах, оставленных жившими там людьми и проезжавшими через нее государственными лицами. К их числу относится труд подьячего Посольского приказа Никифора Даниловича Венюкова «Описание новые земли Сибирского государства...», датируемый 1686 г. Этот труд, носящий характер космографии – географического описания, изобилует ценными материалами по социальной организации сибирских народов, их семейно-брачным отношениям, хозяйству, быту, способам охоты и рыбной ловли, жилищам, одежде; в нем дается первая в русской литературе попытка объяснения причин многоженства у некоторых сибирских народов. Здесь упоминается целый ряд племен, обитавших по Оби и Иртышу с их притоками: татары, остяки, самоеды, белые и черные калмыки, «тубинцы», «мразцы», «кондомцы», «верхние киргисцы», якуты, приезжие в Сибирь бухарцы. Более подробно автор «Описания» остановился на быте сибирских народов, населявших Тобольские земли. Что касается народов, обитавших на территории Томского и Енисейского уездов, то Венюков ограничился лишь простым их перечислением, иногда давая сведения об их промыслах и занятиях.

Сочинение Никифора Венюкова получило широкую известность, прежде всего, на Западе. В качестве первоисточника его использовал

Николай Витсен (1692 г.) для написания своего труда «О Северной и Восточной Тартарии», вышедшего в Амстердаме в 1696 г.

К XVII в. относится сочинение «Historia de Sibiria» поляка Юрия Крижанича, прошедшего 15 лет ссылки в г. Тобольске. Автор привел многочисленные этнографические сведения о вогулах, остяках, самоедах, татарах, бурятах, калмыках. В научный оборот эти сведения отчасти вошли благодаря труду Н. Витсена. В целом виде сочинение Ю. Крижанича было опубликовано только в 1822 г.

Исключительно ценным памятником по этнографии народов Сибири являются труды Н.Г. Милеску Спафария*.

Н.Г. Спафарий три года находился во главе русской правительственной экспедиции (посольства) в Китай. Кроме задач, относящихся к посольским и торговым делам, он собирал сведения о народах Сибири («между Сибирью и Китаем»), о городах и отдельных местностях Китая. Цель данной работы - представление в Посольский приказ подробного описания путешествия и маршрута (статейный список) и выполнение чертежа Сибири и Китая.

По возвращении в Москву Милеску Спафарий предоставил несколько трудов. Наиболее известный из них – «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольского и до самого рубежа Китайского», опубликованный в 1882 г. под названием «Путешествие в Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария». Продолжением этого труда является другое сочинение Н.Г. Спафария «Китайская книга» – описание путешествия непосредственно по Китаю. В последний раз этот труд был издан в 1906 г.

Перу Н.Г. Спафария принадлежит также и другой труд о Китае – «Описание первой части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство, с прочими его городами и провинциями». В нем со-

* **Николай Гаврилович Милеску Спафарий** родился в 1635 г. в Молдавии. Его род происходил из Греции. Милеску - фамильное прозвище, по названию поместья, которым он владел в Молдавии. Имя Спафарий происходит от именованной придворной должности спатаря – «меченоши» – телохранителя господаря в придунайских княжествах («spada» – «меч»). Спафарий получил блестящее по тем временам образование. Он учился в Константинополе и Италии. Владел рядом европейских и восточных языков: итальянским, латинским, древне- и новогреческим, арабским и турецким. В 1671 г. в качестве человека, хорошо знакомого с «восточным вопросом» (при царе Алексее Михайловиче вырабатывалась политика против Турции) Спафарий был направлен в Москву в качестве переводчика Посольского приказа. В 1675 г. Милеску Спафарий был назначен главой русского посольства в Китай, целью которого было наладить торговые отношения с Китаем, получить более точные сведения о кратчайшей дороге в Китай, уладить конфликт на русско-китайской границе в верховьях Амура. В Москву посольство возвратилось в начале января 1678 г.

держится богатейший материал по истории и этнографии Китая. Большое место уделено Н.Г. Спафарием первоначальной истории Китая, государственному устройству, обычаям и нравам китайцев, их религии. Отдельные главы этого труда посвящены описанию «государства Кореи» и «великого острова Японского». Труд был издан в Казани в 1910 г.

Н.Г. Спафарий является автором так называемой «Татарской книжицы», в основе которой лежит русский перевод сочинения иезуита Мартиния «*De bello tartarico historia*» (1654 г.) – «Описания Китайского государства», сделанный самим Спафарием во время его путешествия по Сибири. В этом труде имеется и самостоятельная часть, написанная непосредственно автором, посвященная описанию некоторых народов Китая и граничащих с Китаем областей. Эта часть труда Н.Г. Спафария до сих пор не напечатана.

Все труды Н.Г. Спафария являются исключительно ценным источником по этнографии народов Сибири. В них, кроме перечисления основных сибирских рек, населенных пунктов и городищ, приведены сведения о народах, проживавших по рр. Оби, Кети, Иртышу – остяках, саянцах, телеутах, татар-киргизах, барабинских татарах, караганцах, бра-тах (буряты) и др., обозначил границы расселения этих народов и дал их этнографическое описание. Н.Г. Спафарий одним из первых обратил внимание на языковое различие «народа остяцкого». Остяки, писал он, «сами себя именуют своим языком, которые по Обе живут и по Иртышу, **кандаях**, а Нарымские и Кетские именуют же себя **чугулы**... Только и у них хотя и един народ и вера одна, однакожде языки у них живут разные, насилу друг друга выразумеют». Интересны его наблюдения над бытом и промыслами остяков, их пищей и религией. Любопытны замечания Н.Г. Спафария относительно применения остяками в пищу хлеба: «...а хлебом не могут жить. А некоторые насытятся хлебом, и те помрут». Одним из первых он описал и медвежий праздник у остяков: «...а как медведя в лесу убьют, и они приволокут на двор и в избу с луками и стрелами и стрелы потычут и поют и пляшут». В своем описании «народа остяцкого» Н.Г. Спафарий, исходя из уровня научных знаний того времени, пытался ответить на вопрос о происхождении сибирских народов: «Жители все те от скифов произведены суть, которые скифе после потопа от Иафета, Ноева сына, поколение свое имели».

Н.Г. Спафарий впервые дал описание народов Приамурья, граничащих с Китаем, в частности гиляков. В его «Татарской книжице» содержатся сведения о тунгусах, калмыках, гиляках, богдойцах и мунглах. Кроме этнографических сведений о сибирских народах, он привел

описания некоторых археологических памятников на территории Сибири: ряде древних городищ, в частности Урлюкова городища на р.Кети, городищ Кошелеве и Рачевском на Иртыше и др. Упоминал Н.Г. Спафарий и о древних наскальных письменах (петроглифах) на Енисее.

Говоря об этнографических работах XVII в. нельзя обойти вниманием труд Эверта (Эбергарда) Исбранда Идеса, датчанина на русской службе, посла Москвы в Китай в 1692-1695 гг. После возвращения посольства из Китая Исбранд Идес подготовил труд о своем путешествии, вышедший, правда, на голландском и немецком языках. Большое место в нем уделено сибирским народам. Труд этот отличается от всех других ранее известных трудов по Сибири не только своей полнотой и объективностью изложения - автор «описал лишь то, о чем подлинно ведал, и во оном описании, кроме существа, никакого украшения не употреблял...», но и новизной привлеченного материала. В поле зрения путешественника попали вогулы, остяки, тобольские татары, тунгусы, буряты, самоеды, уфимские, башкирские и барабинские татары, киргизы, буряты-монголы, чукчи, коряки, гиляки, якуты, юкагиры. Для некоторых сибирских народов это было первое этнографическое описание. К своему труду Э.И. Идес приложил карту Сибири, что еще больше увеличило его научную ценность.

Конец XVII в. знаменуется в истории России приходом к царствованию Петра I. С этого времени открывается и новая страница в истории исследования Сибири.

Начало планомерных научных изысканий в Сибири было положено указом Петра I 1696 г., по которому предписывалось тобольскому сыну боярскому Семену Ремезову* составить географический атлас Сибири.

Прежде чем Ремезовым была составлена «Чертежная книга Сибири 1701 г.», им были выполнены «Описание истории Сибирской» и «Описание о сибирских народах», к которому была приложена составленная им же самим этнографическая карта расселения сибирских народов.

Работая над «Чертежной книгой Сибири 1701 г.», С. Ремезов впервые применил новый для того времени комплексный метод исследова-

* **Семен Ульянович Ремезов** (1642 или 1662 – после 1720 гг.) - выходец из семьи служилых людей г. Тобольска. До начала работы по составлению географического атласа Сибири, в период с 1681 по 1696 гг., выполнял ряд служебных поручений. Зарекомендовал себя как художник: сшил и расписал на шелке семь знамен для конных и пехотных полков. Автор многочисленных чертежей и карт, среди которых планы Тобольска, «Служебная чертежная книга Сибири» и др. Известен был и как автор проекта реконструкции г. Тобольска. Вершиной его научной деятельности стали знаменитая «Чертежная книга Сибири 1701 г.», «История Сибирская» и этнографический труд «Описание о сибирских народах».

ния. Кроме сбора географического материала, он одновременно собирал исторические и этнографические сведения, материалы по археологии Сибири, расспрашивал «о древних чюдских и кучумовских жилья, мольбища, крепости и курганы». В своей работе Ремезов широко использовал письменные географические и исторические источники, находившиеся в архивах сибирских городов, опрашивал «бывалых и сведущих людей» о различных местах и народах там обитающих, использовал летописи, в частности Есиповскую летопись при написании сибирской истории. С. Ремезов, таким образом, наметил основные методы исследования: привлечение официальных и архивных данных, собирание исторических источников, опрос местного населения, личные наблюдения.

Основные сведения о сибирских народах содержатся в двух трудах С. Ремезова – в этнографическом чертеже и в «Описании о сибирских народах». Составляя этнографический чертеж (по времени он был создан после составления чертежа всей Сибири и «Описания о сибирских народах»), С. Ремезов использовал имеющийся до этого «Чертеж земель народов Сибири 1673 г.». В новом этнографическом чертеже были собраны материалы географии, этнографии и истории, указаны границы расселения отдельных сибирских народов. Однако в этот чертеж вошла только незначительная часть материалов, так как большая их часть должна была войти в «Описание о сибирских народах».

Труд С. Ремезова «Описание о сибирских народах» известен науке по спискам Черепановской летописи (в течение 1750-1760 гг.). Автор этой летописи тобольский ямщик Иван Черепанов использовал сочинение С. Ремезова как один из основных источников, приводя из него развернутые выдержки. Судя по тем отрывкам, которые приводит Черепанов, труд С. Ремезова состоял из двух групп повествований. В первой группе Ремезов приводил сказания татар о «начале Сибирской земли» и «о начале происхождения народов в Сибири»; вторая группа повествования заключала сведения «о обычаях сибирских народов».

В первой группе ремезовского «Описания о сибирских народах» приводятся «татарские истории» о великом хане Татаре, жившем со своей женой на «великом холму», который стал называться Красный Яр, или Красноярск. От этого хана произошел, по преданию, весь татарский род. В этой же группе рассказов, повествуется о преемниках Татар-хана – его сыне Кызылтине и последних двух ханов – Мунчаке и Онсоне. Также приводится рассказ о хане Тайбуге и его потомках.

В описании «о обычаях сибирских народов», приводимые И. Черепановым из труда С. Ремезова, содержатся сведения о народах Западной

Сибири. Каждому народу Ремезов посвятил отдельную статью, основанную на материалах из личных наблюдений, опроса «бывальцев и сведущих людей». В этих статьях речь идет об остяках, остяко-самоедах, вогулах, татарах, калмыках. Каждая статья имеет строгую структуру изложения: языковая характеристика народа, хозяйственная деятельность, быт, средства передвижения (материальная культура), обычаи и верования (духовная культура), указывались границы расселения народов. Ремезов, таким образом, впервые применил метод этнографического описания народов, использовавшийся впоследствии и дополнявшийся другими учеными.

Труды С. Ремезова стали известны в Европе, благодаря карте Сибири, составленной Э.И. Идесом, который использовал материалы С. Ремезова в своей работе. Под влиянием «Чертежной книги Сибири 1701 г.» в Европу стали проникать более достоверные сведения о Сибири. Копии с «Чертежа ...» С. Ремезова имелись и у первого ученого путешественника по Сибири Д.Г. Мессершмидта. Работы С. Ремезова, в особенности его «Чертежная книга Сибири 1701г.», были высоко оценены и подвергнуты подробному рассмотрению известным сибирским ученым-этнографом XIX – нач. XX вв. Г.Н. Потаниным.

2.2.2. Научные исследования в Сибири XVIII веке

В историю науки, как европейской, так и отечественной, XVIII век вошел как эпоха энциклопедизма, универсализма научных знаний. Объем научной работы, проделанной учеными XVIII в., был колоссален. В это время замечен поворот в сторону поисков новых методов научных исследований. Значительные изменения происходят в области исторических исследований. Сибирь в XVIII в. становится главным районом научных изысканий, как в области истории и этнографии, так и в области археологии.

Однако сохранялась еще практика написания летописей, главным образом, повествующих об истории присоединения Сибири к России и о подвигах Ермака. Сведения о сибирских народах, их верованиях и быте носили по-прежнему фрагментарный и, не редко, случайный характер. Вместе с тем, до начала планомерных научных исследований Сибири уже были известны примеры написания трудов, посвященных исследованию отдельных сибирских народов.

Среди наиболее известных является сочинение полковника Григория Новицкого* «Краткое описание о народе остяцком» (1715 г.). По оценкам современных исследователей, работа Г. Новицкого представляет собой первый в историографии Сибири опыт монографического исследования культуры хантов и манси.

Г. Новицкий совершил ряд экспедиций (поездки) к хантам и манси в составе духовной миссии. Результатом этих поездок и стало его сочинение. Основное внимание Г. Новицкий сосредоточил на характеристике хозяйственного и общественного строя угорских народов, их верованиях. Значительное место в этом труде уделено описанию сибирских татар и деятельности отдельных сибирских князьцов.

Основой работы Г. Новицкого служили личные наблюдения и рассказы «бывальцев», различная литература географического и исторического характера, летописи. Впервые для понимания истории хантов и манси Г. Новицкий использовал данные археологии и лингвистики. Именно археология и лингвистика, по убеждению Новицкого, способны были пролить свет на древнюю историю хантов и манси, изучение которой было затруднено в связи с отсутствием у этих народов письменности.

Одна из главных проблем, интересовавших Г. Новицкого, - происхождение остяков (хантов и манси). Решение этого вопроса он видел в археологии. Первоначальное население Сибири, как считал Новицкий, судя по археологическим материалам, было представлено легендарным народом Чудь, свидетельства о котором сохранились в виде древних городищ, курганов, предметов быта. Этот народ погиб. Вторым этническим слоем, сменившим Чудь, были остяки – ханты и манси, которые пришли в Сибирь в результате миграции населения из районов проживания пермских народов, от которых, по мнению исследователя, остяки и произошли. В пользу этого факта служит язык, единый для этих групп народов. Однако уже на территории Сибири язык этот, как полагал Г. Новицкий, претерпел значительные изменения в результате контактов с другими языками Сибири.

С большой точностью Г. Новицкий описал материальную и духовную культуру хантов и манси, существенные черты их семейно-брачных отношений, различные обряды и верования. Его сочинение, являясь сви-

* В 1712 г. **Григорий Новицкий** был сослан в Тобольск за участие в антигосударственном выступлении против России на стороне Швеции (короля Карла XII), как сторонник гетмана Украины Мазепы. Образование Г. Новицкий получил на Украине, окончив Киево-Могилянскую коллегию. В Сибири служил в составе духовной миссии Филофея Лещинского, был надзирателем над новокрещенными Кондинской волости. Погиб осенью 1717 г. в результате восстания хантов. Сочинение Г. Новицкого впервые было напечатано в 1884 г.

детельством современника, наблюдавшим жизнь сибирских племен конца XVII – начала XVIII вв., до сих пор представляет собой историографическую ценность.

Другим важным источником начала XVIII в. являются материалы по Сибири путешественника Лоренца Ланге. Его записи отражают сведения о народах Сибири, их обрядах, верованиях, жилищах, и до сих пор представляют известный интерес для исследователей. Однако Л. Ланге использовал общее для всех сибирских народов название - татары, бытовавшее в научных кругах Европы в XVI-XVII вв.

Первая научная экспедиция в Сибирь состоялась в 1719 г. Во главе ее стоял доктор Д.Г. Мессершмидт*, приглашенный Петром I из Данцига (Польское королевство).

Задача Д.Г. Мессершмидта, предписанная ему Петром I, заключалась в сборе различных древних раритетов, а также в сборе этнографического материала и археологических коллекций. Д.Г. Мессершмидт, однако, вышел за рамки предписанного задания. За время своей поездки, он собирал материал по флоре и фауне Сибири, сведения об ее истории; комплектовал коллекцию из древних рукописей на персидском, арабском и татарском языках, относящихся к памятникам истории отдельных сибирских народов; впервые стал вести археологические раскопки.

Дневники Д.Г. Мессершмидта изобилуют подробными сведениями по этнографии сибирских народов. Им подробно описаны барабинские татары, аринцы, остяки и самоеды, буряты и монголы. Важным показателем научной деятельности Д.Г. Мессершмидта в Сибири является его работа по сбору и классификации языков народов Сибири.

* **Даниил Готлиб Мессершмидт** (1685-1735 гг.) родился в Данциге. Учился в Германии. Обладал энциклопедическим для того времени образованием. Он был врачом и натуралистом, философом, рисовальщиком, владел рядом восточных языков. Его отличала огромная работоспособность. По рекомендации Брейниуса, владельца музея естественной истории в Данциге, который осматривал Петр I, в 1717г. был принят на службу в Россию и в 1719 г. отправлен царем в Сибирь для научных изысканий. Научное путешествие Мессершмидта продолжалось в течение 1719 – 1727 гг. В результате экспедиции им был собран уникальный материал по этнографии и археологии Сибири. Однако он не успел его систематизировать и опубликовать. Часть записей и коллекций погибла во время кораблекрушения в 1731 г., когда Мессершмидт направлялся в Данциг, другая часть его материалов сгорела при пожаре в 1747 г. Оставшиеся записи его путешествия и сохранившиеся коллекции, а также его библиотека были приобретены Академией наук и Московским университетом. Дневники и научные коллекции Мессершмидта были впоследствии использованы другими учеными, в частности, сопровождавшим его в поездке по Сибири пленным шведским офицером Таббертом (немцем по национальности, известным в научных кругах больше как Стралленберг), Г.В. Стеллером, П.С. Палласом, И.Г. Георги.

Большое внимание ученый уделял сибирской археологии. Он был первым из европейских ученых, занявшимся изучением древних захоронений. Выполняя поручение Петра I «приискивать могильных всяких древних вещей ...», исследователь вел археологические раскопки древних сибирских курганов. Однако это не было простым выкапыванием из земли захоронений и предметов погребального обряда, ученый руководствовался научным интересом, желанием знать, каким образом «эти язычники в старину устраивали свои могилы». Раскопки сопровождались фиксацией найденных предметов, чертежами могил, рисунками курганов. Анализ археологических материалов позволил Д.Г. Мессершмидту правильно сделать вывод о принадлежности древних захоронений ранним народам, населявшим территорию Сибири задолго до прихода татар и русских. Д.Г. Мессершмидт впервые познакомил историков и филологов с образцами древнетюркской енисейской письменности.

Основываясь на собранных материалах (археологических и этнографических), на устных преданиях и рукописных источниках, на трудах античных авторов Д.Г. Мессершмидт пытался решить проблему этногенеза сибирских народов. Разработанная им классификация отводила для каждого сибирского этноса определенное место в системе древних народов. Народы угорской и самодийской группы он относил к первому классу народов, имеющих общие корни с гуннами и скифами. Народы тюркской группы, такие как татары и якуты, размещались в его системе классификации во втором классе, объединяясь с арабами, сарматами и скифами. К третьему и четвертому классу древних народов (древние азиатские скифы и восточные скифы соответственно) он относил монголо-тунгусские народы и палеоазиатов. Это была одна из первых попыток научного подхода к проблеме происхождения народов Сибири. Главный вывод, к которому пришел Мессершмидт, заключался в понимании того, что современные сибирские народы являются продуктом длительной истории, а Сибирь представлялась ареной древних миграций населения и смешения языков.

В 1733 г. началась история Великой Сибирской «академической» экспедиции, длившейся целое десятилетие и сыгравшей большую роль в истории изучения Сибири. Эта экспедиция имеет в литературе и другое название – вторая Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга.

Экспедиция была организована Сенатом и Академией наук в составе двух отрядов - морского и сухопутного. В сухопутный отряд экспедиции входили академики Людовик де-ля-Кройер, Иоганн Гмелин, Герард Миллер, адъютанты – Г.В. Стеллер и И.Э. Фишер, переводчик

Я. Линденау и студенты, среди которых был известный в будущем исследователь Камчатки Степан Петрович Крашенинников. Экспедиция преследовала чисто научную цель - всестороннее изучение Сибири: ее географии, естественно-природных богатств, а также истории, археологии и этнографии. Морской отряд экспедиции под руководством В. Беринга должен был обследовать восточные границы России и нанести их на карты.

Участникам сухопутного отряда экспедиции принадлежат исключительно ценные исторические и этнографические описания Сибири и сибирских народов. Среди выдающихся исследователей Сибири, чей вклад в изучение сибирской истории трудно переоценить, был историк Г.Ф. Миллер*.

Изучение Сибири для Миллера, начинающего ученого, стало истинно научной школой. Пребывание здесь дало ему возможность выработать свой метод исторического исследования, основанного на работе с подлинными историческими источниками.

* **Герард Фридрих Миллер** (1705-1783 гг.) уроженец г. Герфорда в Вестфалии. Его отец был ректором местной гимназии, мать родом из семьи профессора теологии. Учился в Рингельнском и Лейпцигском университетах. Будучи студентом Лейпцигского университета, Миллер получил опыт работы с историческими источниками, приняв участие в издании исторических документов, осуществляемое его учителем И.Б. Менке. Миллер обладал хорошими лингвистическими познаниями, знал классическую литературу, был знаком с новейшими для того времени теориями в области лингвистики и этнографии. Влияние на молодого Миллера оказали труды Г.В. Лейбница по местной истории. После окончания университета в 1725 г. Миллер в звании бакалавра прибыл в Петербург, где в качестве «студента» поступил в Академию Наук. Россия того времени сулила молодому ученому безграничные научные перспективы. В первое время Миллер вынужден был преподавать латынь, географию, историю, красноречие в академической гимназии. В 1728 г. его допустили к работе над созданием библиотеки и архива Академии Наук. В 1730 г. он был назначен профессором. В течение 1728-1730 гг. состоял редактором «Санкт-Петербургских Ведомостей» и «Примечаний» к ним. В 1732 г. выступил с предложением о создании научного журнала по русской истории. В журнале предусматривалось публиковать работы по истории и географии России, а также печатать критические статьи на иностранные публикации о России. Первые три номера этого журнала вышли под редакцией Миллера на немецком языке в 1732-1733 гг. С момента подготовки второй Камчатской экспедиции В. Беринга (1728 г.). Г.Ф. Миллер начал вести предварительную теоретическую подготовку. К 1733 г. определились интересы Миллера в области этнографии. К этому времени относится его первое исследование о калмыках, в котором можно усматривать ранний опыт работы Миллера над историческими источниками. Миллеру также принадлежит первая работа о летописи Нестора, исторического памятника Древней Руси. В 1733 г. на Миллера, как уже зарекомендовавшего себя молодого историка, была возложена обязанность провести в Сибири исследования в области географии, истории, этнографии и различных «древностей». Благодаря скрупулезной научной работе в течение десяти лет, Миллер собрал ценнейший материал не только по истории Сибири, но и по истории России. Часть его материалов до сих пор окончательно не изучена. Г.Ф. Миллер во многом предвосхитил развитие исторической науки в России. Его труды остаются важнейшим источником по изучению истории Сибири.

В области этнографических исследований Г.Ф. Миллер достиг значительных результатов по сравнению со своими предшественниками и современниками. Этнографию он ставил в тесную связь с историей. Приступая к исследованию истории, быта и культуры народов Сибири, Г.Ф. Миллер, с одной стороны, опирался на уже известную ему историческую и этнографическую литературу. С другой стороны, он должен был заново прокладывать себе путь в область этнографических знаний о сибирских народах. Этнографической науки тогда еще не существовало. Она стала оформляться как научная дисциплина только в XIX в. Поэтому ученый сам был вынужден разрабатывать методы этнографического исследования, позволяющие ему объективно подходить к изучению народов Сибири. Надо сказать, что этнография (наука о народах, этносах) рассматривалась в те времена в рамках исторической географии. Г.Ф. Миллер, а также и В.Н. Татищев, понимая, что традиции и обычаи необъяснимы экономическими, географическими и психологическими факторами, впервые поставили вопрос о выделении (обособлении) этнографии от общего контекста знаний.

Ярким примером того, что Г.Ф. Миллер сумел выработать ключевые приемы этнографического исследования, свидетельствуют его инструкции С.П. Крашенинникову 1737 г. и И.Э. Фишеру 1740 г., в которых главный упор был сделан на полевую работу. Сам Г.Ф. Миллер, если ему позволяли обстоятельства, не упускал случая лично наблюдать за теми или иными сторонами жизни сибирских народов. Наблюдательность и тщательное фиксирование «этнографической повседневности» позволили ученому собрать ценнейший материал по народам Сибири. Помимо дневниковых записей, сбора документов ученому удалось также сформировать значительную для того времени этнографическую коллекцию предметов быта, хозяйства и религии сибирских народов, которую он передал в Кунсткамеру.

Наблюдения над народами Сибири Г.Ф. Миллер планировал обработать в специальном труде «Описание Сибирских народов вообще», однако довести до конца задуманный труд ему не удалось.

Г.Ф. Миллер стоял в преддверии этнографии как науки. По его убеждению, основные вопросы, стоящие перед этнографической наукой, должны сосредоточиться вокруг решения этногенетических проблем. Ученый при этом должен опираться на историко-сравнительный метод исследования. Примером такого подхода к исследованию культуры народов служил для Г.Ф. Миллера труд французского миссионера Лафито по описанию народов Северной Америки.

Старые, по сути еще средневековые методы объединения народов в генетически-родственные группы по принципу единообразия их культур не удовлетворяли историка. Стремление Г.Ф.Миллера научным путем решать этногенетические вопросы позволило ему выйти на новый качественный этап этнографического исследования. Он разработал классификацию народов, в основу которой был положен принцип языкового родства. «Характеристическое различие народов, - писал ученый, - состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный принцип есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности». Опираясь на этот методологический принцип, Г. Миллер исправил целый ряд этногенетических заблуждений, существовавших в науке XVII- начала XVIII вв. Он определил как особую языковую группу остяко-самоедов (селькупов), отделив их от собственно остяков (хантов), разрешил заблуждение о том, что самоеды представляют собой потомков древних скифов; выделил в отдельную группу енисейских остяков (кетов), установил принадлежность бурят к монголоязычным народам; в самостоятельную языковую группу выделил тунгусов (эвенков). Основываясь на языковых данных, собранных у тунгусов, Миллер пришел к выводу о заимствовании тунгусами скотоводства. Он считал, что, так как в их родном языке нет собственных названий для различных пород скота и многих предметов, касающихся скотоводства, то тунгусы заимствовали скотоводство у монголов. Усилиями Г.Ф. Миллера был собран большой лингвистический материал. Ученый стремился сам и рекомендовал другим изучать языки народов в тесной связи с их историей.

Важное значение для понимания этногенеза народов Сибири Г.Ф. Миллер придавал сибирской археологии. Он считал, что в курганах, во множестве встречающихся на территории Сибири, «должны быть медные и железные изделия, которые могут служить к разъяснению истории древних поселенцев». С присущей ему тщательностью он обследовал татарские, остяцкие и вогульские городища, описал остатки «старинного татарского городка» под Тюменью, от которого остались только вал и ров, описал «Самарово городище», в Сургутском уезде обследовал «городок» князья Бардака, обратил внимание и на «Урлюково городище» на р. Кети. Вел Г.Ф. Миллер и самостоятельные археологические раскопки. Результатом его археологической деятельности стала большая

коллекция древних «могильных» предметов, собранная им на местах раскопок по рр. Оби, Иртыше и Енисее.

Впервые в истории археологии Г.Ф. Миллер обратил внимание на особенности погребальных обрядов, выделив обряды с трупоположением (ингумация) и трупосожжением (кремация), отметил отдельно родовые могилы (курганы), в которых, по его мнению, захоронены члены одного рода или семьи; произвел ориентацию могил по сторонам света. Наблюдательность Г.Ф. Миллера позволила ему высказать ряд верных догадок относительно временной принадлежности древних захоронений. Описывая содержание раскопанных им могил, он, например, сделал следующий вывод: «Вместо золотых и серебряных украшений и сосудов, кои находят в других могилах, здесь все состояло из красной меди... Итак, народ, похоронивший там своих покойников, может быть, еще не знал употребления железа. Следовательно, эти могилы гораздо старше прочих». Миллер еще был далек от разделения древней истории на эпохи по характеру производственного сырья. Однако для своего времени выводы Г.Ф. Миллера были шагом вперед в понимании дописьменной истории древних народов. Используя этнографические данные, он пришел к правильному пониманию смысла оставляемых в могилах вещей: эти вещи должны пригодиться покойнику в другой жизни. Уже в то время ученый придавал определенное значение глиняной посуде, находящейся в погребениях или встречающейся на поверхности земли в виде глиняных черепков, на которые ранее никто не обращал внимание.

Г.Ф. Миллер прекрасно понимал, какой ущерб древней истории края наносят «бугровщики» и копатели, «охотчие» за сокровищами, вырывающие из курганов различные вещи и за ненадобностью в хозяйстве нередко переплавляющие их в другие формы.

Вместе с тем, несмотря на важное значение, придаваемое Г.Ф. Миллером археологии, он считал, что археология, располагая богатым фактическим материалом, дает ограниченное свидетельство о прошлом. Только в контексте исторических и этнографических данных археология может пролить свет на древнюю историю края. Современная история и существующие этнографические обряды способны, как считал историк, помочь понять смысл древних похоронных обрядов.

Не избежал Г.Ф. Миллер и заблуждений. Основываясь на материалах из погребений, исследованных на пространстве от Байкала до Волги, и меняющиеся по богатству содержания в древних могилах вещей (от «бедных могил» (Байкал) до «богатых» (Волга)), он считал, что это не доказывает того, что «во оных странах жили народы совсем различные.

Сия разность доказывает токмо разное состояние одного и того же народа, который сперва был беден, а потом нарочито разбогател и по всем сим странам, хотя в разные времена, живал...». Заблуждения Г.Ф. Миллера основывались на недостаточном фактическом материале по древней истории Сибири (археологии как науки еще не существовало, не хватало опыта и методов археологических исследований и научной интерпретации археологических источников). Это обстоятельство заставляло историка искать следы этногенеза сибирских народов в письменных источниках и устных преданиях. Будучи убежден, что археология не дает исчерпывающих сведений по древней истории, Миллер не обратился к ней в своей «Истории Сибири». Свое повествование он строил, опираясь на известия арабских авторов, письменные источники, предания и легенды, относящиеся к временам Чингисхана. Поэтому «главнейшим народом», который населял Сибирь с древних времен, считал Миллер, были татары. Затрагивая вопросы этногенеза самих татар, Миллер полагал, что в древности татары и монголы составляли один народ. Основываясь на данных якутского и татарского языков, он также сделал вывод о некогда едином народе, состоявшем из предков якутов и татар.

Результатом десятилетней кропотливой работы Г.Ф. Миллера в Сибири стал его фундаментальный многотомный труд «Описание Сибирского царства» или «История Сибири», впервые опубликованный в 1750 г. Это было первое масштабное сочинение по истории огромного, мало известного региона. Для понимания сложности работы, которую проделал Миллер в области изучения истории Сибири, необходимо учитывать то состояние сибиреведения, существовавшее в первой половине XVIII в., когда не была разработана источниковая база исторического исследования, методы исследования, не был определен сам предмет исторического исследования Сибири, не очерчены основные проблемы. Г.Ф. Миллер был в этом плане первопроходцем, его труд являет собой в историографии Сибири пример первого исторического исследования, основанного на новых методологических подходах. С другой стороны, к «Истории Сибири» нужно относиться как к ценнейшему историческому источнику, в котором ученый сгруппировал сведения о Сибири XVII-XVIII вв.

Полные сведения о Сибири, нравах и образе жизни сибирских народов, их занятиях находятся в материалах академика Иоганна Георга Гмелина (1707-1755), спутника Миллера во время его путешествия по Сибири. В Германии И.Г. Гмелин издал свой «сибирский дневник», в котором описал путешествие академического отряда по Сибири. Днев-

ник богат наблюдениями И.Г. Гмелина над жизнью народов Сибири, в нем дается характеристика и описание сибирских древностей, легенд, преданий, верований сибирских народов. Записи немецкого ученого богаты фактическим материалом по истории, этнографии и археологии Сибири середины XVIII в.

Этнографией и историей Камчатки в период академической экспедиции 1733-1744 гг. занимался Георг Вильгельм Стеллер (1709-1746), который находился в составе этой экспедиции в качестве натуралиста. Перу Г.В. Стеллера принадлежит его основной труд «Описание Камчатки» (1742-1743 гг.), дневник (1738-1740 гг.), который вел ученый во время своей поездки из Енисейска в Якутск, и ряд утерянных работ по этнографии коряков.

Г.В. Стеллер был одним из первых исследователей Восточной Сибири, северо-западной части Америки и Алеутских островов. Он участвовал в последнем плавании В. Беринга к берегам Америки, на Камчатке работал вместе с С.П. Крашенинниковым. В своем основном труде «Описание Камчатки» (впервые этот труд был издан в Германии только в 1774 г.) Г.В. Стеллер дал достаточно полную картину быта, нравов, религии ительменов – коренных жителей Камчатки. Некоторые части этого труда стали известны благодаря С.П. Крашенинникову. Многочисленные материалы, собранные Г.В. Стеллером, использовали в своих работах по Сибири последующие исследователи.

Всесторонне исследовал Камчатку другой участник экспедиции, будущий российский академик С.П. Крашенинников (1711-1755). Он оставил большое исследование «Описание земли Камчатки». Это первое в науке русское сочинение, в котором на богатом фактическом материале характеризуется природа Камчатки, описывается ее история и этнография. Еще до написания этого основного своего труда С.П. Крашенинников составил «Описание камчатского народа, сочиненное по сказаниям камчадалов», которое послужило основным источником для «Описания земли Камчатки». В «Описании земли Камчатки» С.П. Крашенинников привел многие ценные наблюдения над бытом и культурой коренных жителей полуострова. Он одним из первых исследователей Сибири обратился к мифологии и фольклору ительменов, чтобы понять корни исторического прошлого этого народа. В мифологии С.П. Крашенинников видел древнюю историческую основу представлений народа о прошлом. Вместе с тем, в сочинении С.П. Крашенинникова имеется много заимствований у Г.В. Стеллера. Однако в этнографическом отношении труд этот заслуживает особого внимания. Значение его было важно не только

для науки России, оно было важно и для Европы, где о Камчатке почти ничего не знали. Труд С.П. Крашенинникова был переведен на ряд европейских языков. В России первое его издание было осуществлено в 1756 г. Труд несколько раз переиздавался в России и до сих пор сохранил свое значение первоисточника по истории народов Камчатки.

Описанию якутов, бурят, эвенков, эвенов, коряков и юкагиров посвящены историко-этнографические материалы Якова Линденау – переводчика и переписчика в составе Академического отряда Г.Ф. Миллера. По поручению Г.Ф. Миллера и по его программе Я. Линденау проводил самостоятельные исследования народов Сибири.

Значительный вклад в изучение народов Сибири внесли ученые и путешественники второй половины XVIII в.: П.С. Паллас, В.Ф. Зуев, И.И. Лепехин, И.П. Фальк, И.Г. Георги, Г.А. Сарычев и др.

Петр Симон Паллас (1741-1811) оставил сочинение «Путешествие по разным провинциям Российского государства», в котором изложил подробные сведения о географии, геологии, ботанике, зоологии, экономике Сибири. Из его исторических материалов заслуживают внимания сведения по археологии и этнографии сибирских народов. Опираясь на археологический материал, П.С. Паллас сделал для того времени ценный вывод о существовании в древности на территории южной Сибири некоего народа, центрами обитания которого были районы рек Абакана, Енисея и подножия Алтайских гор. Древность этого народа П.С. Паллас определял по отсутствию у него железных орудий. Сопоставляя материалы археологии с письменными источниками, П.С. Паллас считал, что существует генетическая связь между венграми, башкирами и вогулами (манси). Общие предки этих народов, по мнению исследователя, обитали в районе Южного Зауралья. Этнографические известия П.С. Палласа подробно раскрывают материальную и духовную культуру качинцев, бельтиров, маторов, тунгусов и других сибирских народов.

Участник экспедиции П.С. Палласа В.Ф. Зуев (1754-1794) в течение 1771-1772 гг. самостоятельно изучал этнографию хантов и ненцев. Он совершил путешествия до Карской губы и низовьев Енисея. Результатом его работы было исследование «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов». Сочинение это было впервые опубликовано только в 1947 г. В.Ф. Зуев после Г. Новицкого был вторым из исследователей Сибири, кто собрал исчерпывающие сведения по этнографии хантов. Для своей работы он использовал широкий круг источников: лингвистический материал, предания и легенды народов Севера, их сказки, свои собственные на-

блюдения. Сочинение В.Ф. Зуева охватывает собой все стороны хозяйственной, общественной и частной жизни хантов и ненцев.

В 1771 г. небольшую часть Сибири - Тюмень - обследовал в историко-этнографическом отношении академик И.И. Лепехин (1740-1802). Свои наблюдения ученый изложил в «Записках путешествия», опубликованных в 1822 г. в «Полном собрании ученых путешествий по России». Как и многие исследователи, И.И. Лепехин в своей работе использовал обширный материал по истории, археологии, этнографии Сибири, устные предания, письменные источники, рассказы очевидцев. Очень подробно дана ученым этнография манси (вогулов). Лепехин одним из первых исследователей обратил внимание на начавшиеся в среде манси процессы культурных заимствований, вызванные влиянием на традиционную культуру манси русского населения.

Современное состояние Сибири было дано доктором медицины И.П. Фальком в его «Записках путешествия академика Фалька». И.П. Фальк совершил длительное путешествие в Сибирь по маршруту Челябинск – Шадринск – Тюкалинск – Омск – Барнаул – Кузнецк - Томск. В его сочинении содержатся сведения в основном экономического и географического характера, представляющие собой ценный статистический источник, построенный на документальных данных. Этнографических сведений о сибирских народах в труде И.П. Фалька почти нет. Однако он отмечал, подобно своим ранним предшественникам, археологические памятники, встречающиеся ему во время его путешествия. И.П. Фальк тщательно фиксировал местонахождения древних погребений с точным обозначением количества и высоты курганов, развалины древних сооружений, культовые и иные изображения; пытался сам вести археологические раскопки. Его интересовала главным образом материальная культура: именно на нее исследователь обращал свое внимание.

Ценный труд по народам Сибири - «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» принадлежит участнику экспедиции И.П. Фалька ботанику академику И.Г. Георги (1729-1802). Сам И.Г. Георги обследовал Восточную Сибирь. Основываясь на обширной к тому времени литературе, накопленном фактическом материале о народах Сибири и России, используя свои личные наблюдения, Георги впервые дал обобщающий историко-этнографический обзор народов России и Сибири. Его работа была построена по определенной методике: характеристика того или иного народа давалась по схеме – самоназвание народа, его происхождение, описание внешнего вида, образа жизни, жилищ, промыслов, религии, одежды, пищи, семейно-брачных отношений,

похоронной обрядности. Труд И.Г. Георги, изданный в России в 1776-1777 гг., был для того времени значительным событием в науке. Не потерял он своего значения и сейчас.

Научное изучение Сибири в XVIII в. позволило накопить неисчерпаемый фактический материал по истории, археологии и этнографии народов Сибири. Его обработкой и изучением было занято не одно поколение ученых. Вместе с тем, исследованию подверглась только небольшая часть Сибири. Многие малодоступные уголки оставались не исследованными. Собранный научный материал (древние рукописи, коллекции) увозился в Петербург, где хранился в музейных собраниях и архивах. Внимание ученых было направлено главным образом в сторону накопления фактического материала. Большие обобщающие работы по народам Сибири и их истории практически еще не писались. Сказывалось общее направление развития науки в XVIII в., когда главная задача ученых заключалась в сборе и систематизации полученных фактов.

2.2.3. Этнографические исследования Сибири в XIX в.

В XIX в. произошли заметные изменения в области изучения народов Сибири. Этнография стала наукой, появились первые этнографические теории, возникли школы.

Сибирь по-прежнему оставалась приоритетным районом в области научных исследований, в том числе и историко-этнографических. На смену общего описания народов Сибири пришли исследования, направленные на изучение культуры и быта отдельных народов, изучение их языка. Расширился круг научных проблем. Определился предмет исследования, задачи, направления, методологические подходы. Особенностью данного периода является то, что кроме центров по изучению Сибири, которыми традиционно выступали Москва и Петербург, научную работу в свои руки взяли местные научные силы.

Начало научных исследований в Сибири XIX в. было положено экспедицией Ф.П. Врангеля на северо-восток Сибири (1820-1824 гг.). Описание и результаты этой экспедиции были опубликованы им в «Путешествии по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю» в 1848 г. В своих путевых записях исследователь обратился к вопросу о происхождении и истории некоторых северо-восточных племен, в частности к истории «загадочных» онкилонов. В другом труде «Обитатели северо-западных берегов Америки» (Сын Отечества. 1839. Т.7.) Ф.П. Врангель дал развернутое этнографическое описание чукчей, юкагиров и эвенов

(ламутов). Исследование алеутов в то время провел И. Вениаминов, опубликовавший свои наблюдения в «Записках об атхинских алеутах и колошах» в 1840 г.

Одним из регионов пристального научного интереса в XIX в. была Якутия. В 1843-1846 гг. научные исследования в этом регионе Сибири провела экспедиция под руководством академика А. Миддендорфа. Результаты этой экспедиции были обработаны и опубликованы А. Миддендорфом в труде «Путешествие на север и восток Сибири». Кроме освещения вопросов климатологии, географии и описания флоры и фауны Сибири, Миддендорф издал большой объем этнографического материала о сибирских народах.

В 1854 г. Вилюйский округ Якутии обследовал академик Р.К. Маак. Им были собраны сведения по антропологии якутов, в частности изучались процессы ассимиляции якутов с тунгусским и русским населением края. Детально Р.К. Маак описал хозяйственно-бытовой уклад якутов, их промыслы, верования, а также сделал зарисовки якутской одежды и домашней утвари. Материалы поездки Р.К. Маака были опубликованы в работе «Вилюйский округ Якутской области» в 1883, 1887 гг. Фольклор якутов и русского населения Якутии собирал в течение 1867-1875 гг. И.А. Худяков. Северное побережье Азии в этнографическом и историческом отношении исследовала экспедиция (1878-1879 гг.) под руководством профессора А.Э. Норденшельда. Этнографию якутов в течение 1880-1891 гг. изучал В.Л. Серошевский. Результаты его работы были опубликованы в труде «Якуты» (СПб., 1896).

Большое значение в истории изучения культуры народов северо-восточной части Сибири имела Сибиряковская экспедиция 1894-1896 гг. Организованная на средства золотопромышленника и мецената И.М. Сибирякова, она ставила целью этнографическое изучение народов Якутии и прилегавших к Якутии областей. Некоторые ее участники, в основном политссылные, стали в последствии известными учеными-этнографами и лингвистами: В. Богораз, В.И. Иохельсон, В.М. Ионов, И.И. Майков. Каждому члену экспедиции были поручены конкретные задачи, в рамках которых должны были быть проведены всесторонние научные исследования народов северо-восточной Сибири. Так, например, В. Богораз исследовал чукчей, чуванцев, ламутов (эвенов); Н.А. Виташевский изучал юридическое право инородцев; В.И. Иохельсон исследовал якутов, юкагиров, тунгусов; А.Г. Левенталь – экономику якутов; антропологические исследования и ассимиляционные процессы в якутско-русской среде изучал И.И. Майков. Кроме этого в круг науч-

ных проблем входили изучение криминальной психологии якутов, различных промыслов и хозяйственно-бытового уклада якутов и соседних с ними народов, семейного быта, одежды, пищи, верований (шаманизма), фольклора. Результаты этой уникальной по своим задачам экспедиции должны были быть опубликованы в 13 томах, однако эта идея не была осуществлена. Отдельные материалы экспедиции были впоследствии напечатаны в виде статей и монографий.

Этнографическое описание орочей, обитавших по р. Витим, составил И. Лопатин. Им был отмечен в 1865 г. факт вымирания этой народности. На момент обследования, по материалам Лопатина, орочей осталось около 300 человек.

Другим приоритетным направлением научного интереса к народам Сибири был Алтай. В первой половине XIX в. на Алтае побывали экспедиции А. Гумбольта, Г. Розе, Г.П. Гельмессера, Ф.В. Геблера (основателя Барнаульского музея), П.А. Чихачева и др. Изучению алтайцев более 30 лет своей жизни посвятил русский миссионер В. Вербицкий. Он был членом Русского географического общества, одним из первых исследователей этнографии, языка и фольклора алтайцев. Свои труды по алтайцам В. Вербицкий начал публиковать в 1850-х гг. Основные работы Вербицкого вошли в его посмертное издание «Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований» (М., 1893).

Наиболее плодотворной в исследовательском отношении была научная деятельность на Алтае академика Василия Васильевича Радлова (1837-1818) – лингвиста-тюрколога, этнографа и археолога, основоположника сравнительно-исторического изучения тюркских языков. В.В. Радлов родился в Берлине (его немецкое имя Фридрих-Вильгельм). В звании доктора философии (1858 г.) принял решение об отъезде в Россию для занятий там научной работой. Сразу же по приезде в Петербург ему предложили занять должность учителя немецкого и латинского языка в Барнаульском горном училище. В Барнауле Радлов наметил себе план изучения языков местного тюркоязычного населения, собирания образцов его фольклора, этнографических и исторических материалов.

На протяжении ряда лет (1859-1871 гг.) В. Радлов совершил многочисленные экспедиции по Алтаю. Он исследовал бачатских телеутов, шорцев, кумандинцев, собирал материалы по этнографии, языку и фольклору этих народов. Радлов первым из исследователей Сибири записал фольклор тувинцев – тогда еще почти неизвестного российской науке тюркоязычного народа. Большое внимание в своих научных экспедициях В. Радлов уделял языку и быту абаканских татар (хакасов), по

поручению Археологической комиссии проводил археологические исследования и раскопки, в период 1865-1867 гг. изучал культуру западно-сибирских татар.

Научные результаты своих исследований В. Радлов публиковал в виде статей и обзоров на немецком языке и в изданиях Русского географического общества (РГО). Главный труд В. Радлова «Из Сибири» был издан в 1884 г. в Лейпциге. Фольклорные материалы, собранные за все время изучения Алтая, были опубликованы исследователем в его монументальном труде «Образцы народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866-1907). Другим уникальным по своему научному значению изданием стал четырехтомный «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1888-1911). Ценными исследованиями В. Радлова являются также его труды по изучению и переводу основных памятников древнетюркской рунической письменности. Ему принадлежит заслуга в дешифровке (одновременно с В. Томсеном (Дания)) орхон-енисейской рунической письменности. Кроме того, он был первым, кто исследовал, перевел и издал памятник древнеуйгурской литературы XI в. «Кутадгу-билиг».

Труды В.В. Радлова легли в основу нового этапа в развитии тюркологии. Он ввел в научный оборот большое число новых этнонимов, дал описание некоторых неизвестных ранее народов, описал родоплеменной состав кумандинцев, впервые в этнографической литературе выделил отдельный народ *шор*, получивший позднее название шорцев, установил самоназвание тувинцев (*туба*) и мн. др. В своих трудах исследователь предпринял первую попытку дать научную сравнительно-этнографическую характеристику шаманства. Радлов подходил к шаманству как к определенной ступени религиозного развития народов.

Большое внимание уделял ученый сибирской археологии. Он полагал, что для создания общего представления о прошлом народов Сибири нужны систематические археологические исследования. За годы пребывания на Алтае им было раскопано свыше ста различных памятников. Районы археологических исследований охватывали Минусинскую котловину, Алтай, Барабинскую степь, Казахстан. В числе выдающихся археологических открытий ученого – памятник скифского времени – Большой Катандинский курган пазырыкского типа, открытие в долине р. Абакана погребения афанасьевского времени (эпоха ранней бронзы), погребений карасукской культуры. Радлову принадлежит заслуга в создании первой в отечественной науке периодизации археологических памятников Южной Сибири и северо-восточной части Казахстана.

В Западной Сибири - в долине среднего течения Оби и ее притоков - лингвистические и этнографические изыскания в первой половине XIX в. проводил финский ученый Матиас Александр Кастрен (1813-1852). В 1838 г. М.А. Кастрен составил план исследования самодийских языков. С 1842 по 1849 гг. в Сибири ученый проводил исследования среди самодийских (селькупы и ненцы) и уральских (ханты) народов. В 1845 г. Кастрен находился в Нарыме, где собрал ценные сведения о «доселе неизвестных» науке самодийских племен – южных селькупов (остяко-самоедов) и дал им этнолингвистическое описание. В 1846 г. Кастрен посетил г. Томск, где собрал сведения о томских татарах. За время своего путешествия по Сибири Кастрен изучил быт и языки малочисленных, а позже исчезнувших южносибирских народов: камасинцев, маторов, койбалов, карагасов. В Туруханском крае были им описаны языки авамских самоедов (нганасан) и енисейских самоедов (энцев).

Результатом исследовательской деятельности А.М. Кастрена среди самодийских племен Сибири явилась его грамматика и словарь пяти языков: ненецкого, энецкого, нганасанского, селькупского и камасинского, была дана примерная классификация всех самодийских языков. Кастрен, основываясь на лингвистических материалах, первым из ученых-сибиреведов научно обосновал отличие остяков (хантов), самоедов (ненцев), остяко-самоедов (селькупов). Он открыл группу южных (нарымских) селькупов – Томских самоедов, проживающих от устья р. Тыма до устья р. Чулыма в Томской губернии.

Научно-лингвистические исследования М.А. Кастрена венчала его теория алтае-саянского происхождения угро-финских и самодийских народов. Намечая планы дальнейших лингвистических исследований, он писал, что «ближайшей задачей языкознания должно быть установление родства между финнами и тунгусами через посредство самодийских языков». Кастрен считал, что через тунгусов лежит путь к маньчжурам, а от них – к монголам, так как с монголами, вероятно, родственны тюрки, тунгусы и маньчжуры. Самодийским языкам в алтае-саянской теории М.А. Кастрена отводилась роль связующего звена.

Глава 3. НАРОДЫ СИБИРИ

3.1. Народы палеоазиатской лингвистической семьи

3.1.1. Чукчи

Самоназвание чукчей – *лыгъораветльан* – «настоящие люди». Это самый крупный народ среди северо-восточных палеоазиатов. Численность по данным переписи населения за 1989 г. составляет 15, 1 тыс. чел. Населяют Чукотский автономный округ, Северо-Корякский автономный округ, Нижне-Колымский район Якутии. Говорят на чукотском языке, относящемся к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков. В 1930 г. был образован Чукотский национальный округ. В 1977 г. – Чукотский автономный округ.

Термин «чукчи» образован от чукотского слова *чавчав* (мн. ч. *чав-чавыв*) – самоназвания оленных чукчей, с которыми столкнулись русские землепроходцы в середине XVII в. Сначала этот термин распространился среди русских в обыденной речи, затем вошел в литературу. В настоящее время он широко употребляется как общее самоназвание народа и почти полностью вытеснил исконное самоназвание чукчей – *«лыгъораветльаны»*. Другой термин - *«анкальын - помор»* являлся самоназванием приморских чукчей, занимавшихся морским зверобойным промыслом. Однако своего распространения в русском языке он не получил.

Первым исследователем чукотского языка (конец XIX в.) был проф. В.Г. Богораз*, занимавшийся комплексными исследованиями

* **Владимир Германович Тан-Богораз** (1865-1936) – выдающийся ученый-этнограф, исследователь аборигенного населения северо-востока Сибири, писатель. Родился в г. Овруче. В 1880 г. окончил гимназию в г. Таганроге, куда переехала его семья вскоре после его рождения. В том же году поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, через год он перевелся на юридический факультет. За участие в студенческих волнениях был выслан в 1882 г. в Таганрог. С 1882 по 1886 гг. занимался революционной деятельностью: возглавлял революционный кружок, подпольную типографию в Таганроге, народническую организацию в Екатеринославе. В 1886 г. был арестован и после трех лет заключения в Петропавловской крепости сослан в Колымск. Первым объектом его этнографического наблюдения стал быт русских колымчан. В течение 1890-1895 гг. им были сделаны ценные записи русского колымского фольклора. В 1895 г. Богораз получил от Восточно-Сибирского отдела русского географического общества приглашение участвовать в Сибиряковской экспедиции по изучению Якутии. Собранные им этнографические материалы поступили в Академию наук, по ходатайству которой министерство внутренних дел разрешило Богоразу вернуться в Петербург для подготовки материалов к изданию. В 1899 г. Тан-Богораз принял от американского Музея естественных наук приглашение участвовать в экспедиции по изучению народов тихоокеан-

культуры чукчей. Под его руководством были созданы чукотский алфавит и учебники чукотского языка.

В 1931 г. была создана чукотская письменность. Одной из особенностей чукотского языка является различие женского и мужского произношения. Близость чукчей с коряками существует в языке и в различных областях материальной и духовной культуры. Близость чукчей с ительменами существует исключительно в области языка. В чукотском языке отмечаются также многие словарные элементы эскимосского языка.

Соседями чукчей являются: на побережье Берингова моря – эскимосы, на юге – коряки, к западу от Колымы – якуты и единичные семьи юкагиров, а также чуванцы и эвенки в бассейнах рр. Колымы и Анадыря. Традиционно чукчи делятся на приморских (*анкалын* – «морской житель», «помор») и оленных (*чавчу*) - тундровых.

В прошлом чукчи подразделялись на несколько территориальных групп: 1) западотундровских чукчей, обитавших в Нижне-Колымском районе Якутии; 2) малоанюйских чукчей, населявших территорию между р. Анюем и Ледовитым океаном; 3) омонских чукчей, кочевавших по р. Омону; 4) чаунских чукчей, занимавших Чаунскую губу и мыс Шмидта; 5) амгуэмских чукчей, кочевавших по р. Амгуэме; 6) чукчей Чукотского полуострова; 7) онмыленских чукчей (внутренних), населявших левые притоки р. Анадыря и его верховья; 8) туманских или вилюнейских чукчей, расселенных по р. Великой и по берегу моря южнее устья Анадыря. Чукотские поселки располагались на побережье Берингова моря, Ледовитого океана, на выдающихся в море мысах или косах.

Впервые гипотезу о происхождении чукчей высказал В.Г. Богораз. Согласно его теории в далеком прошлом существовала непосредственная связь между палеоазиатскими племенами северо-востока Сибири с индейцами северо-западной Америки. Это древнее этническое образование впоследствии распалось на ряд самостоятельных этнических групп в результате появления эскимосов, которые, словно клином, разделили палеоазиатов и индейцев. Эскимосы, как считал В.Г. Богораз, являются в области Берингова моря сравнительно недавними пришельцами. Однако данные археологии, лингвистики, истории свидетельствуют о том, что область Бе-

ского побережья. В течение 1900-1901 гг. он вел исследования среди оленных чукчей, коряков, ительменов и других народностей Камчатки, Чукотки и Анадыря. Материалы этой экспедиции были обработаны исследователем и изданы в Нью-Йорке на английском языке в семи частях. Эта работа принесла Богоразу славу одного из крупнейших этнографов конца XIX – нач. XX вв. После революции 1917 г. Богораз работал в Музее антропологии и этнографии Академии наук, читал лекции по этнографии, фольклору и языкам народов Сибири в Ленинградском университете, занимался исследованиями в области религии, организовал и был руководителем Музея истории религии при Академии наук СССР.

рингова моря была издавна заселена населением, в котором можно видеть предков эскимосов. Таким образом, вопрос о происхождении чукчей неразрывно связан с проблемой происхождения эскимосов.

Согласно современным исследованиям предполагается, что предки чукчей, как и предки родственных им коряков, обитали во внутренних районах Чукотки на рубеже IV-V тыс. до н.э. Население занималось охотой на северного оленя и вело оседлый образ жизни. В середине II тыс. до н.э. предки коряков покинули первоначальную территорию расселения и продвинулись к побережью Охотского моря, где восприняли приморский образ жизни. Предки чукчей вплоть до начала I тыс. н.э. продолжали жить во внутренних районах Чукотки в условиях длительной этнокультурной изоляции. Как свидетельствуют данные археологии, антропологии и топонимики, в начале I тыс. н.э. отдельные группы чукчей продвинулись к побережью Охотского моря в область обитания эскимосов, частично ассимилировав их и переняв некоторые черты их культуры: жировые лампы, пологи, форму шаманских бубнов, способы и приемы охоты на морского зверя, орудия охоты, обряды и праздники, пляски-пантомимы. В результате слияния двух этнических групп образовались современные приморские чукчи, экономика и быт которых носят следы эскимосского влияния.

В области верований отмечается совпадение многих прежде распространенных обрядов приморских чукчей с эскимосскими: жертвоприношения морю для удачи в промысле, праздник *Кэрэ́ткун'а* – духа хозяина моря и др. Различные контакты чукчей с азиатскими эскимосами отражены и в чукотском фольклоре.

Первые контакты русских землепроходцев с чукчами относятся к середине XVII в. В 1642 г. казак Иван Ерастов с товарищами встретил чукчей к западу от Колымы на р. Алазее. Приморские чукчи известны по историческим документам с 1648 г., со времен плавания Семёна Дежнева.

Основу экономики оленных (тундровых) чукчей составляет кочевое оленеводство с ярко выраженным мясо-шкурным характером. Практикуется езда на оленях в упряжке и езда на собаках.

Чукотское оленеводство было самым крупным среди других оленеводческих народов Сибири, как по общему поголовью, так и по размерам отдельных стад. Вместе с тем, оно было наиболее архаичным. Выпас оленей производился только силами пастухов, оленегонных лаек чукчи не знали. Пастух должен был постоянно следить за оленями, чтобы они не отбивались от стада. В случае необходимости пастухи вынуждены были гоняться за каждым оленем, отбившимся от стада. Особенно трудно было удерживать стадо летом, во время сильного гнуса, а зи-

мой во время нападения волков. Степень прирученности чукотского оленя была очень низка. Оленя можно было поймать только при помощи аркана или приманить запахом мочи. Примитивность методов ведения оленеводства проявлялась и в области кастрации. Оленя-самца ловили с помощью аркана и валили на землю, два человека удерживали его, а третий зубами перекусывал семенные каналы или раздавливал яички, после чего оленя отпускали. Летом мужчины уходили со стадом в тундру, а женщины, старики и дети жили в стойбищах по берегам рек или моря. Оленей не доили - иногда пастухи высасывали молоко у оленях.

Благополучие чукчей-олeneводоов зависело от состояния их стад, так как при натуральном характере их хозяйства олень давал населению все необходимое для жизни. На продукты оленеводства (мясо, рога, шкуры, сухожилия и др.) чукчи-олeneводоы выменивали у приморского населения жир морских животных для отопления, освещения и питания, ремни, летнюю одежду и обувь из шкур тюленей.

Такое же место, какое в хозяйстве оленеводов занимало разведение оленей, в хозяйстве приморских чукчей занимал морской промысел. Береговые чукчи охотились на морских зверей: зимой-весной на нерпу и тюленя, летом-осенью на моржа и кита. Основным орудием охоты был гарпун. Тюленей промыслили индивидуально. Распространенный способ охоты заключался в том, что охотник подстерегал тюленя у продуха (отверстие во льду, через которое тюлень выползает на лед) и наносил смертельный удар тюленю, когда тот появлялся у продуха. Весной тактика охоты на тюленя менялась. Охотник подползал к лежащим на снегу и дремавшим на солнце тюленям и ударом гарпуна убивал животное. От охотника требовалось большое искусство и умение маскироваться, используя повадки тюленя. Летом на тюленя охотились на байдарках*. Промысел моржа и кита производился коллективно, на байдарках. Моржей убивали специальным гарпуном с поплавком из шкуры тюленя, снятой «чулком» и надутый воздухом. Раненное таким гарпуном животное не могло уйти от преследования или затонуть. Китов добывали гарпунами с тремя парами поплавков. Добывали раненого кита специальным длинным копьем. С появлением огнестрельного орудия способы охоты упростились, а некоторые исчезли.

Продукция морского зверобойного промысла для приморских чукчей имела первостепенное значение. Мясо морских животных составляло основу питания, оно же шло на корм собакам. Шкуры нерп использовались для пошивки летней одежды и обуви; шкуры моржей – для

* **Байдара** – весельная (иногда с парусом) лодка у чукчей, коряков, эскимосов. Деревянный каркас байдар обтягивался шкурой моржа.

строительства яранги (летняя крыша, подстилка на полу), на обтяжку байдар и т.д. Собачья упряжь целиком изготовлялась из шкур морских животных. Кости и клыки животных использовались на различные поделки и в качестве деталей для нарт.

Рыболовство у чукчей практически не имело значение. Промыслом рыбы занимались мужчины. Приморские чукчи ловили летом навагу небольшим сачком или использовали удочки. На гольца и горбушу ставили сеть. Горбушу заготавливали впрок. Однако продукция рыболовства не обеспечивала чукчей питанием даже на летнее время.

Пушной промысел – добыча белого песка и лисицы - развився благодаря торговле с русскими и американцами. Пушнина служила основным продуктом обмена. Редко убивали белого медведя, однако специально на него не охотились. Прежде, до появления огнестрельного оружия, чукчи промышляли дикого оленя и горного барана, впоследствии почти полностью истребленных. Охотились на тундровую и морскую птицу. До настоящего времени сохранилась охота на птиц с помощью *«бола»* - специального метательного орудия из нескольких веревок (толстых шнурков из оленьих сухожилий) с грузами на концах, которые опутывали летящих птиц. Также при охоте на птиц использовали петли, сети, дротики, палки. Широко практиковался сбор дикорастущих съедобных растений, которым занимались женщины и дети. Для выкапывания растений и корней использовали мотыговидное орудие с наконечником из рога, позднее - из железа. Много корней женщины добывали из мышиных нор.

Обе группы (тундровые приморские чукчи) были связаны отношением натурального обмена. Кроме экономической между ними существовали и родственные связи.

Традиционными ремеслами у чукчей служили выделка меха, плетение сумок, обработка кости и моржового клыка (художественная резьба и гравировка), аппликация из меха и тюленьей кожи, вышивка оленьим волосом.

Основным средством передвижения у тундровых чукчей служил олень, у приморских – ездовые собаки. Использовали два вида нарт: легкие (ездовые) и грузовые. Легкие нарты были мужские и женские. Женские ездовые нарты отличались от мужских нарт большим размером и прочностью конструкции. Грузовые нарты использовались для перевозки имущества и детей во время перекочевки. Пользовались также лыжами.

По воде чукчи передвигались на байдарках, которые приводили в движение с помощью паруса или весел. Размеры байдар были различны – от одиночной до вмещающей 20-30 человек.

Традиционным жилищем чукчей был каркасный цилиндрико-конический нерешетчатый шатер-яранга (**яран,ы**) из оленьих шкур у тундровых чукчей, из моржовых шкур у приморских чукчей. У оленеводов яранга была переносной, у приморских – стационарной. Внутреннее пространство яранги делилось меховыми пологам на отдельные помещения для брачных пар или родителей и детей. Отапливалась яранга каменными лампами с тюленьим жиром. В холодной передней части яранги разводили костер. Яранга приморских чукчей отличалась от жилища оленеводов отсутствием дымового отверстия.

До конца XIX в. у приморских чукчей бытовала полуземлянка (**валкаран**), каркас которой состоял из китовых костей, покрытых землей и дерном. Этот тип жилища был заимствован чукчами, вероятно, у эскимосов. Стойбища тундровых чукчей состояли из двух-десяти яранг, приморских – из двадцати и более яранг, беспорядочно разбросанных по берегу моря. У чукчей-оленьеводов не было никаких хозяйственных построек. Все вещи и запас продуктов зимой они держали внутри яранги. В летнее время лишние вещи хранили на улице на нартах. Приморские чукчи делали из китовых ребер возвышения, на которые летом ставили нарты, а зимой байдары, остальное имущество хранили в яранге.

Сейчас в чукотских поселках строят типовые дома. Во время сезонных перекочевков тундровые чукчи вместо яранг зимой используют меховые палатки, летом - брезентовые.

В качестве основной верхней одежды мужчины носили **кухлянки** из шкур оленей и нерпы. Кухлянка была нераспашной зимней одеждой длиной ниже колен с широкими рукавами и капюшоном. Она подпоясывалась ремнем, к которому крепились нож, кисет, и др. предметы. Штаны были двойные, узкие, длиной до щиколоток, сшитые из меха. Обувь короткая с меховым чулком. Женская меховая одежда шилась в виде комбинезона (**керкер**) длиной до колен с широкими рукавами и воротом. Зимой комбинезон был двойным, летом одинарный, мехом внутрь. Штаны были также двойные из оленьего меха и оленьих шкур. Обувь носили короткую с меховым чулком. Обувь делалась из меха и кожи, длиной до колен. Носили браслеты и ожерелья. Головные уборы чукчи носили редко, чаще ходили с непокрытой головой. Была распространена татуировка лица: кружочки по краям рта у мужчин и две полосы по носу и лбу у женщин. Назначение татуировки было религиозно-магическое –

защита от злых духов. Мужчины стригли волосы кружком и выбривали темя, женщины заплетали волосы в две косы.

Основной пищей у чукчей-оленеводов являлось оленьё мясо. Потребляли не только мясо, но и жир, мозг, кровь, кишки и содержимое оленьего желудка. Основной пищей приморских чукчей служили мясо и жир моржа, нерпы и лахтака^{*}. Впрок заготавливали мясо только крупных животных – белухи, кита, моржа. Тушу моржа, например, разрезали вместе со шкурой на большие куски, до 80 кг. каждый, затем шкуру зашивали, замораживали и складывали в специальные ямы, где это мясо хранилось. Мясо не солили, так как чукчи не употребляли соли. Поэтому моржовое мясо получалось квашеное, им и питались в течение всей зимы. Мясо оленя и морских животных употребляли в вареном, вяленом и сыром виде. Рыбу употребляли в сыром виде, также делали юколу^{**}. Во время массового забоя оленей заготавливали впрок содержимое оленьих желудков (*рилькэиль*). Рилькэиль использовали в пищу в сыром виде как противочинготное средство, а также варили его вместе с кровью и жиром животных, употребляли с ивовыми листьями в качестве приправы к мясу. В пищу шли все съедобные растения в качестве приправы к мясу или к жиру. Приморские чукчи летом употребляли морские водоросли с жиром в сыром или вареном виде. Лакомым блюдом считались колобки из толченых корней, смешанных с жиром и мясом. Их обычно привозили в подарок оленеводам.

Потребление привозных продуктов: муки, чая, сахара, галет, сухарей – было незначительным, так как их мало попадало в глубину тундры. Посудой служили различные блюда, деревянные, костяные и кожаные сосуды; ложки из дерева и кости, бараньего рога. В мешках из нерпичьих шкур хранили жир, рилькэиль, мясо. Со второй пол. XIX в. получили распространение привозная русская посуда.

К XVII в. среди чукчей наблюдался процесс перерастания патриархальной общины в соседскую, развития имущественной дифференциации. В общинной собственности оставались пастбища и промысловые угодья, тогда как олени, собаки, жилища и байдары стали переходить в частную собственность. До XVIII в. у чукчей было известно патриархальное рабство. Рабы захватывались во время военных столкновений с коряками, юкагирами и эскимосами. Иногда рабом считался и чукча, со-

* **Лахтак** – (морской заяц) млекопитающее семейства настоящих тюленей; дл. до 2,5 м, вес до 360 кг. Обитает в Северном Ледовитом океане, а также в северных частях Атлантического и Тихого океанов.

** **Юкола** – вяленая на солнце или копченая рыба у народов Восточной Сибири и Северной Америки.

вершивший убийство соплеменника или его родственник, выданный членами семьи в дом убитого для выполнения тех работ и обязанностей, которые выполнял убитый. У тундровых чукчей существовали патрилинейные родственные группы, связанные между собой обычаями кровной мести, передачи ритуального огня и др.

Основной социально-экономической единицей приморских чукчей являлась байдарная община (артель), которая объединяла несколько семей, главным образом родственников. Эту общину возглавлял владелец байдары. Члены байдарной общины охотились вместе и делили между собой добычу. Социально-экономической единицей тундровых (оленьих) чукчей было стойбище, включавшее 4-5 семей родственников, живших в ярангах и совместно выпасавших оленей.

В области семейно-брачных отношений у чукчей господствовал индивидуальный брак. Однако вплоть до конца XIX в. наблюдались элементы группового брака. У богатых чукчей практиковалось многоженство. Обычным условием заключения брака была отработка за невесту. Существовал также брак путем похищения невесты и путем обмена женщинами. После заключения брака жена поселялась в доме мужа.

Для чукчей характерны были анимистические представления: вся вселенная населена духами (*кэлет*), которые незримы, но очень подвижны; объектом охоты злых духов являлись человеческие души. Болезнь или смерть объяснялась чукчами похищением души человека духами. Залогом защиты от духов служили различные амулеты и заклинания. Каждая семья имела набор священных предметов: связку амулетов, бубен, прибор для добывания огня в виде антропоморфной фигуры из доски.

Среди животных особым почитанием пользовались белый медведь, морж, кит. Особое значение чукчи придавали ритуальным праздникам. Для оленеводов главными праздниками были сезонные (осень и зима) убои оленей, праздник рогов, у приморских чукчей – жертвоприношения морю, праздник байдары, праздник Кэрэтокун'а.

Праздник Кэрэтокун'а был посвящен хозяину всех морских зверей. Он устраивался поздней осенью и длился до трех дней. В финале праздника сжигали изображение Кэрэтокун'а в виде небольшой человекообразной фигуры из дерева, мусор и остатки жертвоприношений собирали и бросали в море. Считалось, что этим морю возвращаются все убитые звери. При совершении религиозных обрядов и празднеств обычно использовали бубен, который был в каждой семье.

Был развит шаманизм. Однако специального шаманского костюма у чукотских шаманов не было. Шамана можно было отличить по боль-

шому количеству амулетов и кисточек, нашитых на одежду. Чукотские шаманы имитировали голоса животных, практиковали чревовещания, сопровождая свои действия игрой на бубне. Особенно почитались шаманы-мужчины, уподоблявшиеся женщинам и наоборот.

У чукчей существовало два вида погребального обряда. Умерших сжигали на костре или оставляли в тундре. Их одевали в особую смертную одежду, сшитую из белых шкур. Когда труп оставляли в тундре, то убивали оленей (у тундровых чукчей) или собак (у приморских чукчей), считая, что умерший совершит на них путь в землю мертвых. Похороны сопровождались многочисленными магическими обрядами. Среди чукчей была распространена добровольная смерть. Считалось, что в царстве мертвых лучшие места предоставляются людям, умерших добровольно, от руки родственника. Чаще всего добровольную смерть предпочитали старики. Но нередко поводом для нее служила тяжелая болезнь, обида или сильное горе.

Чукотский фольклор включает космогонические мифы, предания, легенды, сказания, былины. Мифология имеет общие черты с мифологией коряков, ительменов, эскимосов и северо-американских индейцев. Общий мифологический сюжет - Ворон-демиург.

Христианизация почти не затронула чукчей. Обращение чукчей в христианство имело место только вблизи русских поселений, но и там оно ограничивалось усвоением некоторых простейших обрядов. В начале XX в. православными числились около 1,5 тыс. человек.

3.1.2. Коряки

Самоназвание единого не имели. Групповые самоназвания: **чавчавыв** (ед. ч. **чавчыв**, **чавчу**) – оленевод, «богатый оленями», для обозначения оленных коряков; **нымыльту** (ед.ч. **нымыльтын**), **нымылгын**, «местный житель», поселянин – самоназвание приморских коряков. Название «коряки» (XVII в.) происходит от корякского корня *кор* – «олень». Основой для названия послужила форма местного падежа от этого корня – **корак**, т.е. «у оленей находящиеся». По другой версии этноним «**коряк**» был заимствован русскими от юкагиров или эвенов, которые называли коряков **кярйкй** (юкагирское название) или **хэёкэл** («тот, кто показывает из-за бугра» - эвенкское название). Численность в России 8,9 тыс. чел. Населяют Корякский автономный округ Камчатской области, Чукотский автономный округ, а также северные районы Магаданской области. Говорят на корякском языке, относящемся к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков. Ближайшими соседями коряков являются чукчи.

Общая численность коряков до прихода русских составляла около 10 тыс. человек.

Первые сведения о языке коряков были собраны С.П. Крашенинниковым в середине XVII в. До начала XX в. корякский язык почти не изучался. Его изучение было возобновлено и поставлено на научную основу В.Г. Богоразом. В трудах ученого получило обоснование родство корякского языка с другими языками чукотско-камчатской группы. Корякский язык представлен рядом диалектов, самый распространенный из которых чавчувенский диалект. На нем базируется корякская письменность на русской графической основе. Диалекты корякского языка изучены мало. По месту жительства и культурно-хозяйственному типу коряки, как и чукчи, делятся на две группы – тундровые (оленные, кочевые оленеводы) и приморские (оседлые, береговые, «сидячие» коряки, морские зверобои, рыболовы, охотники).

Проблема происхождения коряков разработана пока недостаточно. Археологические находки остатков жилищ, керамики, каменных и костяных орудий на территории северо-западной части Камчатки и побережья Охотского моря следует отнести к предкам современных приморских коряков. Древнейшие предки приморских коряков – племена древнекорякской культуры Охотского побережья, сложившейся в период неолита на основе охотничье-рыболовецкого хозяйства. На рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. древнекорякская культура развилась в культуру морских зверобоев. В дальнейшем происходил процесс формирования корякской этнической общности. В результате перехода к морскому зверобойному промыслу и оседлости произошло постепенное обособление отдельных групп древних коряков и дробление древнекорякского языка на ряд диалектов. Вопрос о времени приобщения коряков к оленеводству и путях его распространения остается открытым. Предполагается, что оленеводство развилось у приморских коряков в результате их контактов с тунгусскими племенами в районе Пенжинской губы и на восточном побережье Камчатского полуострова, примыкающего к Чукотке. Существует и другая точка зрения на этногенез коряков, согласно которой предки коряков в период неолита населяли районы центральной Чукотки, откуда во II тыс. до н.э. продвинулись к побережью Охотского моря, где восприняли приморский образ жизни.

Памятники устного народного творчества народов крайнего северо-востока свидетельствуют о тесных взаимоотношениях коряков с чукчами, эвенами, юкагирами, ительменами. Эти отношения выражались, с одной стороны, в межплеменном обмене, с другой - в военных столкно-

вениях. Корякский фольклор также свидетельствует о враждебных столкновениях между приморскими и оленными коряками.

Первые сведения о коряках были получены в сер. XVII в. от казаков Семена Дежнева и Михаила Стадухина. Движение русских на Камчатку началось с походов Морозко (1690 г.) и В. Атласова (1697-1698 гг.). Со второй пол. XVIII в. устанавливаются тесные торговые отношения между коряками и русскими.

В прошлом коряки подразделялись на девять территориальных групп, самые многочисленные из которых были чавчувены – оленеводы, составлявшие половину всей народности, и алюторцы, населявшие обширную территорию Камчатского перешейка (побережье Берингова моря и побережье Охотского моря). У коряков были представлены оленеводство, промысел морского зверя, рыболовство и охота. Чавчувены (оленные коряки) были типичными оленеводами; пушная охота была подсобным занятием, рыболовство также не играло заметной роли. В хозяйстве алюторцев имело место редкое сочетание рыболовства и морского промысла с оленеводством. Для остальных семи групп коряков также был характерен комплексный тип хозяйства.

Оленеводство было представлено двумя типами: крупнотабунное и мелкотабунное. Крупнотабунное оленеводство существовало у коряков-чавчуенов. поголовье их табунов насчитывало до 10 тыс. оленей. Оленеводство было кочевым. Выпас табунов осуществлялась силами пастухов без помощи собак. В пастухи нанимались малоимущие и безоленные коряки, выполнявшие свою трудную работу за пищу и одежду. Зимой стадо паслось вблизи стойбища. В течение зимнего времени все стойбище совершало несколько перекочевков на новые пастбища. Летом пастухи угоняли стадо в горы, где был обильный корм для оленей. Стойбища располагались в это время года по берегам рек. Осенью пастухи подгоняли стадо к стойбищу. По первому снегу стадо и стойбище откочевывали на места зимних пастбищ. Олень давал главный продукт питания – мясо и основной материал для одежды и устройства жилищ – шкуры и жилы, из которых изготовлялись нитки. Олень также служил у чавчуенов единственным средством передвижения.

Мелкотабунное оленеводство существовало у коряков-алюторцев. Их табуны насчитывали в редких случаях 1000 оленей. Характерной чертой оленеводства алюторцев являлось использование собак как ездовых животных. В каждом хозяйстве было несколько собачьих упряжек. На оленях алюторцы совершали лишь недалекие поездки. Для алюторцев характерно было сочетание оленеводства с морским промыслом и рыболовством. Весной все алюторцы выезжали на морской промысел

для охоты на плавучих льдах. Летом, во время хода рыбы, аляutorцы прикочевывали на устья рек, где совместно с чавчувенами заготавливали рыбу на зиму. Оленьи стада на это время оставались под присмотром молодежи. Второй тип корякского оленеводства возник значительно позже первого.

Северные оседлые коряки занимались промыслом морского зверя, который делился на два сезона: весенний и осенний. Весенний сезон начинался в середине марта и заканчивался во второй половине июня. Осенний сезон начинался в середине сентября и заканчивался во второй половине ноября. На морскую охоту выезжали на байдарках и баркасах. В древности у коряков был развит промысел кита. По преданиям охота на него производилась с помощью большой сети, сплетенной из толстых ремней. Сеть прикреплялась к прибрежным скалам и утесам. Охотники загоняли в сеть кита, который в ней запутывался. Загнанного в сеть кита охотники добивали копьями и гарпунами, затем вытаскивали на берег.

Из шкур морских животных изготавливали ремни и подошвы для обуви. Мясо и жир шли в пищу, ими запасались впрок. Жир также служил для освещения. Излишки продуктов морского промысла обменивались на продукты оленеводства.

У восточных и западных оседлых коряков побережья Берингова моря основой хозяйства было рыболовство. Рыбный промысел занимал весь летний период и начало осени. Самым распространенным способом лова рыбы у коряков были запоры, когда река с двух берегов перегораживалась сходящимися изгородями из прутьев и кольев. Ловили рыбу также при помощи железного крючка «марика» и сачка «черпушки».

Большая часть улова шла на приготовление юколы, которая весь год была основной пищей людей и главным кормом для собак. Готовую юколу складывали для хранения в амбары – шалаши на высоких сваях, крытые сухой травой. Приготовлением юколы обычно занимались женщины.

Важным подспорьем в хозяйстве оседлых и кочевых коряков служила охота, которой занимались мужчины. На мясо добывали медведей, тарбаганов, диких оленей, горных баранов. Из пушных животных добывали лисицу, росомуху, зайцев, горностаев, камчатского соболя. Соболей ловили сеткой, на горностаю ставили капкан, прочих зверей били стрелами, позднее ружьями.

Значительную роль в хозяйстве коряков играл сбор съедобных растений. Им занимались исключительно женщины и дети. Съедобные корни добывались преимущественно из мышиных нор. Из ягод собирали морошку, голубику. У оседлых коряков было развито собирательство

съедобных моллюсков, яиц диких птиц, морской капусты, съедобных трав: дикого щавеля, сараны, кипрея, борщевика и др.

Традиционными домашними промыслами были обработка дерева, кости, металла, камня; плетение, выделка шкур. В древности корякам было известно гончарство. В хозяйстве широко применяли дерево и кость. Из дерева изготавливали олени и собачьи нарты, лодки, весла, копья, домашнюю утварь. Из кости и рога оленя делали ножи для разделки рыбы, кирки, наконечники гарпунов, тормоза для оленьих нарт, гребни для расчесывания травы. До начала XX в. в обиходе коряков были еще каменные топоры и наконечники копий. С приходом русских среди коряков стало распространяться огородничество, молочное животноводство, коневодство. В настоящее время традиционные отрасли - оленеводство и рыболовство - определяют экономическую направленность Корякского автономного округа.

Транспортными животными у кочевых коряков были олени, которых запрягали в нарту, у оседлых – ездовые собаки, которых также запрягали в нарту. Полная упряжка собак состояла из 10-12 животных.

Для передвижения по воде (море), коряки использовали кожаные лодки – каяки и байдары. Байдара использовалась, главным образом, как промысловая лодка. Летом по воде коряки передвигались на *батах* – лодках, выдолбленных из толстых древесных стволов. Управлялась такая лодка специальным длинным шестом. Для выхода в море использовали сдвоенные баты, соединяя две лодки при помощи толстых поперечных палок.

Жилищем коряков-оленьеводов являлась яранга (*яан'а* - на чавчу-венском диалекте; *раран'а* – на алюторском диалекте). Она представляла собой цилиндрический в основании, конический в верхней части шатер с остовом из шестов и покрытием из оленьих шкур шерстью наружу. На стойбище обычно стояло от двух до пяти яранг. Жилищем почти всех приморских коряков служила полуземлянка (*лымгыян*), основу которой составляла обширная яма глубиной 1-1,5 м, выложенная внутри вертикальными бревнами в виде частокола в форме неправильного восьмиугольника. Свод кровли имел вид усеченного конуса с наружным щитом-раструбом в форме воронки. Вверху крыши оставлялось отверстие, служившее выходом для дыма, световым окном и выходом из землянки в зимнее время. В качестве лестницы использовали толстое бревно с выемками-ступеньками. В полуземлянке могло проживать несколько семей.

Селения приморских коряков были сравнительно многолюдны и находились в удобных для промысла бухтах или вблизи устьев рек. Летом рыбаки жили в каркасных сооружениях на помостах. С конца XIX в.

некоторые коряки стали жить в бревенчатых избах русского типа. В настоящее время коряки живут в поселках с типовыми домами, оленеводы – в ярангах и шалашах.

Традиционной зимней одеждой коряков была меховая рубаха-кухлянка, штаны, капор и обувь. Она наиболее близка к чукотской одежде. Зимняя одежда была двойная: нижняя – мехом к телу, верхняя – мехом наружу. Одежду эту шили обычно с капюшоном и небольшим нагрудником. Основной одеждой мужчин являлась длинная до колен меховая рубаха с капюшоном, меховые штаны и обувь. Женская одежда представляла собой широкий меховой комбинезон с рукавами. Шаровары комбинезона заправляли в обувь. Поверх комбинезона женщины часто носили меховую рубаху, похожую по своей форме на мужскую. Материалом для одежды, как зимней, так и летней, служили шкуры молодых оленей. Шкуры других животных (собак, лисиц, волков, росомех) использовались лишь для отделки верхней одежды и для пошива шапок и рукавиц. Характерной особенностью зимней одежды коряков, отличавшей ее от чукотской, являлась узорчатая кайма на подоле из оленьего меха – *опуван*.

Летняя одежда не отличалась по покрою от зимней одежды, только шилась из ровдуги*. Летом носили также поношенную зимнюю одежду. Дети носили меховой комбинезон, штаны и обувь.

На ноги взрослые и дети от 6 лет надевали сначала меховые короткие чулки шерстью внутрь, а поверх них обувь из камусов (шкур с голени оленя, лося или других копытных животных), сшитую мехом наружу. Головным убором у мужчин и мальчиков служила меховая шапка в виде капора. Женщины носили шапки значительно реже мужчин. В южных районах распространены были платки. Женщины и девушки носили серьги, которые делали сами, нанизывая на сухожильные нитки бусы.

Основной пищей коряков-оленьеводов было оленьё мясо, обычно вареное. Костный мозг оленя, почки, хрящи, ножные сухожилия съедались сырыми. Из крови и содержимого оленьего желудка варили похлебку. Зимой употребляли толченое мерзлое мясо. Замороженным мясом питались в дороге. Копыта оленей квасили в крови, молодые отростки рогов ели вареными. Рыбы употребляли не много, летом вареную, зимой юколу. Юколу заготавливали летом или выменивали у приморских жителей.

* **Ровдуга** – замша из оленьей или лосиной шкуры у народов Севера и Сибири. Оленья замша. Объясняют из саамского языка – goavggo - 'санная полость из шкур'. Так же русское рева – 'дубленая ворсистая оленья шкура', 'одеяло с мешком для ног из оленьей шкуры'.

Основной пищей приморских оседлых коряков была рыба: летом вареная, зимой юкола и квашеная («кислая») рыба. Верхняя часть рыбьей головы – мозг, хрящи, глаза – употреблялась в сыром виде и считалась лакомством. Мясо морских животных (тюленей, белух) варили или замораживали. Ценился жир морских животных, его ели в сыром или топленом виде, смешивая с мясом или юколой.

В большом количестве коряки употребляли в пищу различные съедобные растения в качестве приправ к мясным блюдам и как отдельные кушанья. Из привозных продуктов употребляли чай, сахар. Потребление муки было незначительным. Сильно распространен был листовой табак. В качестве возбуждающего средства употребляли мухоморы.

У коряков в конце XIX в. преобладала частная собственность. Однако еще существовали черты первобытнообщинных отношений. Особенно они были заметны у приморских коряков. В летнее время родственные семьи объединялись для совместного лова рыбы, добыча делилась поровну. Коллективный характер носил и морской зверобойный промысел. Мясо и жир добытого животного делились поровну между всеми жителями поселка. Основной экономической единицей всех групп коряков в XIX – начале XX вв. была большая патриархальная семья. Было развито многоженство. Наиболее распространенным способом заключения брака была отработка за невесту. Период отработки жениха в хозяйстве будущего тестя длился от 2-3 месяцев до 3 лет. Существовали обычай *сорората*, когда вдовец был обязан жениться на младшей сестре, младшей двоюродной сестре или племяннице умершей жены, и обычай *левирата*, по которому младший брат был обязан жениться на вдове старшего брата. В корякских семьях существовало строгое половое разделение труда.

По религиозным представлениям коряков, весь мир был населен множеством вредоносных существ – *нин'вит'ов*. Они представлялись невидимыми существами, которые могли при необходимости стать видимыми. Нинвитами становились люди после смерти. Считалось, что нинвиты охотятся за человеком и поедают его, вселяясь в его тело. Чтобы задобрить нинвитов, коряки приносили им жертвы в виде щепотки табака, спичек, нескольких патронов и пр. Места обитания нинвитов могли находиться в лесу, у ручья, на месте гибели охотника или в развалинах старого жилища и т.п. Коряки верили, что единственным человеком, имеющим власть над нинвитами, был шаман.

Вместе с тем, существовало и другое отношение коряков к умершим. Все умершие предки, обитающие под землей или на небе, являются помощниками живых людей. Они посылают удачу при охоте, охра-

няют стада оленей, охраняют жилище. Изображения предков делались из дерева в виде деревянной антропоморфной фигуры – *калак*. В корякской семье была целая связка таких изображений. Каждый коряк имел своего калака – персонального духа-охранителя. Трупы умерших коряки сжигали.

У коряков был развит шаманизм. Специальной одежды у корякских шаманов не было, они совершали свои обряды в обычной одежде, с большим количеством нашитых на нее подвесок. При камлании применялся бубен. Кроме профессионального шаманства у коряков существовало женское семейное шаманство, которое было связано с культом семейного очага.

Каждый родившийся член семьи рассматривался как возродившийся предок. Имя предка устанавливалось при помощи гадания на камне, подвешенном в мешочке на специальной треноге. Если камень качнется при произнесении имени одного из предков, то считалось, что именно этот предок и возродился, а его имя давалось новорожденному.

По представлениям коряков, создателем вселенной и всех людей был *Ан'ан*, или *Этэни*. Изначально все люди были добрыми, без пороков. Однако в процесс создания людей неожиданно вмешалось вредоносное существо *нэн'вэтгыйн'ын*, которое вынуло у людей их сердца и заменило их глиняными. От этого у людей появились все пороки и болезни.

Родственными людям считались у коряков волки. О волке говорили как о звере-шамане. Еще в XX в. у коряков бытовал запрет убивать волков, что негативно отражалось на оленеводстве.

У оленеводов и оседлых коряков ежегодно устраивались сезонные празднества. Основной оленеводческий праздник – весенний *кильвэй* – праздник рогов, который справлялся после отела. Осенью происходил праздник осеннего убоя оленей. У приморских коряков перед началом весеннего морского промысла справлялся праздник спуска байдары, на котором приносились в жертву собаки. В ноябре после окончания осеннего промыслового сезона устраивался «праздник нерпы», в древности – «праздник кита». Участники праздника просили убитых животных возвратиться в море с тем, чтобы в следующем сезоне они вновь дались в руки охотникам.

3.1.3. Ительмены

Самоназвание - *ительмень*, *итэнмыи*, *ительмен*, *итънмън* – «местный житель», «житель», «тот, кто существует», «сущие», «живущие».

Коренные жители Камчатки. Компактно проживают в Тигильском районе Корякской автономной области и в Магаданской области. Численность в России 2429 человек. Говорят на ительменском языке, относящемся к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков. Ближайшие соседи ительменов – оленные коряки – называли их общим именем с приморскими коряками: *нымылын* – «житель селения». В XVIII в. оленные коряки называли ительменов *хончало*. От этого слова производят названия «*Камчатка*» и «*камчадалы*». В прошлом ительменов вместе со смешавшимися с ними русскими именовали камчадалами. Первые научные сведения об ительменах и их языке были получены в середине XVIII в. от С.П. Крашенинникова.

Систематическое изучение ительменского языка относится к концу XIX в. Начало изучению было положено В.Г. Богоразом. В 1932 г. на основе латинской графики для ительменов была создана письменность, однако из-за малочисленности народности она не получила развития. В настоящее время ительмены двуязычны: вторым их родным языком является русский.

Вопрос о происхождении ительменов остается до конца не выясненным. В этногенезе ительменов выделяют несколько этапов. Первый этап, к которому относится древнейший субстратный пласт, легший в основу формирования ительменов, связан с мезолитической культурой бродячих охотников и рыболовов. Археологические данные позволяют говорить о том, что истоки этой культуры восходят к районам восточной Монголии, откуда она впоследствии распространилась на значительную территорию Восточной Сибири и на территорию северо-восточной Азии, в том числе и на Камчатку. Генетическую связь ительменов с древнейшими представителями монголоидной расы подтверждают и антропологические данные. Следующим этапом формирования ительменов было развитие ранненеолитической тарьинской культуры на территории центральной и южной Камчатки. Этническую основу носителей тарьинской культуры составляли проникшие на Камчатку и смешавшиеся с остатками древнего населения племена охотников и рыболовов из континентальной Сибири (Прибайкалья, Лены, Приамурья и Приморья). Как показывают археологические и этнографические материалы Камчатки, носители тарьинской культуры были предками современных ительменов. Об этом свидетельствуют конструктивные особенности жилищ ительменов, напоминающие неолитические жилища тарьинской культуры; каменные и костяные орудия, близкие к неолитическим наконечникам стрел, копий, топоров и др.; особенности погребального обряда: отсутствие, как в культуре ительменов, так и в памятниках тарьин-

ской культуры антропологического материала. Последний факт говорит о том, что и ительмены, и их предки — тарьинцы оставляли покойников на поверхности земли. Фольклор ительменов отражает природные явления, флору и фауну, носящих ярко выраженный камчатский облик, что также является свидетельством о древних камчатских корнях ительменов. Вместе с тем, на формирование этнокультурного облика ительменов оказали влияние этнические контакты с народами Приамурья, Приморья и Северной Америки.

Первые этнографические сведения об ительменах были получены в конце XVII в. от В. Атласова, который застал у них еще неолитическую технику. Особый интерес представляют сведения В. Атласова о гончарстве, потому что уже 40 лет спустя С. Крашенинников не нашел у ительменов следов этого занятия.

Традиционным занятием ительменов был рыболовство. Основным сезоном промысла рыбы было время хода лососевых пород. Орудиями лова служили запоры, сети, крючки. Сети плели из крапивных ниток. С появлением привозной пряжи стали изготавливать невода. Рыбу заготавливали впрок в вяленом виде, квасили в специальных ямах, зимой замораживали.

Вторым по своему значению занятием ительменов были морской зверобойный промысел и охота. Добывали тюленей, котиков, морских бобров, медведей, диких баранов, оленей. На пушного зверя охотились, главным образом, ради мяса. Основными орудиями промысла служили лук и стрелы, капканы, различные ловушки, петли, сети, копья. Южные ительмены промышляли китов при помощи отравленных растительным ядом стрел. С приходом русских среди ительменов стало распространяться огнестрельное оружие. Продукция зверобойного промысла полностью использовалась в хозяйстве, а излишки обменивались у коряков на оленье шкуры, мясо, сухожилия. Пушнина (лисица и соболь) шла в уплату ясака.

У ительменов было самое широкое среди северных народов распространение собирательства. Все съедобные растения, ягоды, травы, корни шли в пищу. Наибольшее значение в пищевом рационе имели клубни сараны, листья баранника, черемша, кипрей. Продукты собирательства запасали на зиму в сушеном, вяленом, иногда в копченом виде. Как и многих сибирских народов собирательство было уделом женщин. Из растений женщины изготавливали циновки, мешки, корзины, защитные панцири. Также на женщинах лежала обязанность по заготовке и обработке рыбы. Рыболовство и охота, приготовление пищи, уход за собаками и все плотничьи работы являлись мужским занятием.

Орудия труда и оружие ительмены делали из камня, кости и дерева. Для изготовления ножей и наконечников гарпунов применялся горный хрусталь. Огонь добывали при помощи специального прибора в виде деревянного сверла.

Единственным домашним животным у ительменов была собака. В позднейшее время на Камчатке распространилось упряжное собаководство восточносибирского типа. Средствами передвижения служили зимой лыжи скользящего и ступательного типов, а также собачьи упряжки. По воде передвигались на **батах** – долбленых колодообразных лодках, которые нередко сдваивали или страивали.

Селения ительменов («острожки» – **атынум**) располагались по берегам рек и состояли из одного-четырех зимних и от четырех-сорока четырех летних жилищ. Планировка селений отличалась своей беспорядочностью. Основным строительным материалом служило дерево. Зимним жилищем была полуподземная «юрта», как ее называли русские, площадью до 100 кв. м с входом и выходом через дымовое отверстие в крыше. Боковым выходом пользовались только женщины и дети. Снаружи стены покрывались травой и засыпались землей. Очаг располагался у одной из стен жилища. В таком жилище жила большая (до 100 человек) семья. Как отмечают исследователи, такие жилища к концу XVIII в. были вытеснены срубными избами русского типа. В 1940-х гг. у ительменов бытовали т.н. землянки (**к'н'ухт**) – каркасные постройки с б столбами в основе. Летним промысловым жилищем для каждой отдельной семьи служили балаганы (**мэм**) – крытые травой шалаши пирамидальной (четырёхскатной) или конической формы, расположенные на высоких свайных помостах на основе из девяти столбов. В жилище поднимались по дереву с зарубками. Имелось две двери – одна против другой. Между сваями под помостом из жердей вялили рыбу. С переходом в срубные дома балаганы стали использовать в качестве хозяйственных строений.

На промыслах ительмены также жили в легких каркасных постройках – **бажабаж** – двускатных, односкатных и пирамидальных по форме жилищах. Покрывались такие жилища ветвями деревьев, травой, отапливались костром. Дверь состояла из досок.

Из хозяйственных построек ительмены заимствовали у русских срубные амбары и постройки для скота.

Старинная одежда ительменов была сходна с корякской и чукотской. Носили глухую меховую одежду из шкур оленей, собак, морских животных и птиц. В набор повседневной одежды мужчин и женщин

входили штаны, кухлянка с капюшоном и нагрудником, камлея* и торбаса – мягкие оленьи сапоги. Зимой кухлянка и штаны были двойные. Традиционным зимним головным убором у мужчин была шапка из птичьих перьев и разного меха, летом – деревянные шляпы, а также берестяные *умбракулы* с завязками на затылке. Зимним головным убором женщин был капюшон кухлянки. В качестве защитной одежды использовались плетенные из травы дождевики и соломенные циновки. Детская одежда не отличалась от взрослой, только была меньших размеров. От русских ительмены заимствовали ношение нижнего белья, летней одежды и украшений.

Традиционной пищей ительменов была рыба. Наиболее распространенными рыбными блюдами считались юкола, вяленая лососевая икра, чуприки – запеченная особым способом рыба. Зимой ели замороженную рыбу. Лакомством считались квашеные рыбы головы. Употреблялась и вареная рыба. В качестве дополнительной пищи употребляли мясо и жир морских животных, растительные продукты, мясо птицы. От русских ительмены заимствовали различные способы засолки и копчения рыбы, употребления в пищу картофеля, мучных изделий, супов, чая.

К моменту первого знакомства русских с Камчаткой ительмены находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Преобладающей формой социальной организации ительменов была патриархальная семья. Зимой все ее члены жили в одном жилище, летом – распадалась на отдельные семьи. Члены семьи были связаны узами родства. Господствовала общинная собственность, бытовали ранние формы рабства. Большие семейные общины и объединения постоянно враждовали между собой, вели многочисленные войны. Для брачных отношений была характерна полигамия – многоженство.

Религиозные представления ительменов имели ряд общих черт с верованиями чукчей и коряков. В основе религиозного мировоззрения ительменов лежали анимистические представления. Ительмены верили в силу злых духов, которые населяют землю, леса, горы и воду, а также в силу добрых духов-покровителей. Изображения духов выполнялись из дерева. Был развит шаманизм, однако шаманы у ительменов не имели специальной одежды и бубнов. В роли шаманов выступали женщины. Все стороны жизни и быта ительменов регламентировались поверьями и приметами. Существовали обрядовые празднества, связанные с годовым хозяйственным циклом. Главный праздник года, длившийся около меся-

* **Камлея** – непромокаемая глухая верхняя одежда с капюшоном, сшитая из кишок морских животных или из оленьих или лосиных шкур. Верхняя кожаная рубашка. Плащ из белой ткани у охотников.

ца, проходил в ноябре, после завершения промысла. Он был посвящен хозяину моря *Мумгу*. Праздник оканчивался своеобразным обрядом «очищения» – прохождением сквозь обручи из березовых прутьев. Ительмены совмещали традиционный промыслово-хозяйственный календарь с православным. Праздновали православные праздники, соблюдали основные обряды.

В прошлом трупы умерших людей ительмены оставляли не погребенными или отдавали на съедение собакам, детей хоронили в дуплах деревьев. С обращением ительменов в православие в середине XVIII в. погребение стало совершаться по христианскому обряду.

Центральной фигурой мифологии ительменов был ворон-творец *Кутх*, добывший землю из воды, создавший людей и научивший их ловить рыбу, плести сети, делать лодки. Ворон-творец Кутх выступал как первопредок и могучий шаман. В современных условиях традиционная народная культура ительменов развивается в рамках самодеятельности.

3.1.4. Азиатские эскимосы

Самоназвание – *югыт, юпигыт, йупигыт* («люди», «настоящие люди»). Живут на побережье Чукотского полуострова, от Берингова пролива на севере до залива Креста на западе, а также на о. Врангель. Численность 1,7 тыс. чел. Говорят на эскимосском языке, относящемся к эскимосско-алеутской языковой семье. В 1932 г. была введена письменность, основанная на чаплинском диалекте, на котором говорило 70% азиатских эскимосов. До 1937 г. эскимосская письменность базировалась на латинской графике, а затем была переведена на русскую графическую основу.

Термин «азиатские эскимосы» вошел в литературу с конца XIX в. и обозначал эскимосов, проживавших на азиатской территории России. Эскимосы также живут в США, Канаде и на о. Гренландии. Соседями азиатских эскимосов являются приморские чукчи. В 1926 г. небольшая группа азиатских эскимосов переселилась на о. Врангель. Изучение эскимосского языка и культуры началось в конце XIX в. благодаря Н.Г. Гондатти и В.Ф. Миллеру. В начале XX в. изучением языка и культуры эскимосов занимался В.Г. Богораз. Интенсивная работа по изучению эскимосов проводилась и в последующее время.

Происхождение эскимосов дискуссионно. Археологические, этнографические и лингвистические данные говорят о том, что история азиатских эскимосов тесно связана с историей чукчей. Прародиной эскимосов был крайний северо-восток Азии, откуда эскимосы продвинулись

через Берингов пролив на северо-запад Америки. В период неолита на Чукотском полуострове существовала *древнеэскимосская* прибрежная культура охотников на морского зверя. Следующим этапом в истории древних эскимосов стала *берингоморская* культура (I тыс. н.э.), которая в начале II тыс. н.э. сменилась *пунукской* культурой. Носители пунукской культуры непосредственно смыкаются с приморским населением, известным в русских источниках XVII в. как «пешие», «сидячие чукчи», под которыми подразумевались эскимосы. Основным занятием населения продолжала оставаться морская охота. Охотились на моржей, китов и тюленей. Во время охоты использовали гарпун. Орудия промысла и различный инвентарь изготовлялся из дерева, кости и камня. Плавки металла эскимосы не знали. Среди предметов хозяйства бытовали плоские глиняные светильники, горшки с вдавленным орнаментом, мотыги из моржового клыка, сосуды, панцири и сети на тюленя из китового уса.

Первые упоминания об эскимосах в русских источниках относятся к середине XVII в. К концу XIX в. между эскимосами и русскими установились тесные торговые отношения.

Традиционным занятием эскимосов был морской зверобойный промысел. Важнейшим объектом промысла был морж, на втором месте стоял промысел тюленя и кита. Моржа промыслили весной на плавучих льдах. С исчезновением льда начинался промысел моржа на воде. Для этого использовали байдары. Также на моржей охотились способом «отгона», когда охотник по воде ударял специальной хлопушкой, звук которой напоминал звуки касатки – главного врага моржей в море. Испуганные этим звуком животные в панике устремлялись на берег, где их убивали при помощи копий. Практиковалась также поколка тюленей на лежбище. Тюленей добывали гарпунами и дротиками в воде, на льду, у проруби. Охота на китов осуществлялась коллективно на нескольких байдарках. Один добытый кит обеспечивал население мясом и жиром на год. Добыча кита заметно сократилась во второй половине XIX в. в связи с его массовым истреблением американскими китобоями. С появлением огнестрельного оружия изменились методы охоты на морского зверя, увеличилась его добыча.

Продукция морского зверобойного промысла удовлетворяла все потребности натурального хозяйства эскимосов. До середины XIX в. главными орудиями добычи были копье, гарпун и ременные сети.

Подсобными занятиями у эскимосов были охота на пушного зверя, рыболовство и собирательство. На дикого оленя и горного барана охотились при помощи лука и стрел с каменным и костяным наконечником. С середины XIX в. увеличилось товарное значение пушной охоты. Ры-

боловство имело примитивные формы: рыбу ловили удочкой и сетью из китового уса. Охотились также на птиц.

Средствами передвижения у эскимосов служили зимой собачьи нарты и лыжи. По снегу передвигались на лыжах ступательного типа, а для передвижения по льду использовали специальные шипы из кости. По воде передвигались на лодках: каяках, байдарках и вельботах. Каяк представлял собой одноместную кожаную лодку с решетчатым остовом с небольшим круглым отверстием сверху для гребца. Отверстие затягивалось специальным шнуром, что обеспечивало безопасность зверобоя даже в тех случаях, когда лодка переворачивалась. Ее конструкция позволяла принять прежнее положение. Байдары были чукотского типа на 20-30 гребцов.

Постоянные поселения эскимосов располагались в устьях рек, бухтах, на сопках, мысах, береговых террасах. Зимние селения тяготели к высоким террасам, летние располагались на галечных косах.

Традиционным зимним жилищем эскимосов было полуподземное каркасное жилище с остовом из костей, челюстей и черепов кита (*нын'лю*). Каркас жилища состоял из угловых, боковых и центральных столбов. В некоторых жилищах был один вход, у других – два: верхний (наземный) и нижний (подземный). Жилища с двумя входами отапливались очагом, а жилища с одним входом – жировыми лампами. Этот тип жилища, напоминающий чукотский *валкаран*, бытовал до XVIII в.

В XIX в. у эскимосов в качестве основного жилища отмечено бытование яранги - *мын'тыг'ак* – цилиндро-конической формы. В качестве летнего жилища выступала каркасная из жердей прямоугольная постройка с односкатной крышей – *пыльюк*. Она покрывалась кожаными крышками, перетянутыми ремнями. В начале XIX в. существовали еще и общинные дома – большие землянки, в которых жило несколько семей. С конца XIX в. у зажиточных эскимосов распространились дощатые дома.

Одежда эскимосов шилась из шкур морских животных и оленьего меха. Мужчины носили узкие натазники из нерпичьей шкуры, рубахи из оленьего меха и меховые штаны и торбаза. Зимняя рубаха шилась двойная, мехом внутрь и наружу, летняя – одинарная, мехом внутрь. В дальнюю поездку зимой одевали меховую кухлянку. Женщины зимой также носили меховые натазники, поверх которых надевали меховой комбинезон (*к'альывагын*). Женская обувь шилась из камуса, получаемого от чукчей-оленоводоов. Летней одеждой как мужской, так и женской была глухая камлейка, шитая из нерпичьих кишок. До конца XIX в. встречались длинные кухлянки из птичьих шкурок. Богатые эскимосы носили

нижнее белье и имели верхнюю хлопчатобумажную одежду. меховую шапку и рукавицы эскимосы носили только в дороге.

Главную пищу эскимосов составляли продукты морской охоты. Мясо моржа, тюленя, кита употребляли в пищу в вяленом, замороженном и вареном виде. Кожу кита ели сырой, она считалась лакомством. Употребляли в пищу и оленьё мясо, полученное в обмен у чукчей. Растительная пища служила приправой к мясу и жиру. Употребляли морскую капусту, моллюсков. Из привозных продуктов большим спросом, как у большинства сибирских народов, пользовался чай.

Для социального устройства эскимосов характерен патрилинейный счет родства (по отцовской линии) и патрилокальный брак (уход невесты в дом мужа) с отработкой за невесту. Существовали «байдарные артели» (*ан'ям имай* «байдары содержимое»), состоявшие из хозяина байдары и его ближайших родственников. Охотничья добыча делилась среди членов артели. Согласно преданиям, каждая байдарная артель занимала отдельную землянку с очагом, но каждая семья там имела свой отдельный полог. В конце XIX в. каждая отдельная семья вела индивидуальное хозяйство. Объединялись такие семьи только для промысла.

Религиозные представления эскимосов имели много общего с чукотскими. Эскимосы верили в благожелательных и вредоносных духов (*туг'ныг'ат*), почитали некоторых животных и птиц, которых запрещалось убивать: касатку, волка, ворона. Большое значение имел культ касатки: эскимосы верили, что касатка покровительствует морским охотникам. Она изображалась на байдарках, ее вырезали из дерева. Считалось, что зимой касатка превращается в волка и наказывает скурых оленеводов, поедая их оленей.

Особое значение имели обрядовые празднества, связанные с культом промысловых животных: праздник голов, посвященный охоте на моржей, праздник кита и др. Праздники сопровождались ритуальными танцами. Сюжеты танцев связаны с охотой – у мужчин, у женщин – со сбором растений и домашними работами. В каждом селении был свой главный шаман, обычно мужчина. Однако известны и женщины-шаманки. Женщина в религиозных обрядах играла большую роль, особенно в заклинаниях и магических действиях. В ее ведении находились магические амулеты, она приготавливала обрядовую пищу. Шаманы получали вознаграждение за свои услуги. Распространены были различные мифы. Главный персонаж космогонических преданий – Ворон (*Кошкли*).

Эскимосы практически не подверглись христианизации. До сих пор они сохраняют анимистические верования, шаманство, промысловые культы.

3.1.5. Нивхи

Самоназвание — *нивхгу* — «люди» или «нивхский народ»; *нивх* — «человек». Устаревшее именование нивхов — *гиляки*. Этноним «гиляки» образовался от тунгусо-маньчжурского слова «*гила-гела*» (большая лодка). Он сохранялся как самоназвание нивхов до 1930-х гг., когда был заменен самоназванием «нивхи». Общая численность в России 4631 чел. Нивхи расселены на о. Сахалине (2008 чел.) и на Нижнем Амуре (2386 чел.). До прихода русских в XVII в. численность нивхов составляла более 5 тыс. чел. Говорят на нивхском, генетически изолированном языке, условно относимом к палеоазиатским языкам. Число говорящих около 1350 чел. Нивхский язык представлен тремя диалектами: амурским, северо-сахалинским и восточно-сахалинским. Изучение нивхов и их языка относится к XIX в. До 1930 г. язык нивхов был бесписьменный. В 1932 г. была создана письменность на основе латинской графики. В основу языка нивхов был положен амурский диалект. В 1953 г. латинскую графику заменили на русскую. Начало контактов с русскими относится ко второй половине XVII в.

Нивхи являются прямыми потомками древнейшего неолитического населения Сахалина и низовьев Амура. Проблема их происхождения до сих пор остается открытой. Существуют несколько точек зрения на этногенез нивхов.

Первая научно обоснованная гипотеза была высказана Л.И. Шренком в середине XIX в. Согласно ей первоначальной родиной нивхов был о. Сахалин, откуда они стали расселяться впоследствии на материк. Л.И. Шренк обратил внимание на изолированное положение нивхского (гилякского) языка. По мнению другого ученого — Л.Я. Штернберга — нивхи в древности занимали территорию северных районов, близких к арктической полосе, откуда мигрировали в районы Нижнего Амура и на о. Сахалин. Высказывались также предположения о южном происхождении нивхов. В пользу этой точки зрения свидетельствуют некоторые типологические, морфологические и лексические черты сходства между нивхским и корейским языками. Продвинувшись с южных районов на север, нивхи испытали сильное влияние со стороны тунгусо-маньчжурских народов. Кроме того, исторические данные указывают на то, что нивхи были распространены также на севере по побережью Охотского моря и в верховья Амура. В китайских источниках нивхи известны были под именем *цзи-ля-ми*.

С древнейших времен нивхи были носителями оседлой рыболовецкой культуры и культуры морского зверобойного промысла в бассейне Нижнего Амура, на Охотском побережье и на Сахалине. Вследствие этнокультурных контактов с народами Центральной и Юго-Восточной Азии, с культурами народов, расселенных на Охотском побережье, этнический облик нивхов изменился. Однако в своей основе нивхи сохранили черты традиционной культуры рыболовов и охотников на морского зверя. Последние триста лет районы расселения нивхов остаются прежними. В прошлом нивхи имели тесные этнокультурные контакты с тунгусо-маньчжурскими народами, а также с айнами и японцами.

Традиционными занятиями нивхов были рыболовство, морской промысел, охота и собирательство. Важную роль играл промысел проходных лососевых рыб – кеты и горбуши. Рыбу добывали при помощи сетей, неводов, гарпунами, заездками. Заездок представлял собой изгородь из толстых кольев и прутьев, по форме напоминающую букву «Г», расположенную перпендикулярно к берегу и «глаголю» по течению. Рыба натывалась на эту изгородь и попадала в сеть. Этот способ лова рыбы давал за несколько дней путины от 4 до 5 тыс. лососей. Заездок сооружался коллективно несколькими семьями. Большое значение имел лов частичковой рыбы, производившийся в течение всего года.

Среди сахалинских нивхов был развит морской зверобойный промысел. Охотились на сивучей и тюленей. Сивучей ловили большими сетями, тюленей били гарпунами и дубинами (палицами), когда они вылезали на льдины. На открытой воде тюленя били с помощью плавучего гарпуна (*лых*). Промыслом рыбы и морского зверя занимались круглый год.

Меньшую роль в хозяйстве нивхов играла охота. Сезон охоты начинался осенью, после окончания хода рыбы. Охотились на медведя, который выходил к речкам полакомиться рыбой. Медведя убивали при помощи лука или ружья. Иногда ставили на него самострелы. Зимой на медведя охотились с копьем.

Другим объектом охоты у нивхов был соболь. На его промысел каждую осень нивхи отправлялись на Сахалин, где его было много. Возвращались обратно только весной. Кроме соболя охотились также на рысь, колонка, выдру, белку и лисицу. Меха продавали китайским и русским заготовителям. Главным орудием охотничьего промысла был сложный лук с роговыми накладками. Он был заменен ружьем только в начале XX в.

Широко было распространено у нивхов собаководство. Количество собак в хозяйстве нивхов было показателем зажиточности и материального благополучия. В хозяйстве содержали по 30-40 собак, требовавших немалого ухода. Кормом для них служили рыба и тюлений жир. Запасы корма приходилось заготавливать на всю зиму, по возможности пополняя его. В прошлом количество содержащихся собак в поселках достигало от 300 до 500 особей. Собак использовали в качестве транспортного средства, на охоте, для обмена, а также приносили их в жертву. Мясо собак шло в пищу, шкуры - на пошив одежды. Подсобным занятием было собирательство съедобных растений (ягоды, крапивы, черемши, корней сараны). На морском побережье собирали в пищу моллюсков и морские водоросли.

Среди нивхов было развито кузнечное дело. В качестве сырья использовали металлические предметы китайского, японского и русского происхождения. Их перековывали под свои нужды. Изготавливали ножи, наконечники стрел, гарпунов, копий и пр. предметы быта. Для украшения копий использовали серебро. Распространены были и другие ремесла – изготовление лыж, лодок, нарт, утвари из дерева, посуды, обработка кости, кожи, плетение циновок, корзин.

В хозяйстве нивхов существовало половое разделение труда. Мужчины занимались рыболовством, охотой, изготовлением орудий производства, снастей, средств передвижения, заготовкой и перевозкой дров, кузнечным делом. В обязанность женщин входила обработка рыбьих, тюленьих и собачьих шкур, пошив одежды, приготовление берестяной посуды, сбор растительных продуктов, ведение домашнего хозяйства и уход за собаками.

Средствами наземного передвижения нивхам служили зимой собачьи упряжки и лыжи-голицы без меха или лыжи с подклеенным тюленьим мехом. Первый тип лыж использовался для небольших переходов, второй – для дальних походов во время пушной охоты. Отличительной особенностью нивхских лыж представляли деревянные нащепы, прибававшиеся поверх шкуры.

В качестве средств передвижения на воде нивхи использовали легкие лодки-долбенки, изготавливавшиеся из тополя. Передвигались на долбенке при помощи весла и шеста. Для дальних переездов пользовались большими дощатыми лодками, изготовленными из трех широких кедровых досок. Гребли на такой лодке 2-4 парами весел.

Селения нивхов обычно располагались около устьев нерестовых рек, на морском побережье и редко насчитывали более 20 жилищ. Существовали зимние и летние постоянные жилища.

К зимним видам жилища относились землянки. Глубина котлована составляла 1,25 м. Над ним ставили остов из тонких бревен, который засыпали землей. Дымовое отверстие служило окном, очаг располагался посередине, вдоль стен шли нары. Вход в землянку и выход осуществлялся через крышу в дымовое отверстие. Однако в конце XIX в. вход в жилище осуществлялся через длинный низкий коридор. У амурских нивхов землянка была вытеснена маньчжурскими фанзами каркасного типа, распространившимся среди нивхов через нанайцев. Летним типом жилища служили т.н. летники – постройки на сваях в 1,5 м высотой, с двускатной крышей, покрытой берестой. Летник состоял из двух половин: задней – жилой, освещаемой через отверстие в крыше, и передней, служившей амбаром. Вокруг летника располагались вешала для вяления рыбы и лабазы на сваях для хранения различных продуктов и вещей. На промыслах в качестве временного жилища использовали двускатные и сферические постройки. В настоящее время нивхи повсеместно живут в современных срубных домах и многоквартирных строениях и лишь у отдельных домов еще можно встретить свайные амбары и вешала для вяления рыбы.

Традиционная верхняя мужская и женская одежда нивхов шилась из рыбьих кож, собачьего меха, шкур морских и пушных животных, а также из шкур оленя и лося. Летний мужской костюм состоял из штанов, халата длиной до колен и застегивающегося слева направо, обуви и конической берестяной шляпы. Штаны и халат шили из синей или серой бумажной материи, обувь – из тюленьей кожи. Женский летний халат был длиннее мужского, шился из рыбьей кожи или из материи и украшался по подолу медными пластинками. На спине праздничного халата разноцветными нитками вышивался орнамент. Женский халат запахивался на правую сторону. Зимой поверх халата носили меховую одежду из темного меха наружу. На голову одевали наушники или меховую шапку. В настоящее время из традиционной одежды встречается лишь женский халат, меховая обувь и рукавицы.

Основным питанием нивхов была рыба. Ее употребляли в сыром, вареном и мороженом виде. Готовили юколу, ее часто использовали в качестве хлеба. Мясо употребляли редко. Пищу нивхи приправляли рыбьим жиром или жиром нерпы. В качестве приправы употребляли также съедобные растения и ягоды. Любимым блюдом считалась *мось* –

отвар (студень) из рыбьих кож, тюленьего жира, ягод, риса, с прибавлением накрошенной юколы. Другими лакомыми блюдами были *талкк* – салат из сырой рыбы, заправленный черемшой, и струганина. С рисом, пшеном и чаем нивхи познакомились еще во время торговли с Китаем. После прихода русских нивхи стали употреблять хлеб, сахар и соль. В настоящее время национальные блюда готовятся как праздничные угощения.

Основу социального устройства нивхов составлял экзогамный* род, включающий в себя кровных родственников по мужской линии. Каждый род имел свое родовое название, фиксирующее место расселения данного рода, например: *Чомбинг* – «на реке Чом живущие». Однако со временем, к концу XIX в., род нивхов постепенно утратил четкое территориально-экономическое единство. В одном селении могли жить представители различных родов. Вместе с тем продолжались сохраняться многие формы социальных связей между членами одного рода, прежде всего в семейно-брачных нормах, религиозных обрядах и обычаях.

Классической формой брака у нивхов была женитьба на дочери брата матери. Однако запрещалось жениться на дочери сестры отца. Каждый род был связан брачными узами еще с двумя родами. Жен брали только из одного определенного рода и отдавали только в определенный род, но не в тот, откуда брали жен.

Все члены рода делились на четыре возрастные группы: 1) дедов и прадедов; 2) отцов, его братьев, мужей сестер матери и братьев мужей сестер матери; 3) братьев и сестер; 4) детей.

В прошлом у нивхов существовал институт кровной мести. За убийство члена рода все мужчины данного рода должны были мстить всем мужчинам рода убийцы. Позже кровная месть стала заменяться выкупом. В качестве выкупа служили ценные предметы: кольчуги, копья, шелковые ткани. Также в прошлом у богатых нивхов было развито рабство, которое носило патриархальный характер. Рабы выполняли исключительно домашние работы. Они могли заводить свое хозяйство и жениться на свободной женщине. Потомство рабов в пятом поколении становилось свободным.

С XIX в. у нивхов начался процесс распада родов, связанный с возросшими контактами с русскими и иностранными купцами и промышленниками. В настоящее время некоторые семьи нивхов приступи-

* **Экзогамия** – запрет браков в пределах одного коллектива; обычай, запрещающий браки между мужчинами и женщинами одной и той же общественной группы, рода, фратрии.

ли к возрождению своих традиционных селений и родовых промысловых угодий.

Основу мировоззрения нивхов составляли анимистические представления. В каждом отдельном предмете они видели живое начало, наделенное душой. Природа была полна разумными обитателями. Остров Сахалин представлялся в виде человекоподобного существа. Такими же свойствами нивхи наделяли деревья, горы, реки, землю, воду, утесы и т.п. Хозяином всех животных была касатка. Небо, по представлениям нивхов, было населено «небесными людьми» - солнцем и луной. Культ, связанный с «хозяевами» природы, носил родовой характер. Родовым праздником считался медвежий праздник (*чхыф-лехарнд* - медвежья игра). Он был связан с культом мертвых, так как устраивался в память покойного сородича. Для этого праздника в тайге добывали медведя или покупали медвежонка, которого несколько лет выкармливали. Почетная обязанность убивать медведя предоставлялась *нарх'ам* – людям из «рода зятя» организатора праздника. К празднику все члены рода передавали хозяину медведя припасы и деньги. Семья хозяина готовила угощения для гостей.

Праздник обычно устраивался в феврале и длился несколько дней. Он включал в себя сложную церемонию убийства медведя выстрелом из лука, ритуального угощения медвежьим мясом, жертвоприношения собак и др. действия. После праздника голова, кости медведя, ритуальная посуда и вещи складывались в специальный родовой амбар, который постоянно посещался независимо от того, где жил нивх.

Характерной особенностью погребального обряда нивхов было сжигание покойников. Существовал и обычай захоронения в земле. Во время сжигания ломали нарту, на которой привозили покойника, и убивали собак, мясо которых варили и на месте съедали. Хоронили покойника только члены его рода. У нивхов существовали запреты, связанные с культом огня. Шаманство не было развито, однако шаманы были в каждом селении. В обязанность шаманов входило лечение людей и борьба со злыми духами. В родовых культах нивхов шаманы участия не принимали.

3.1.6. Кеты

Самоназвание – *кет «человек»*. Долгое время именовались *остяками, енисейскими остяками, енисейцами, енисейскими кетами*. Древние жители Южной Сибири, а также Обь-Енисейского междуречья. Живут в среднем и нижнем течении Енисея в Туруханском и Байkitском районах Красноярского края. Численность 1084 чел. Говорят на кетском языке. Название «кеты» утвердилось за данным народом с 1920-х гг. Язык кетов относится к группе *енисейских языков* и представляет собой совокупность диалектов и говоров, в ряде случаев сильно отличающихся друг от друга. Кроме кетского в енисейскую языковую группу входит *сымский* (югский) язык, который, впрочем, иногда определяют как диалект кетского языка. По соображениям этноисторического характера некоторые ученые относят енисейские языки к *палеоазиатским* языкам, другие пытаются сравнивать с языками Юго-Восточной Азии, с другими изолированными языками мира (баскским, бурушаски), с языками американских индейцев. Наконец, в последнее время его генетически связывают одновременно с тибето-бирманскими языками Азии и с языками Кавказа. Кетский язык бесписьменный. В настоящее время разрабатывается письменность на основе русской графики. Генетические связи кетского языка до сих пор еще не установлены.

Кроме енисейских кетов до середины XVIII в. существовали и другие кетоязычные народности: *арины*, жившие к северу от Красноярска; *ассаны* и *котты*, обитавшие к югу от Красноярска за Енисеем; *пумпоколы* (*пумпокольцы*) – жившие в верховьях Кети. Также кеты были представлены среди бачатских телеутов (*ашкиштимы*) и койбалов (*койбалкиштимы*). В XVIII в. и в первой половине XIX в. почти все эти племена утратили свой язык, слившись с русским населением (котты), с эвенками (асаны), с хакасами (арины, яринцы). Только северные племена сохранили свой язык и традиционную культуру. В настоящее время кеты являются единственными представителями некогда разветвленной группы кетоязычных племен.

Научное изучение кетов и их языка началось с работ М.А. Кастрена, который в середине XIX в. собирал материал по языку кетов и коттов. На основании собранных полевых материалов им была написана грамматика со словарем енисейско-кетского и коттского языков, изданная А. Шифнером. М. А. Кастрен впервые выделил два основных диалекта енисейско-кетского языка – *сымский* и *имбатский*. Особенно подробно им было описано *сымское* наречие. В дальнейшем к изучению кетского языка обращались А. Мордвинов (1860 г.), М.Ф. Кривошапкин

(1865 г.), П. Третьяков (1869 г.), А.Т. Миддендорф (1875 г.), Н.В. Латкин (1892 г.). В начале XX в. изучением кетов и их языка занимался В.И. Анучин (1905-1908 гг.), оставивший ряд ценных работ по антропологии, этнографии и языку кетов, К. Доннер (1911-1913 гг.). Значительный вклад в изучение кетов и кетского языка в 1920-1930-е гг. внесли исследования А.Я. Тугаринова, В.Г. Богораза, Н.К. Каргера, Х. Финдейзена, К. Боуда, Б.О. Долгих, Г.М. Корсакова. С конца 1940-х гг. к изучению кетов и их языка обратился С.И. Вайнштейн; планомерными исследованиями начала заниматься кафедра языкознания Томского педагогического института (сейчас - лаборатория языков народов Сибири (ЛЯНС) ТГПУ). В 1950-1960-е гг. изучением кетов и кетского языка занимались Е.А. Алексеенко и Е.А. Крейнович.

Выдающаяся роль в изучении кетского языка принадлежит А.П. Дульзону*. В 1968 г. увидел свет его монументальный труд «Кетский язык», ставший первым всеохватывающим монографическим исследованием языка кетов.

Вопрос о происхождении кетов пока еще окончательно не решен. Предки современных кетов, вероятно, сформировались в эпоху бронзы на юге Сибири в междуречье верховий Оби и Енисея в результате смешения европеоидов Южной Сибири и монголоидного населения. Субстратные топонимы Томской области - *Томь, Тым, Кеть, Тегульдет* - говорят о том, что в прошлом кеты заселяли и территорию Среднего

* **Андрей Петрович Дульзон (1900-1973)** родился в с. Краснополье (Прайс) Новоузенского уезда Самарской губернии. Его предки по линии отца происходили из Южной Франции, а по линии матери из Германии (район Кельна). Во второй половине 18 в. они поселились на Нижней Волге. Проявившийся еще с гимназии интерес к языкам привел А.П. Дульзона в Саратовский университет на отделение немецкого языка и литературы. Здесь он провел первые самостоятельные изыскания в области украинской и немецкой диалектологии. В 1938 г. он защитил кандидатскую, а в 1939 г. докторскую диссертации по проблемам образования и смешения переселенческих немецких диалектов, и уже через год молодой доктор был утвержден в звании профессора. В 1941 г. А.П. Дульзон вместе с семьей оказался в Томске, получив статус спецпереселенца, и с 1 октября 1941 г. был зачислен в Томский педагогический институт профессором кафедры немецкого языка. С ТГПИ были связаны все последующие годы жизни ученого. Начиная с 1945 г. А.П. Дульзон и руководимая им кафедра занимаются изучением языков и культур аборигенов Сибири: тюрков (томских и чулымских татар), угров (хантов), самоедов (селькупов), енисейцев (кетов). За 30 лет своей деятельности на сибирской земле А.П. Дульзон участвовал и организовал более 80 научных экспедиций (этнолингвистических и археологических). Творческое наследие А.П. Дульзона включает более 150 научных работ, полевые дневники экспедиций, археологические и этнографические коллекции, фотографические и картографические материалы. Под его руководством было выполнено 48 и защищено 45 кандидатских диссертаций. Семь его учеников стали докторами наук. Тем самым А.П. Дульзон стал основателем томской лингвистической школы, получившей признание в стране и за рубежом.

Приобья. В I тыс. до н.э. они вступили в контакты с тюркским, самодийским и угрозычным населением Западной Сибири. В результате миграций произошло оседание на севере Енисея немногочисленных групп кетов. К XVII в. существовали уже три родовые локальные группы кетов: земшаки, обитавшие в низовьях Подкаменной Тунгуски; богденцы, жившие в устье Бахты, и инбаки, населявшие бассейн Елогуя. Некоторые группы кетов соседствовали с селькупам и эвенками.

В культуре современных кетов преобладают северные элементы, характерные для охотников и рыболовов тайги (землянки, способы охоты и рыболовства, зимняя охотничья одежда, культы земли, промысловых животных). В тоже время заметно и южно-сибирское и центрально-азиатское влияние, проявляющееся в конструктивных особенностях жилища кетов (чум), в покрое одежды (халатообразная), в кузнечестве. В состав России кеты вошли в 1607 г.

Основным занятием большинства кетов была охота. Орудием добычи служили прежде лук и стрелы. Практиковалось смазывание ядом из разложившегося рыбьего жира наконечников стрел. С появлением огнестрельного оружия ядом стали смазываться пули. В старину славились кетские луки, лишь на востоке с ними могли конкурировать луки якутов. Русские купцы продавали кетские луки ненцам, долганам, нганасанам.

Главным объектом пушного промысла была белка. На нее охотились с помощью лука и черкана*. Весной и осенью на белку охотились с собакой. Собакой также пользовались при охоте на глухаря. Сильнее всего беличий промысел был развит у южных кетов. Они по праву считались лучшими бельчатниками среди своих соседей. В среднем в год охотник добывал до 1000 белок.

Кроме белки кеты добывали колонка, соболя, лисицу, горностая, дикого оленя, лося. На соболя ставили сеть с колокольцами, заимствованными от русских промышленников. Лисиц добывали самострелами или травили стрихнином.

Добыча диких копытных, птицы играла в хозяйстве кетов меньшую роль, чем пушная охота. Кеты не убивали оленя или лося, если семья имела достаточные запасы мясной пищи. На медведя охотились в осенние месяцы, по первому снегу. Охота на него сопровождалась ритуальными действиями, связанными с культом этого животного. Право первого удара имел охотник, выследивший зверя, или его родственник.

* **Черкан** – деревянная ловушка на мелкого пушного зверя особой формы с тесным зажимом, сдавливающим добычу за шею или поперек тела; «малый самострел» на колонка, горностая, белку.

В исключительных случаях право первого удара предоставлялась самому смелому охотнику.

Вся пушнина кетами продавалась. Для себя они оставляли только заячьи и медвежьи шкуры, а также шкуры копытных животных.

Летом объектом охоты становились линяющие утки. Охота на боровую дичь практиковалась в течение года.

Второй основной отраслью хозяйства кетов было рыболовство. У северных кетов рыболовство даже преобладало над охотой. Рыба и рыбные продукты были так же важны для пищевого рациона кетов, как и мясная продукция. Рыбу добывали в течение всего года: в летний и зимний периоды. Однако подледный лов не был широко распространен. В качестве орудий лова использовали удочки, плетенные из прутьев ловушки, самолы, сети, неводы. Весной в маленьких речках устраивали запоры с «мордами». Осенью, с наступлением темных ночей при свете факела, когда крупная рыба шла на свет, били ее острогой. Важную роль играл котцовый^{*} способ лова рыбы. Котцами добывали рыбу весь летний период, осенью и частично зимой (в период нереста налима). Наиболее удобными местами для котцового лова были устья маленьких речек, впадающих в озеро, реку, протоку, которые перегораживались котцом. Улов перерабатывался на месте: крупную рыбу сушили на юколу, из мелкой делали порсу^{**} для себя и собак.

Подсобной отраслью хозяйства являлось у кетов оленеводство. Оленей использовали исключительно как транспортное средство. Стада оленей были немногочисленные. Во время весеннего лова рыбы кеты отпускали оленей в лес без всякого присмотра. Если позволяли ягельники, то олени оставались вблизи стойбища. Во время сезона комаров для оленей недалеко от стойбища устраивались дымокуры, рядом с дымокурами иногда сооружали сараи. После периода комаров, до осени, олени оставались в тайге. Собирали их по первому снегу. Потери оленей от вольного летнего выпаса были велики: сокращение стад шло за счет гибели молодняка. Специальной подкормки животных у кетов не существовало. Лечение оленей и их кастрацию проводили мужчины.

Подсобное значение в хозяйственной жизни кетов имело собирательство. Оно давало дополнительные продукты питания, обеспечивало

* **Котец** – рыболовная ловушка, состоящая из загородки из деревянных жердей длиной до двух метров и собственно котца с плетеной мордой из дранок расщепленной сосны или кедра. Загородкой с двух сторон перегораживали речку, а со стороны хода рыбы оставляли узкий проход в центре, через который рыба попадала в конусообразную морду-ловушку.

** **Порса** – мука из сушеной рыбы; рыбный порошок; сушеная толченая рыба.

кетов лекарственными средствами. СобираТЕЛЬСТВОМ занимались женщины, подростки и старики.

Домашними занятиями мужчин были обработка дерева, кости, рога, кузнечество. Женщины выделывали шкуры и бересту, изготавливали предметы утвари, шили одежду.

Средствами передвижения кетам зимой служили ручные и оленьи нарты, лыжи скользящего типа, оклеенные снизу мехом. На зимней охоте при твердом снеге использовали узкие лыжи, при мягком, весной – широкие лыжи.

Иногда в качестве тягловой силы использовали собак, которых впрягали в нарты или привязывали к лодке, чтобы собаки тянули ее вдоль берега. Средствами водного передвижения служили долбленные лодки из осины (*ветки*) с однолопастным коротким веслом, дощатые лодки и илимки – большие лодки, длиной до 15 м с крытым помещением из прутьев и бересты. На середине илимки устанавливалась длинная мачта, украшенная железным трезубцем или выпелом. Илимку тянули по реке вдоль берега, веслами пользовались только на переправах. При ветре устанавливали парус. Летом илимки служили жилищем.

В прошлом у кетов бытовало несколько типов жилищ. Традиционным жилищем служила полуземлянка (*бан,ус'* - земляной чум), размеры которой варьировались от 2,7х3,6 м до 7х7 м, глубина ямы 0,25 – 0,75 м. Остов жилища состоял из четырех опорных столбов, двух пар дополнительных столбов, поставленных по обе стороны от входа и на противоположной стороне жилища, и четырех угловых столбов, вкопанных в углы жилой ямы. В плане жилище имело квадрат или шестиугольник. Каркас покрывался расколотыми пополам бревнами, травой и дерном. Напротив входа прорезали небольшое окно. Отапливалась полуземлянка чувалом* или железной печкой. Пищу готовили на очаге, расположенном либо в центре, либо у передней стенки жилища.

Большую часть времени кеты проводили в чуме (*к,ус'*), остов которого состоял из шестов, скрепленных обручем. Покрывали чум тиска-ми** из бересты, зимой – оленьими шкурами. В середине чума раскладывался костер, над которым устраивался треножник для подвешивания котла и чайника. Выход был ориентирован на запад. Распространенным типом зимнего жилища кетов было голомо (*голомо*). Оно было наземным, но иногда для него снимался дерн. Остов состоял из пяти опорных столбов. На каркас наваливали жерди, дерн, землю. Дверь была из до-

* Чувал - глиняная печь, открытая спереди наподобие камина; очаг в виде камина.

** Тиска – вываренная в пресной воде береста, сшитая затем полотнищами, использовалась для покрытия лодок, чумов, шалашей.

сок. Перед входом устраивали сени. Отапливалось голомо центральным очагом-костром.

Для кетов характерны были сезонные и временные жилища – каркасные постройки из гнутых жердей в форме полусферы. Сверху они покрывались берестой или тканью. Бытовали и временные жилища в виде половины чума. Летом, на местах рыбного промысла, кеты устраивали иногда шалаши. Костер разводили снаружи, перед входом. Зимой ночевали в ямах, вырытых в снегу.

В качестве летнего жилища у кетов служила крытая лодка-илимка. Длина ее составляла от 10-12 до 15 м, ширина 2-3 м, высота борта 60-80 см. Остов каюты делался из гнутых прутьев или ветвей в форме рассеченного цилиндра. Сверху он покрывался берестой. В начале XX в. каюту стали делать из досок прямоугольной формы с плоской крышей.

Хозяйственные постройки кетов близки селькупским и угорским. Были распространены навесы, помосты-настилы для хранения утвари, вешала для вяления рыбы, свайные срубные бревенчатые и дощатые амбары. В начале XX в. у кетов появились первые срубные дома.

Традиционной одеждой кетов (мужчин и женщин) служили: суконный и стеганый халаты на подкладке из заячьих шкур; меховая парка*. Материалом для одежды служили шкуры оленя, лося, заячьи и беличьи шкурки, а также мех россомахи, выдры и соболя. Частично использовали шкурки птиц (гагары, лебедя). Из покупных тканей широким спросом пользовался ситец. Единственным видом нижней одежды кетов, как для мужчин, так и для женщин была рубаха. Женщины при этом должны были в присутствии мужчин поверх рубахи надевать распашную одежду.

Летом мужчины носили суконный халат (*котлям*), запахивающийся справа налево. Зимой халат заменялся шубой на заячьем меху (*бесем*) или распашной паркой из оленьей шкуры. Женщины, как и мужчины, носили летом суконные халаты, а зимой – заячьи шубы. Бытовали суконные штаны и кожаная обувь – чирки. Зимой носили меховые штаны и меховые чирки с суконными голенищами. Зимнюю и летнюю распашную одежду кеты носили подпоясавшись. Во время поездок на оленях мужчины надевали малицы – глухую одежду мехом внутрь с пришитым капюшоном. Бытовал и другой вид зимней глухой одежды – *сокуй*, мехом наружу с капюшоном. Кетская глухая одежда не отличалась по покрою и названию от глухой одежды самодийскоязычных соседей – селькупов и ненцев. Головным убором мужчин и женщин служил

* Парка - верхняя меховая одежда свободного покроя без разреза спереди; верхняя одежда народов Сибири, сшитая из оленьих шкур мехом наружу

и зимой, и летом ситцевый платок. Иногда носили шапку, сделанную из шкуры головы теленка оленя.

Основой питания кетов служила приобретаемая у русских мука, из которой делали лепешки, хлеб, варили мучную кашу с добавлением порсы, выпекали рыбные пироги. Мясо оленя, лося, белки ели вареным, бульон пили отдельно. В пищу также использовали жаренную на костре рыбу, из вяленой рыбы приготавливали порсу. Из внутренностей рыб вытапливали жир. Летом питались утками, зимой куропатками. Уток и рыбу в жаркое время сохраняли в ямах глубиной до 1 м. Их клали туда потрошенными, слоями, перекладывая каждый слой травой. Сверху яму закрывали берестой и землей. Порсу хранили в мешках из налимьей или щучьей кожи.

Растительной пищи кеты почти не добывали, только весной использовали луковицы некоторых растений. Ягод не ели, за исключением морошки, которую варили с рыбьим жиром. Совсем не ели грибов*, как и большинство народов Сибири (а так же эстонцы и финны). Исключение составлял только мухомор, использовавшийся как галлюциноген в шаманской практике.

Основной хозяйственной единицей кетов была семья. За невесту платили калым. Браки заключались нередко без согласия жениха и невесты. Сохранялись традиции патрилинейного счета родства, высока была роль кровнородственных связей в производственной жизни, распределении добычи, использовании и наследовании угодий.

Религией кетов был шаманизм. Согласно анимистическим представлениям весь мир был населен множеством добрых и злых духов. Верховный бог – *Есь* («небо», «бог») – олицетворял доброе начало. Ему противостояла хозяйка севера, носительница зла – *Хоседем*, несшая людям болезни и несчастья. Существовали культы огня, семейных духов-покровителей, духов-хозяев мест и промысловых животных. Посредниками между божествами, духами и людьми выступали шаманы. Функ-

* Грибы считались «неприличной» пищей. Объяснение этому можно найти в одной известной кетской сказке, записанной В.И. Анучиным: «Прежде жили только бабы, мужиков совсем не было. Фаллосы в большом изобилии росли в лесу, куда и ходили по мере надобности. Одной бабе надоело ходить в лес, она вырвала фаллос и принесла его к себе в чум... Случилось так, что фаллос завяз; ни сама эта женщина, ни соседки ее не могли его выдернуть, и все стали плакать. Тогда Ес (Бог) послал мужика (у которого в то время фаллоса не было) и он легко его выдернул. Обрадованные женщины стали угощать мужика. Одна подала ему вино – он взял; другая подала что-то, а у него обе руки заняты; тогда он сунул фаллос между ног и стал угощаться. Наевшись и собравшись уходить, мужик взял было фаллос в руки, но оказалось, что он прирос. Бабы еще более обрадовались и оставили мужика у себя. А фаллосы в лесу захирели, стали грибами, русские их кушают».

ции шаманов были разнообразны, одна из главных - лечение и предсказание. К шаману также обращались, чтобы обеспечить себе удачу в промысле. При камлании шаманы надевали специальный костюм и пользовались бубном. Кетский шаманский бубен и костюм напоминали селькупский. Шаманский костюм состоял из парки, нагрудника, обуви, головной повязки или железного головного убора – шаманской «короны». Помимо шаманов (*сенинг*) у кетов были еще колдуны (*бонгось*). Значительную роль в религии кетов играло почитание медведя. Добыча его сопровождалась циклом обрядовых действий (медвежий праздник).

Погребальный обряд кетов сопровождался целым комплексом религиозных обычаев и ритуалов. Умерших кеты хоронили в земле. Могилу копали обычно люди из другого рода. Около могилы разводили костер, бросали в него кусочки пищи, табак и чай. Огонь рассматривался как способ передачи в потусторонний мир. Строго соблюдали ориентацию: тело умершего укладывали головой на восток. Около захоронения оставляли личные вещи покойника: нарты, челнок, нож, трубку и др. Все вещи предварительно портили; иногда приносили в жертву собак. Поминок не устраивали. Оленные кеты у могилы забивали личного оленя умершего. Мясо, шкуру, камусы раздавали присутствующим, кроме родственников. Детей хоронили внутри в пне срубленного дерева. Шаманов хоронили вблизи священных мест. Бубен при этом продырявливали, чтобы лишить его силы, а с одежды спарывали подвески, которые сохраняли. Места, где были похоронены шаманы, кеты старались избегать. Утонувших хоронили отдельно на берегу; во время паводка могилы вымывало, и утопленник, как считали кеты, попадал к хозяину реки *Ульгысю*. Религиозные представления кетов, связанные с погребальным обрядом, находят аналогии с верованиями других сибирских народов (кетско-самодийские и кетско-угорские сходства), а также с верованиями североамериканских индейцев.

Среди мифологических и фольклорных сюжетов распространены сказания о происхождении мира и человека, о борьбе мифических героев с Хоседэм, о кетских богатырях. Распространены также сказки о животных, загадки, песни-импровизации.

3.2. Народы уральской языковой семьи

3.2.1. Юкагиры

Самоназвание – *оодул, вадул* («могучий», «сильный»). Устаревшее русское название – *омоки*. Численность 1112 человек. Живут в Якутии (Нижнеколымский и Верхнеколымский районы), а также в Магаданской области (Среднеканский район). Говорят на юкагирском языке.

Долгое время юкагирский язык в связи с его изолированным положением среди языков северо-восточной Азии относили к группе *юкагиро-чуванских* языков палеоазиатской лингвистической семьи. Однако в последнее время, основываясь на многих грамматических и лексических элементах в юкагирском языке, есть основания видеть генетическую принадлежность его к уральской языковой семье и, далее, к алтайской языковой семье. Юкагирский и уральский языки сегодня рассматривают как две равноправные ветви существовавшего в глубокой древности единого праязыка. Это древнее языковое родство находилось в пределах (восточно-) ностратической общности. На основании данных физической антропологии также было прослежено генетическое расовое единство уралоязычных популяций с юкагирами.

Первые сведения о юкагирском языке носили случайный и фрагментарный характер. Начальная обработка и публикация собранного за двести лет лингвистического материала относится ко второй половине XIX в. и принадлежит академику А. Шифнеру. Подлинным исследователем юкагирского языка в конце XIX в. был В.И. Иохельсон, который опубликовал краткий очерк грамматики колымского диалекта, тексты и краткий словарь. После революции 1917 г. стал исследоваться тундренный диалект юкагирского языка. Письменность на юкагирском языке была разработана в 1970-е гг. Г.Н. Куриловым на основе русского и якутского алфавитов. В настоящее время на юкагирском языке говорит около 250 чел. В древности у юкагиров было развито пиктографическое письмо.

Юкагиры являются древнейшим населением Восточной Сибири. Вопрос об их происхождении пока остается открытым. Юкагиров связывают с рядом археологических культур Восточной Сибири эпохи позднего неолита и ранней бронзы: Ымяхтахской культурой (II тыс. до н.э.) на территории Якутии, Усть-Бельской культурой (конец II-нач. I тыс. до н.э.) на Чукотке, а также с поздненеолитическими культурами территорий от Таймыра до Анадыря и Прибайкалья.

Существовавшая в прошлом обширная древнеюкагирская этнолингвистическая общность распалась на ряд отдельных общностей, принявших впоследствии участие в формировании северных якутов, эвенков, западных чукчей и некоторых групп нганасан. К моменту прихода русских (середина XVII в.) юкагиры делились на несколько племен общей численностью около 5-9 тыс. человек. К концу XVII в. численность юкагиров заметно сократилась из-за постоянных столкновений с соседними племенами и с русскими, а также из-за эпидемии оспы в 1669 и в 1690 гг. В дальнейшем наблюдался спад численности юкагиров. В 1926-1927 гг. их насчитывалось около 400 человек. Численный прирост юкагиров был впервые отмечен только в 1970 г. – 618 человек.

В настоящее время юкагиры делятся на тундровых и таежных. Основным традиционным занятием юкагиров была полукочевая и кочевая охота на дикого оленя, лося и горного барана. На оленя охотились при помощи лука и стрел, ставили на оленьих тропах самострелы, настораживали петли, использовали оленя-манщика, кололи оленей на речных переправах. Весной на оленей охотились загонном. Поколка оленей на переправах и загонная охота проводились коллективно. В конце XVIII в. стали использовать огнестрельное оружие (кремневые ружья). На лосей охотились в феврале-марте, когда не было сильных морозов и стоял еще наст.

Значительную роль в хозяйстве юкагиров играла охота на пушного зверя: соболя, белого и голубого песца. К середине XIX в. роль ее возрастает. На песца ставили различные ловушки, ранней осенью травили собаками, настигали на нартах и убивали с помощью палицы. Охота на лисиц была аналогична охоте на песца. Охотились также на горностая и белку, которых убивали с помощью стрел с тупым наконечником. Широко использовали различные типы ловушек. Каждый юкагир ежегодно мог выставлять до 500 ловушек.

Большое значение у юкагиров имела охота на птиц. Тундровые юкагиры во время линьки птиц добывали гусей и уток. Охота на них носила коллективный характер: одна группа людей растягивала на озере сети, другая – загоняла в них лишенных возможности летать птиц. На куропаток охотились с помощью петель, во время охоты на морских птиц применяли метательные дротики и специальное метательное оружие – *болас*, состоящее из ремней с камнями на концах. Практиковался сбор птичьих яиц.

Наряду с охотой значительную роль в жизни юкагиров играло рыболовство. Основным объектом промысла были нельма, муксун, омуль.

Рыбу ловили сетями, запорами, ловушками. Старинным орудием лова являлась уда с костяным крючком, употреблявшаяся во время весеннего лова на полыньях. При массовом ходе рыбы юкагиры добывали ее на мелководье при помощи багров и крючьев. Применялся подледный лов рыбы.

Оленеводство было слаборазвито. Оленей держали только хозяйства в Индигирско-Колымском междуречье. Стада были малочисленны – от 10 до 20 оленей в хозяйстве. Оленя использовали как в упряжке, так и для верховой езды. Разводили также ездовых и охотничьих собак. Ездовых собак в каждом хозяйстве насчитывалось в среднем 6-7, поэтому их, как и оленей, юкагирам не хватало для перекочевков. Во время перекочевки приходилось объединяться несколькими хозяйствами.

Традиционными средствами передвижения юкагирам служили собачьи и оленьи нарты. По снегу передвигались на лыжах подбитых камусом. Старинным средством передвижения по реке был плот в форме треугольника, вершина которого образовывала нос. На плоту во время переезда размещалась семья юкагира и домашний скарб. Мужчина плыл впереди на легкой лодке. Промысловой лодкой у юкагиров была долбленка из ствола тополя. Существовали и заимствованные у русских дощатые лодки. Также от русских были заимствованы *карбасы* - большие грузовые дощатые лодки. При подъеме вверх по реке лодки тянули на лямках, используя собак.

Поселения юкагиров носили постоянный и временный, сезонный характер. У них было зафиксировано пять типов жилищ: чум, голомо, балаган, юрта, сруб.

Юкагирский чум (*одун-нимэ*) представляет собой коническую постройку тунгусского типа с остовом из 3-4 жердей, скрепленных обручами из тальника. В качестве покрытия служат оленьи шкуры - зимой, кора лиственницы – летом. В нем обычно жили с весны до осени. В качестве летнего жилища чум сохраняется до настоящего времени. Зимним жилищем было голомо (*кандэлэ нимэ*) – пирамидальной формы. В качестве зимнего подземного жилища реконструируется *чандал*, каркасная постройка в основе из 4-6 наклонных столбов, соединенных в вершинах рамой. Стены и крыша жилища были из бревен, верх покрывался дерном. Этот тип жилища близок *голомо-балагану* якутов.

Зимним жилищем юкагиров также являлся балаган (*янах-нимэ*). Бревенчатая крыша утеплялась настилом из слоя коры и земли. Отапливался балаган камельком якутского типа, находившимся слева от входа. Вдоль стен располагались нары. В окна вставляли куски льда.

Юкагирская юрта представляет собой переносное цилиндро-коническое жилище. По своим конструктивным особенностям она близка эвенкийской юрте или эвенскому жилищу *чорома-дю* – каркасной постройке цилиндро-конической формы, крытой оленьими шкурами или берестой.

Оседлые юкагиры жили в срубках (зимой и летом) с плоскими или коническими крышами. Большинство современных юкагиров живет в срубных домах. Для хранения зимних запасов и одежды юкагиры строили бревенчатые амбарчики на одном или двух высоких столбах.

Традиционная одежда юкагиров близка эвенкийской и эвенкской. Основной одеждой служил распашной халат длиной до колен, летом – из ровдуги, зимой – из оленьих шкур. Снизу пришивали хвосты из тюленьих шкур. Под кафтан надевали нагрудник и короткие штаны, летом – из кожи, зимой – из меха. Была распространена зимняя одежда из ровдуги, по покрою близкая чукотской камлейке и кухлянке. Обувь шилась из ровдуги, заячьего меха и оленьих камусов. Женская одежда была легче мужской, шилась из меха молодых оленей или самок. В XIX в. среди юкагиров распространилась покупная матерчатая одежда: мужские рубахи, женские платья, платки. Были распространены железные, медные и серебряные украшения.

Основной пищей служило мясо животных и рыба. Мясо употребляли в вареном, вяленом, сыром и мороженом виде. При заготовках мяса впрок его сушат, коптят и растирают в порошок. Рыбу хранят также в виде юколы. Истолченную в порошок юколу в прошлом смешивали с кровью оленя и варили. Из рыбьих потрохов вытапливали жир, потроха жарили, из икры пекли лепешки. С рыбой употребляли ягоду. В пищу также употребляли дикий лук, корни сараны, орехи, ягоды и, что являлось редкостью для сибирских народов, – грибы.

Основной единицей юкагирского общества было стойбище или поселение, состоящее из нескольких, главным образом родственных семей. Юкагирские роды были разными по численности и характеру. В пределах стойбища сохранялись черты первобытно-общинных отношений, проявлявшихся в коллективных охотах и в распределении добычи. Род владел охотничьими и кочевыми угодьями. Возглавлялся род старейшинами.

Особенностью семейно-брачных отношений таежных юкагиров являлся матрилокальный брак – муж после свадьбы переселялся в дом жены. У тундровых юкагиров брак был вирилокальный, когда жена поселялась в семье мужа. Существовала добрачная половая свобода. Се-

мы юкагиров были большие, патриархальные. Практиковался обычай левирата – обязанность мужчины жениться на вдове своего старшего брата.

К традиционным культам и верованиям юкагиров относились культы духов-хозяев, культ солнца, промысловых животных. Из культа животных распространенным был культ лося. Шаманство существовало в форме родового шаманизма. Костюм, бубен и другие атрибуты юкагирского шамана были тунгусского типа. Умершие шаманы могли стать объектами культа. Тело шамана расчленялось, а его части хранились в качестве реликвий, им приносили жертвы.

Большую роль играли обычаи, связанные с огнем. Огонь запрещалось передавать посторонним, проходить между очагом и главой семьи, ругаться на огонь и др. Распространены небольшие сказки о животных, среди главных героев которых выступают ворон и заяц. Заяц в сказках наделен небывалым умом и хитростью. Он убивает враждебного юкагирам «Древнего старика».

Основные праздники юкагиров связаны с культом промысловых животных, с военными походами, со свадьбами. С момента распространения среди юкагиров христианства (сер. XVII в.), в традиционные культы и обряды стали проникать элементы православия.

Современные юкагиры практикуют пушной промысел, занимаются оленеводством и рыболовством. Некоторые группы юкагиров разводят лошадей, выращивают огородные культуры. В юкагирских поселках воссоздаются родовые общины.

3.2.2. Ханты

Самоназвание - *хантти* (*xänti*), *хандэ*, *кантэк*, *käntəu jay* (*jay* – «народ»). Общее название хантов – *ošťjaken* происходит от русского слова *остяки*. Так официально именовали хантов в России до 1930-х гг. Впервые этот термин был применен в русских документах с 1499 г. Начиная с XVII в., термин *остяки* применялся к различным народам Западной Сибири: кроме самих хантов остяками именовали кетов (енисейские остяки) и селькупов (остяко-самоеды, нарымские, тымские и др. остяки). Этноним *остяк* в русский язык попал из тюркских языков, где служил для обозначения сибирского языческого населения: например, киргизское *ištäk* – «башкир», казахское *ištäk* – «башкир»; «сибирский татарин», сибирско-татарское *ištäk* – племенное объединение, барабинское *ištäk* –

«хант». Численность хантов 22.283 человек. Основная масса хантыйского населения проживает в Тюменской области, и лишь небольшая часть

"Хант"

Худ А.Д. Тимофеев

этого народа (952 человека) расселена на севере Томской области - в Александровском и Каргасокском районах. Говорят на хантыйском языке. Число говорящих 14 тыс. человек.

Научное изучение хантыйского языка началось во второй половине XIX в. и связано оно было с именами таких ученых, как М.А. Кастрен, А. Регули, И. Папай, А. Алквист, К. Карьялайнен и др. Письменность на хантыйском языке была создана в 1930-е гг. на базе латинского алфавита, в 1937 г. он был заменен русским. В качестве основного письменного языка первоначально был взят казымский диалект. В 1950 гг. была создана письменность еще на трех диалектах: ваховском, сургутском и шурышкарском. В настоящее время хантыйская письменность развивается на пяти диалектах: казымском, ваховском, сургутском, средне-обском и шурышкарском.

Современные исследователи выделяют три основных этнолингвистических группы хантов: северную, южную и восточную. Хантыйские поселения и угодья исконно располагались по бассейнам рек Оби и Иртыша с их многочисленными притоками. Широкое географическое расселение, многообразные контакты обусловили определенные различия внутри хантыйского этноса. Основным занятием хантов Тюменской области является оленеводство, именно оно определяет облик их жизни, тогда как ханты Томской области - рыболовы и охотники. Тем не менее, значительный общекультурный пласт объединяет все группы в единый народ - **хантэ (кантах-ях)**, принадлежащий к обско-угорской ветви угро-самодийской этноязыковой общности.

Формирование хантыйского этноса относится ко времени существования Усть-Полуйской и Нижнеобской культур (сер. I тыс. н.э.). Этническая идентификация носителей археологических культур Западной Сибири в этот период затруднена. Последние исследования говорят о том, что во 2-й пол. I тыс. н.э. складывались основные группы хантов: северная - на основе Оронтурской культуры, южная - на основе Потчевашской культуры и восточная - на основе Оронтурской и Кулайской культур.

Расселение хантов в древности было очень широким. Они населяли территорию от низовий Оби на севере до Барабинских степей на юге и от Енисея на востоке до Зауралья, включая рр. Северную Сосьву и Ляпин, а также часть р. Пелыма и р. Конды на западе. В динамике расселения хантов на протяжении XVII-XVIII вв. было заметно движение населения на восток, сокращение ареалов на юге и на западе. Ареал расселения хантов сокращался и на севере, на левобережье Нижней Оби, где

ханты были ассимилированы манси. Самые северные группы хантов проникли в нижнеобскую тундру, где вступили в контакт с ненцами. Все другие группы хантов сохранили древний охотничье-рыболовческий уклад. Христианизация хантов в XVIII в. не имела сколько-нибудь ощутимого влияния на традиционную культуру народа.

У хантов не было собственной государственности. До вхождения Сибири в состав России среди хантов начались процессы социальной дифференциации. Выделялась родоплеменная знать, развивалось рабство, происходили межплеменные столкновения. С присоединением Сибири к России эти процессы прекратились. С XVII в. среди хантов наблюдался рост численности населения. К концу XX в. по сравнению с началом XVII в. число северных групп хантов увеличилось в 3 раза, восточных – почти в 3 раза. Однако число южных хантов за этот период уменьшилось в 2 раза.

В 1930 г. был создан Остяко-Вогульский национальный округ, переименованный в 1940 г. в Ханты-Мансийский национальный (теперь – автономный) округ.

Основной тип хозяйства хантов – сочетание речного рыболовства и охоты с оленеводством или скотоводством. В зависимости от местных условий на первый план выступало либо рыболовство, либо охота или оленеводство. Например, у хантов, обитавших на притоках Оби (Казым, Сосва, Вах, Юган, Аган) основным занятием было рыболовство, а жители верховьев рек занимались обычно охотой. Северные ханты занимались в основном оленеводством.

Речное рыболовство хантов носило круглогодичный характер. Ханты с низовьев рек из своих селений выезжали на Обь для сезонной рыбной ловли. Перед началом ледостава они с семьями возвращались на свое зимнее местожительство, где продолжали заниматься зимней рыбалкой на мелких речках и озерах. Запасы добытой рыбы далеко превосходили личные потребности, поэтому часть добычи ханты продавали.

При добыче рыбы использовали различные приемы и методы рыбной ловли. По мелким протокам, в верховьях рек ханты ставили плетеные ловушки, заграждения из кольев, сети. Из сетевых снастей были распространены различные мешкообразные сети – *колыдан* в виде трала или драги, *сырп* в виде бредня и *сежа*. В старину сети плели из крапивы, позднее – из конопляных веревок. Кроме сетей применялись удочки с костяными или железными крючками и острога. Нередко рыбу, главным образом щуку, добывали при помощи лука.

Охотничий промысел состоял из охоты на мясного и пушного зверя. Основную роль играл пушной промысел, который имел товарное значение. На первом месте стояла добыча белки и соболя. В некоторых районах добывали бобра. Охота носила сезонный характер. Начиналась она с конца сентября, когда выпадал первый снег, и продолжалась до половины декабря – первый сезон. Второй сезон начинался с середины января и длился до середины апреля. Со вскрытием рек ханты перебирались на места рыбного промысла.

В прошлом при охоте на крупного мясного зверя (оленья, лося, медведя) ханты употребляли копья. Среди орудий и оружия охоты у хантов бытовал самострел и лук. Использовали разнообразные стрелы, предназначенные для каждого отдельного вида животного. Ружья появились у хантов только в XVIII в.

Соболя промыслили при помощи ловушек, сетями-обметами, капканами, стреляли из ружей. На охоте на белку использовали собак для выслеживания и травли зверька. Белок добывали также, как и другие народы Сибири, плашками, черканами, стрелами с утолщенным тупым деревянным наконечником.

В августе-сентябре начиналась охота на лосей. Их добывали методом гона, когда охотник в течение нескольких дней преследовал зверя, пока не приближался на расстояние выстрела, ставили на лосиных тропах самострелы, устраивали на ежегодных путях миграции зверей загородки из жердей и ямы. Изредка промыслили медведя. Добывали его коллективно, в берлоге, в старину – копьями и пальмой – большим ножом с деревянной длиной рукояткой, потом ружьями. Иногда использовали медвежьи ловушки. Добыча медведя сопровождалась «медвежьим праздником».

Объектами охотничьего промысла также служила боровая и водоплавающая дичь. Боровую птицу добывали ловушками, преимущественно осенью. Добытую птицу заготавливали впрок.

На водоплавающую птицу охотились весной, во время перелета, и летом, во время линьки. Птицу ловили на озерах сетями, иногда использовали в качестве ловушек волосяные петли, нередко били птицу из ружья.

Проблема происхождения оленеводства у хантов является сложной. Опираясь на исследования А. Алквиста, проведенные им в XIX в. среди хантов, долгое время считалось, что оленеводство было заимствовано хантами у ненцев. В пользу этого мнения служили несколько терминов в языке северных хантов, обнаруженных А. Алквистом, которые были заимствованы у ненцев и сходство оленьей упряжи и нарт у обских

угров и ненцев. Однако исследования, проведенные в 1960-1980 гг. Н.В. Лукиной показали, что оленеводство хантов является их древним исконным занятием. Истоки многих приемов содержания оленей, оленеводческого инвентаря, нарт и упряжи базировались на местной охотничьей культуре, древнем собаководстве и коневодстве хантов. Предки хантов, таким образом, с давних пор принимали участие в формировании западно-сибирской оленеводческой культуры.

В лесной зоне малооленные хозяйства хантов использовали оленей только как транспорт, забой оленей на мясо производился редко. Напротив, в лесотундре и тундре олень служил основным средством пропитания, а добыча рыбы или зверя была подсобным занятием. Ханты-олeneводы вели меновую торговлю со своими таежными соплеменниками, обменивая продукцию оленеводства на продукты охоты и рыбной ловли.

Животноводство у хантов было развито слабо. Держали лошадей, овец, домашнюю птицу. Незначительным было количество коров. Лошадьми пользовались только зимой, а летом отпускали их на вольный выпас. Земледелие существовало только у иртышских хантов. Из зерновых культур сеяли ячмень. Поля обрабатывали мотыгами, колосья срывали, вместо молотбы – обжигали. Под влиянием русских некоторые группы хантов стали выращивать картофель и овощи. Большое значение имело для хантов собирательство.

Традиционными средствами передвижения у хантов являлись лыжи (камусные и голицы), олени и собачьи нарты. В настоящее время в некоторых районах стал возрождаться собачий транспорт. Летом для передвижения по воде пользовались осиновыми лодками-долбленками (*хон, рыт*), дощатыми лодками-неводниками, большими лодками с каютами, крытыми берестой. До сер. XVIII в. существовали берестяные лодки. В настоящее время распространены моторные лодки, снегоходы, мотонарты.

Большинство хантов вело полуоседлый образ жизни. Хантыйские поселки делились на зимние, весенние, летние и осенние. Долговременные зимние селения состояли из пяти-десяти и более домов, сезонные – из трех-пяти домов. Как правило, селения располагались на некотором расстоянии друг от друга. Общее название хантыйского селения – *пуголкорт*.

Зимой ханты жили в постоянных зимних селениях с капитальными постройками. Традиционные зимние дома хантов (*мыг хон*) строились в виде каркасно-столбовых землянок и полуземлянок с входом через

крышу. Основой служил каркас из 4-6-8-12 наклонных столбов. На каркас накладывали жерди, плахи, доски, солому, дерн, сверху засыпали землей. Дверь делали из досок. Пол был земляной. Отапливалось жилище чувалом – очагом открытого типа. Спали на земляных нарах высотой 0,5 м, огороженных досками и застеленных берестой, оленьими шкурами. Среди каркасно-столбовых подземных, полуподземных и наземных жилищ выделяются два основных типа – пирамидальные и усеченно-пирамидальные. У хантов Средней Оби и Васюгана были отмечены другие типы каркасных землянок, без опорных столбов, глубиной 1,5 м. Отапливалось жилище чувалом, стоящим справа от входа, в углу.

В XVIII- начале XIX вв. ханты стали строить в качестве зимних жилищ срубные полуземлянки и наземные срубы. Вход в полуземлянку был с западной стороны, небольшое окошко - с востока. Очаг-костер располагался в центре, у стены – печь. Наземные срубы строились в 6-10 бревен (до двух метров высотой). Пол был земляной. Крыша (двускатная, уплощенная) покрывалась берестой и землей. Жилище отапливалось центральным очагом-кострищем, чувалом или железной печкой. Такой же конструкции были и охотничьи избушки.

У хантов бытовали разнообразные сезонные жилища – каркасные, из жердей, крытые корой деревьев или берестой. Каркас состоял из двух-четырех и более вертикальных жердей, соединенных перекладинами. Форма таких жилищ была коническая (чум), двускатная, односкатная (*хот-пелек*), полусферическая и в форме рассеченного цилиндра, прямоугольная. Для приготовления пищи летом ханты разводили костер вне дома. Спали на циновках, шкурах, ветвях.

Временные жилища-укрытия устраивались из жердей и бересты, имели форму получума или заслона-шалаша. Шалаш имел прямоугольную форму. В нем помещалась вся семья. В центре шалаша находился очаг. Около шалаша постоянно поддерживался огонь – костер, на котором варили пищу, вываривали рыбий жир. Зимой охотники жили в избушках, шалашах, навесах или в снежных ямах, крытых плахами, еловыми ветками или берестяными полотнищами. В стороне от зимних и летних жилищ на деревянном помосте строили печи для выпечки хлеба. Печи ставили из глины, наподобие русской печи без трубы. Над печью устраивали навес. На промыслах ханты жили в больших лодках с каютами, крытыми берестой.

В качестве хозяйственных сооружений у хантов бытовали свайные дощатые и бревенчатые срубные амбары с двускатными или плоскими крышами, навесы-помосты, загоны для скота.

Оленеводы жили в чумах, заимствованных у ненцев. Зимой чумы покрывались оленьими шкурами, летом – берестой. Сейчас чум покрывается брезентом. Чум широко использовали на сезонных поселениях и рыбной ловле.

В настоящее время часть промыслового населения живет в традиционных селениях как постоянного, так и сезонного типа.

У северных хантов-олленеводов традиционной мужской верхней одеждой служила заимствованная у ненцев глухая малица с капюшоном. Верхнюю одежду других групп хантов составляла шуба из оленьего и заячьего меха, беличьих и лисьих лапок. Летней мужской одеждой северных оленеводов служили старые малицы или суконные *гуси* – род верхней одежды с капюшоном. У других групп хантов летней одеждой был короткий халат из грубого сукна. Иногда летняя одежда шилась из брезента в виде плаща.

Зимняя обувь шилась на манер ненецкой из камусов с меховым чулком. Обувь привязывалась под малицей к поясу. Летом мужчины и женщины носили ровдужную обувь с подошвой из лосиной кожи, украшенную орнаментом.

Традиционная женская зимняя одежда у северных хантов – оленья двойная меховая шуба, завязывающаяся спереди. Женские шубы других групп хантов шились из заячьих и беличьих шкурок, беличьих лапок, оленьих ушей и обрезков оленьего меха. Сверху их покрывали сукном. Покрой был распашной. Зимняя женская обувь была ненецкого типа. Летней женской одеждой был суконный или хлопчатобумажный халат яркого цвета, украшенный орнаментом. Женские пояса были уже мужских, но с богатой орнаментацией.

Все группы хантов носили рубахи, сшитые из крапивного или льняного холста. Они были длиной до колен, с отложным воротником. Рубахи подпоясывали. Позднее рубахи стали шить из привозной ткани. Часто встречались рубахи русского покроя. С прекращением производства крапивного холста ханты стали шить платья, кофты и юбки, как и местные русские крестьяне. Головных уборов кроме шапки-капора не было ни у мужчин, ни у женщин. Мужчины летом, а часто и зимой не покрывали голову. Женщины носили большие головные платки. В прошлом у южных хантов женщины носили головные повязки с налобниками из бисера. Женщины любили украшать себя и свою одежду различными украшениями из бисера, меди, серебра. Было известно ткацкое искусство.

Основной традиционной пищей хантов были мясо и рыба. Домашнего оленя забивали только зажиточные оленеводы. Главную роль в питании играли лось и дикий олень. Из остатка крови замешивали лепешки. Почки, печень, костный мозг, глаза, уши, губы ели сырыми. Все остальные части туши варили. При большой добыче диких оленей мясо заготавливали впрок: вялили на солнце и ветру, коптили. Зимой ели мороженое мясо и сало. Лакомством считалось копченое оленьё сало.

Рыбу ели сырой, вареной и вяленой. Из внутренностей вытапливали в больших котлах рыбий жир, который имел разнообразное применение. Зимой рыбу ели мороженой. Мелкую рыбу и рыбы головы сушили и потом толкли в муку, из которой варили болтушку. Рыбьи кости также сушили, толкли и употребляли в пищу и на корм собакам. Из рыбьих пузырей делали клей. В пищу употребляли мясо птиц в вареном, копченом или вяленом виде, яйца птиц. В большом количестве употребляли в пищу ягоды (чернику, черную смородину, бруснику, черемуху) и дикорастущие съедобные растения. Весной собирали и пили березовый сок. В XVII в. ханты стали выменивать у русских печеный хлеб, использовать привозную муку. Из муки делали болтушку, пекли на золе и камнях пресные лепешки. Соли раньше не употребляли.

Посуда собственного изготовления – ложки, чашки, ковши, блюда – делалась из дерева и бересты. Широко бытовала и покупная глиняная и фаянсовая посуда, а также ножи и ложки. Пищу варили в покупных медных или железных котлах, чаще в чугунных.

Несмотря на православное вероисповедание хантов, у них существовали тотемистические представления. Предками родов и фратрий считались животные и птицы, реже растения и насекомые. Животное-тотем нельзя было убивать. Если его убивали, то с соблюдением различных церемоний. Тотемами были белая зайчиха у фратрии «пор», медведь у фратрии «мось». По некоторым мифам, медведь считался сыном верховного бога Торума – бога Верхнего Мира. Каждый род почитал своих родовых тотемов. Зооморфные изображения тотемов хранились в определенных местах, где периодически им приносили жертвы.

Особо характерным для тотемистических представлений хантов служит «медвежий праздник». Медведь, по преданию хантов, является предком-родственником. Первоначально «медвежий праздник» проводился только членами одной фратрии, но со временем он стал общенародным. Он представляет собой ряд обрядовых действий, совершавшихся после убийства медведя. Этот праздник продолжается в течение нескольких дней и является главным религиозным праздником народа. С

«медвежьим праздником» связан богатый фольклор, народная хореография, песенное искусство, народный театр. Сохраняются еще обряды, связанные с промысловой деятельностью.

Особенностью хантыйского шаманства является контроль общества над шаманом. Хантыйский шаман не имел никаких привилегий, не являлся носителем идеологии общества. Он сам занимался охотой, рыбной ловлей, обеспечивал себя всем необходимым для жизни. Он практически ничем не отличался от других членов общества, не имел специальных одеяний, кроме шапок-колпаков или платков. После камлания шаман получал небольшой подарок в виде кисета, рубахи, трубки. Основной обязанностью шамана было лечение. Шаманство у хантов сохраняло значительные черты семейного шаманства.

У хантов широко бытовали представления о духах-помощниках, духах-покровителях отдельных мест, а также воды, леса и др.

Своих умерших ханты хоронили в земле на кладбищах. У могилы оставляли предметы покойного в сломанном виде. Из культовых сооружений характерны культовые амбары с хранящимися в них изображениями духов-покровителей, навесы в лесу или около дома для хранения медвежьих черепов и культовых предметов, надмогильные сооружения в виде домиков, амбаров. На священных местах в жертву приносили оленя, лоскутки белой ткани и др. Из почитаемых мифологических персонажей особым почетом пользовались *Торум* (главное божество), его жена *Калташ*, их сын *Мир сусне хум*, дух Нижнего Мира *Кульотыр* и др. В настоящее время традиционные ритуалы отправляют в основном лица старшего возраста. Прочнее всего сохранились обряды погребального комплекса.

К жанрам хантыйского фольклора относятся эпические героические сказания, былины, сказки, исторические предания, загадки, бытовые рассказы.

Современная культура обских угров (хантов и манси), сохраняет в своей основе типично таежный облик, и является культурой оседлых охотников-рыболовов. Заметную роль играет в жизни хантов оленеводство.

3.2.3. Селькупы

Селькупы принадлежат к народам самодийской языковой группы. К этой группе также относятся ненцы, энцы, нганасаны. Вместе с языками финно-угорской группы самодийцы образуют уральскую языковую семью.

Название самодийцы образовано от русской диалектной формы *самодин*, *самоди*, которая использовалась в русской речи нганасан и энцев в качестве самоназвания этих групп. В русскоязычной литературе название самодийцы стало употребляться с 1930-х гг. в связи с повсеместной заменой старых русских названий народов России на новые, образованные от их самоназваний.

Самодийские языки достаточно близки друг к другу. После распада уральской праязыковой общности (VI- конец V тыс. до н.э.) носители самодийского праязыка не покидали зоны западносибирской тайги. Об этом свидетельствует хорошая сохранность прауральской лексики в самодийских языках, отражающей соответствующие природные реалии и множество других прасамодийских этимологий (названия лиственницы, соболя, глухаря, росوماхи, кедровки и др.). На рубеже эр, судя по лингвистическим данным, произошел распад самодийского праязыка. Этот распад носил «взрывной» характер: из прасамодийской общности выделились четыре группы – языковые предки камасинцев, маторов, селькупов и северных самодийцев. Время существования самодийского праязыка, таким образом, было достаточно большим - около 4 тыс. лет.

Вероятно, археологическим аналогом ранней прасамодийской общности была некая культура раннего неолита (конец V-IV тыс. до н.э.), не входящая в круг западносибирско-зауральских ранненеолитических культур с гребенчатой и отступающе-накольчатой традицией орнаментации керамики. При этом носители прасамодийского языка на протяжении всей своей предыстории не покидали зону западносибирской темнохвойной кедровой тайги, о чем свидетельствует сохранность названий таежных деревьев и животных (соболь, белка-летяга, кедровка, гагара, выдра, росوماха). Лингвистические данные указывают также на древние контакты прасамодийцев с тунгусо-маньчжурами и, на поздних этапах, с тюрками. С другой стороны прасамодийцы на протяжении всей своей предыстории не контактировали с индоиранцами и с какими-либо индоевропейцами вообще, так как в самодийских языках практически нет древних индоевропейских заимствований.

"Селькуп"
Худ А.Д. Тимофеев

Поздняя самодийская прародина была локализована между Средней Обью и Енисеем вокруг четырехугольника Нарым-Томск-Красноярск-Енисейск. Таким образом, она соотносится с кулайской археологической культурой (V в. до н.э. – V в. н.э.) раннего железного века (Чернецов [1953], Чиндина [1984]). Другие исследователи (Молодин [1995]) считают кулайскую культуру угорской.

В IV-V вв. н.э. на основе кулайской археологической культуры складываются несколько культур, с которыми связывают начало этнической истории отдельных самодийских народов. В Томско-Нарымском Приобье на основе кулайских традиций формируется релкинская культура (IV-IX н.э.) раннего средневековья, которая перерастает в средневековую культуру предков современных селькупов. Название *селькупы* применяется с 1930-х гг. Первоначально оно было принято только северной группой селькупов. В Томской области у южных групп селькупов это название утвердилось лишь в последние два десятилетия.

Название *селькупы* восходит к самоназванию северных (тазовско-туруханских) селькупов *šöl'qur, söl'qur* – представляющее собой сложное слово, в котором одна часть слова – *šöl'* означает «лесной» или *söl'* – «земляной», другая – *qur* – «человек». В этнографической литературе до 1930-х гг. селькупов именовали остяко-самоедами. Данный этноним был введен в середине XIX в. финским ученым М.А. Кастреном, который доказал, что селькупы являются особой общностью, которая по условиям и образу жизни близка к осякам (хантам), а по языку родственна самодийцам (ненцам). Другое устаревшее название селькупов – остяки – совпадает с названием хантов (и кетов) и восходит, вероятно, к языку сибирских татар. Первые контакты селькупов с русскими относятся к концу XVI в. В селькупском языке выделяются несколько диалектов. Предпринятая в 1930-е гг. попытка создать единый литературный язык (на основе северного диалекта) потерпела неудачу.

Современный селькупский этнос состоит из двух групп: северных селькупов и южных селькупов. Численность селькупов 3564 человека. Северные селькупы проживают в некоторых районах Тюменской области и в Туруханском районе Красноярского края. Они образовались в результате миграции в XVII в. части самодийского населения со Средней Оби на север, в бассейн верхнего Таза и левого притока Енисея р. Турухан. Окончательное оформление северных селькупов в территориально изолированную от южных селькупов этногруппу произошло только в

XIX в. В состав собственно селькупского компонента северных селькупов вошли семьи энецкого, кетского и хантыйского происхождения.

Южная (нарымская) группа селькупов (1347 человек) проживает в пределах Томской области: в Колпашевском, Парабельском, Каргасокском и Верхнекетском районах. Несмотря на вековые этнические процессы, происходившие в среде южных селькупов, нарымские селькупы не слились в прочную национальную единицу с общим для всех языком и самосознанием. Внутри они подразделяются на несколько диалектно-локальных групп: *чумылкуп*, *шешкуп*, *сюсюкум* и др., которые обитают в бассейнах рек Тыма, Кети, Васюгана, Парабели, Чаи и по Оби между устьями этих рек. В языковом и культурном отношении селькупы принадлежат к самодийской ветви угро-самодийской языковой общности.

Основными занятиями всех групп селькупов были охота и рыболовство. Южные селькупы вели в основном полуоседлый образ жизни. Исходя из определенной разницы в соотношении рыболовства и охоты, у них существовало разделение на лесных жителей – *маджилкуп*, обитавших на обских протоках, и обских – *колтакуп*. Хозяйство обских селькупов (колтакуп) было ориентировано, главным образом, на добычу в р. Оби рыбы ценных пород. Система жизнеобеспечения лесных селькупов (маджилкуп) основывалась на охотничьем промысле. Основными промысловыми животными были лось, белка, горностай, колонок, соболь. На лося охотились ради мяса. При охоте на него использовали самострелы, устанавливаемые на тропах, ружья. На других животных охотились при помощи лука и стрел, а также различных ловушек и приспособлений: пастей, кулем, кляпцов, черканов, силков, плашек, капканов. Охотились также и на медведя.

Большое значение для южных селькупов, как и для многих народов Сибири, имела охота на боровую дичь. Осенью охотились на глухарей, тетеревов и рябчиков. Мясо боровой дичи обычно заготавливалось впрок. Летом на озерах промыслили линных гусей. Охота на них проводилась коллективно. Гусей загоняли в один из заливов и ловили сетями.

В Тазовской тундре значительное место в охоте занимал промысел песка. Современный охотничий промысел развит, главным образом, у северных селькупов. Среди южных селькупов профессиональных охотников-промысловиков практически нет.

Для всех групп южных селькупов наиболее значимым в хозяйстве было рыболовство. Объектом рыбного промысла являлись осетр, нельма, муксун, стерлядь, налим, щука, язь, карась, окунь и др. Рыбу добывали круглогодично на реках и пойменных озерах. Ее ловили как сетя-

ми, так и ловушками: котцами, мордушками, самоловами, фитилями. Крупную рыбу добывали также острогой и стрельбой из лука. Рыбный сезон делился на «малый промысел» до спада воды и обнажения песков, и «большой промысел», после обнажения песков, когда практически все население переходило на «пески» и добывало рыбу сетями. На озерах ставили различные ловушки. Практиковался подледный лов рыбы. В определенных местах в устьях притоков ежегодно устраивали весенние запоры из кольев.

Под влиянием русских, южные селькупы стали разводить домашних животных: лошадей, коров, свиней, овец, домашнюю птицу. В начале XX в. селькупы стали заниматься и огородничеством. Навыки скотоводства (коневодства) были известны предкам южных селькупов в начале I тыс. н.э. Остается дискуссионной проблема бытования у южных групп селькупов оленеводства.

Традиционными средствами передвижения у южных селькупов являются долбленая лодка – обласок, зимой – лыжи, подбитые мехом или голицы. На лыжах ходили с помощью палки-посоха, имевшей снизу кольцо, а сверху костяной крючок для удаления снега из-под ступни. В тайге широкое распространение имела ручная нарта, узкая и длинная. Охотник обычно тащил ее сам с помощью ременной петли. Иногда нарту тащила собака.

У северных селькупов было развито оленеводство, которое имело транспортное направление. Олени стада в прошлом редко насчитывали от 200 до 300 оленей. Большинство северных селькупов имело от одного до 20 голов. Безоленными были туруханские селькупы. Оленей никогда не пасли. Зимой, чтобы олени не уходили далеко от селения, на ноги нескольким оленям в стаде надевали деревянные «башмаки» (*мокта*). Летом оленей отпускали. С наступлением комариной поры олени собирались в стада и уходили в лес. Только после окончания лова рыбы хозяева начинали разыскивать своих оленей. Выслеживали их также, как выслеживали на охоте дикого зверя.

Езду на оленях в санной упряжке северные селькупы заимствовали у ненцев. Безоленные (туруханские) селькупы при ходьбе на охоту использовали, как и южные селькупы, ручную нарту (*канджи*), на которой охотник вез боеприпасы и продукты питания. Зимой передвигались на лыжах, которые делали из елового дерева и подклеивали мехом. По воде передвигались на долбленых лодках – обласках. Гребли одним веслом, сидя, на коленях и иногда стоя.

У селькупов выделяют несколько типов поселений: круглогодичные стационарные, дополненные сезонные для промысловиков без семей, стационарные зимние, сочетающиеся с переносными для других сезонов, стационарные зимние и стационарные летние. На русском языке селькупские поселения назывались юртами. Северные селькупы-оленоводы живут в стойбищах, состоящих из двух-трех, иногда пяти переносных жилищ. Таежные селькупы селились вдоль рек, на берегах озер. Селения небольшие, от двух-трех до 10 домов.

Селькупам было известно шесть типов жилищ (чум, усеченно-пирамидальное каркасное подземное и срубное подземное, сруб с плоской крышей, подземное из балок, лодка-илимка).

Постоянным жилищем селькупов-оленоводов являлся переносной чум самодийского типа (*корель-мат*) – коническое каркасное сооружение из жердей, крытое корой деревьев или шкурами. Диаметр чума от 2,5-3 до 8-9 м. Дверью служил край одной из покрышек чума (для покрышек сшивали 24-28 оленьих шкур) или кусок бересты, подвешенный на палке. В центре чума на земле устраивали очаг-костер. Очажный крюк крепился к вершине чума. Иногда ставили печку с трубой. Дым выходил через отверстие между верхушками жердей каркаса. Пол в чуме был земляной или застелен досками справа и слева от очага. В чуме жили две семьи или брачные пары (родители с женатыми детьми). Место напротив входа за очагом считалось почетным и сакральным. Спали на оленьих шкурах или циновках. Летом ставили пологи от комаров.

Зимним жилищем таежных оседлых и полуоседлых рыболовов и охотников были землянки и полуземлянки различной конструкции. Одна из древних форм землянок – *карамо* – глубиной полтора-два м, площадью 7-8 м. Стены землянки обкладывались бревнами. Крыша (односкатная или двускатная) покрывалась берестой и засыпалась землей. Вход в землянку сооружали в сторону реки. Отапливалось карамо центральным очагом-костром или чувалом.

Другим типом жилища была полуземлянка «карамушка» глубиной 0,8 м, с неукрепленными земляными стенами и двускатной крышей из горбылей и бересты. Основу крыши составляла центральная балка, лежащая на вертикальном столбе, установленном у задней стены, и двух столбах с перекладиной, установленных у передней стены. Дверь была дощатая, очаг – наружный. Бытовал и другой тип полуземлянки (*тяй-мат, пой-мат*), похожей на хантыйскую полуземлянку. В землянках и полуземлянках спали на нарах, устроенных вдоль двух стен напротив очага.

В качестве временного промыслового жилища у селькупов хорошо известны постройки в форме односкатного заслона (*балаган*). Такой заслон ставили во время пребывания в лесу для отдыха или ночевки. Распространенным временным жилищем селькупов (особенно у северных) является *кумар* – шалаш из тальника полуцилиндрической формы с берестяным покрытием. У южных (нарымских) селькупов в качестве летнего жилища были распространены крытые берестой лодки (*алаго, ко-рагуанд, массой анду*). Каркас выполнялся из черемуховых прутьев. Их вставляли в края бортов лодки, и они образовывали свод-полуцилиндр. Сверху каркас покрывали берестяными полотнищами. Данный вид лодок был широко распространен в конце XIX – начале XX вв. у нарымских селькупов и васюганских хантов.

В XIX в. многие селькупы (южные селькупы) стали строить срубы русского типа с двускатной и четырехскатной крышей. В настоящее время селькупы живут в современных срубных домах. Традиционные жилища (полуземлянки) используются только в качестве промысловых хозяйственных построек.

Среди традиционных хозяйственных строений у селькупов бытовали свайные амбары, сараи для скота, навесы, вешала для вяления рыбы, хлебные глинобитные печи.

Традиционной зимней верхней одеждой северных селькупов была меховая парка (*поргэ*) – открытая спереди шуба из оленьих шкур, сшитых мехом наружу. В сильные морозы поверх парки надевали *сакуй* – глухую одежду из оленьих шкур, мехом наружу с пришитым капюшоном. Сакуй бытовал только у мужчин. Парку носили как мужчины, так и женщины. Нательная мужская одежда состояла из рубахи и штанов, сшитых из покупной ткани, женщины носили платье. Зимней обувью северных селькупов были пимы (пемы), сшитые из камуса и сукна. Вместо чулка (носки) служила расчесанная трава (осока), которой обвертывали ступню. Летом носили ровдужную обувь и русские сапоги. Шапки шили в виде капора из «пешки» – шкурки новорожденного теленка, песцовых и беличьих лапок, из шкурок и шеи гагары. Повсеместным головным убором как для женщин, так и для мужчин был платок, который носили в виде косынки. Рукавицы северные селькупы шили из камусов мехом наружу.

У южных селькупов в качестве верхней одежды были известны шубы из «сборного меха» – *понджел-порг*. Такие шубы носили мужчины и женщины. Характерной особенностью этих шуб являлось наличие мехового подклада, собранного из камусов мелких пушных зверьков –

лапок соболя, белки, горностая, колонка, рыси. Сборный мех сшивали вертикальными полосками. Цветовой подбор делали таким образом, чтобы цветовые оттенки переходили один в другой. Сверху шубу обшивали тканью – сукном или плюшем. Женские шубы были длиннее мужских. Длинная женская шуба из сборного меха представляла собой значительную семейную ценность.

В качестве промысловой одежды у мужчин бытовали короткие шубы мехом наружу – **кырня** – из меха оленя или заячьих шкур. В XIX–XX вв. широкое распространение получили овчинные тулупы и собачьи дохи – зимняя дорожная одежда, а также суконные зипуны. В середине XX в. этот тип одежды вытеснила стеганая фуфайка. Нижняя плечевая одежда южных селькупов – рубахи и платья (**каборг** – для рубахи и платья) – вошли в обиход в XIX в. Подпоясывали плечевую одежду мягкой тканой опояской или кожаным ремнем.

У мужчин в качестве поясной одежды известны штаны из ровдуги – **пюмб**. Селькупские женщины вместо штанов до середины XX в. вязали чулки. Зимой, уходя в тайгу, мужчины и женщины надевали «верхние штаны», присборенные у щиколотки. Основным видом обуви у южных селькупов были кожаные чарки – **нев**. Головные уборы – платок, шапка-капор, мужская остроконечная шапка из вертикальных клиньев, собранных к макушке, картуз, меховая шапка. Рукавицы – **ноб** – делали двойные.

Одежда селькупов была сравнительно бедна орнаментом. Современная одежда всех групп селькупов исключительно покупная.

Традиционная пища селькупов состояла в основном из продуктов рыболовства. Рыбу в большом количестве заготавливали впрок. Ее варили (рыбный суп – **кай**, с добавлением крупы – **армагай**), обжаривали над огнем на палочке-веретеле (**чанса**), солили, сушили, вялили, заготавливали юколу, делали рыбную муку – **порсу**. Рыбу впрок заготавливали летом, во время «большого лова». Из рыбьих внутренностей вываривали рыбий жир, который хранили в берестяных сосудах и использовали в пищу. В качестве приправы и дополнения к пищевому рациону селькупы употребляли дикорастущие съедобные растения: дикий лук, черемшу, корни сараны и др. В большом количестве употребляли в пищу ягоды и кедровые орехи. В пищу также шло мясо лося и боровой дичи. Широкое распространение получили покупные продукты: мука, масло, сахар, чай, крупа.

На употребление в пищу мяса некоторых зверей и птиц существовали пищевые запреты. Например, некоторые группы селькупов не ели

мясо медведя, лебедя, считая их близкими по «породе» к человеку. Табуированными животными также могли быть заяц, куропатка, дикие гуси и др. В XX в. рацион селькупов пополнился продуктами домашнего скотоводства. С развитием огородничества - картофелем, капустой, свеклой и др. овощами.

Селькупы, хотя и считались крещенными, сохранили, как и многие народы Сибири, свои древние религиозные верования. Для них были характерны представления о духах-хозяинах мест. Они верили в духа-хозяина леса (*мачиль лоз*), духа-хозяина воды (*уткыль лоз*) и др. Духам приносили различные жертвы, чтобы заручиться их поддержкой во время промысла.

Творцом всего мира, демиургом селькупы считали бога *Нума*, олицетворявшего небо. Обитателем подземного мира, властителем зла выступал в селькупской мифологии подземный дух *Кызы*. У этого духа были многочисленные духи-помощники - *лозы*, которые проникали в человеческое тело и вызывали болезни. Для борьбы с болезнями селькупы обращались к шаману, который вместе со своими духами-помощниками вступал в борьбу со злыми духами и пытался изгнать их из тела человека. Если это удавалось шаману, то человек выздоравливал.

Земля обитания представлялась селькупам изначально ровной и плоской, покрытой травой-мхом и лесом – волосами матери-земли. Вода и глина были ее древним первичным состоянием. Все земные возвышенности и естественные углубления селькупы трактовали как свидетельства происходивших в прошлом событий, как земных («битвы богатырей»), так и небесных (например, оброненные с неба камни-молнии породили болота и озера). Земля (*чвэч*) для селькупов являлся все породившей и порождающей субстанцией. Млечный путь на небе представлялся каменной рекой, которая переходит на землю и течет р. Обью, замыкая собой мир в единое целое (южные селькупы). Небесную природу имеют и камни, которые положены на землю для придания ей устойчивости. Они также хранят и дают тепло, порождают огонь и железо.

У селькупов существовали специальные жертвенные места, связанные с религиозной обрядностью. Они представляли собой своеобразные святилища в виде небольших бревенчатых амбарчиков (*лозыль сэсан, лот келе*) на одной ножке-стойке, с установленным внутри деревянными духами – лозами. В эти амбарчики селькупы приносили различные «жертвы» в виде медных и серебряных монет, посуды, предметов бытового значения и др. Селькупы почитали медведя, лося, орла, лебедя.

Традиционное поэтическое творчество селькупов представлено преданиями, героическим эпосом о герое селькупского народа хитроумном *Итьте*, разнообразными видами волшебной сказки (*чантэ*), песнями, бытовыми рассказами. Еще в недавнем прошлом был широко представлен жанр песни-импровизации по типу «что вижу, то пою». Однако с утратой селькупскими навыков разговорной речи на селькупском языке этот вид устного творчества практически исчез. В фольклоре селькупов содержится много указаний на старые верования и связанные с ними культы. Предания селькупов повествуют о войнах, которые вели предки селькупов с ненцами, эвенками, татарами.

Традиционное декоративное искусство представлено в основном орнаментированной берестяной утварью в технике выскабливания, а также орнаментом на дверцах летних чумов, костяных изделиях. В основе своей селькупский орнамент геометрический (треугольники, кружки). Музыкальными инструментами у селькупов в прошлом были семиструнный «лебедь», варган и шаманский бубен.

3.3. Народы алтайской языковой семьи

3.3.1. Тюрки Сибири

3.3.1.1. Якуты

Самоназвание – *саха* «јака», от эвенкийского *яко*, к которому восходит русское *якут*. Самый северный среди тюрков Сибири народ. Живут в Якутии, в бассейнах средней Лены, нижнего Алдана, Вилюя, низовьев Олекмы; небольшие группы якутов проживают в районах Крайнего Севера по рекам Оленек, Яна, Анабара, Индигирка, Колыма, а также в Магаданской, Амурской и Сахалинской областях. Численность в России 380,2 тыс. человек. Говорят на якутском языке.

Якутский язык занимает особое место в группе тюркских языков. Он сложился на основе древнего тюркского языка, близкого к языкам рунических памятников Монголии. В настоящий момент выделяются центральная, вилюйская, северозападная и таймырская группы говоров. Начало контактов якутов с русскими относится к 1620-м гг.

Первый текст на якутском языке был издан Н. Витзенем в 1705 г. в Амстердаме. Изучение якутского языка началось с 1851 г. после выхода труда О.Н. Бетлинга «Über die Sprache der Jakuten». В начале XX в. изучением якутского языка занимались С.В. Ястремский, Э.К. Пекарский,

"Якут"
Худ А.Д. Тимофеев

В.В. Радлов. В дальнейшем (1920-1930-е гг.) изучение якутского языка было связано с необходимостью создания литературного языка, орфографии, учебников и словарей. В 1922 г. была создана общенародная письменность на основе алфавита, разработанного С.А. Новгородовым. В 1929 г. был введен единый для якутов новотюркский алфавит на основе латинской графики, в 1939 г. он был заменен алфавитом на основе русской графики, на базе которой была создана письменность. Основой для письменного литературного языка послужили разговорный язык якутов и устный литературный язык.

Этногенез якутов восстанавливается на основе археологических, этнографических и письменных источников. Якутский этнос начал формироваться в первой пол. II тыс. н.э. в бассейне среднего течения Лены в результате поглощения южными тюркоязычными переселенцами из Прибайкалья местных палеоазиатских и тунгусоязычных племен. Предками якутов были упоминавшиеся в китайских хрониках племена *гуликань*, населявшие Прибайкалье и Верхнюю Лену. В монгольских и тюркских источниках эти племена были известны под именем *курукан*. Территория расселения курыкан соответствует территории распространения *курумчинской* культуры VI-VIII вв. н.э.

Основным хозяйственным занятием курыкан было скотоводство, с преобладанием коневодства. Пастбищами для табунов служили долины рек. Хорошо было известно земледелие. Землю обрабатывали небольшими деревянными плугами, при распашке полей использовали лошадей. (В литературе существует точка зрения о связи курыканского земледелия с земледелием согдийцев Средней Азии). Занимались охотой на лосей, косуль, оленей, кабанов. Широко было развито собирательство. Заметную роль в культуре курыкан играло железоделательное производство. Жили в укрепленных поселениях. Среди курыкан была известна руническая письменность, являющаяся вариантом орхоно-енисейской древнетюркской рунической письменности.

В VI в. курыкане входили в Великий тюркский каганат. В VII в. подчинились Китаю. В течение IX-XI вв. курыкане начали осваивать среднее течение Лены. В дальнейшем этногенез якутов, вероятно, был связан с последовательно существовавшими двумя культурами: культурой *«малых домов»* (XII-XIII вв.), в которой обнаруживается, с одной стороны, генетическая близость с курыканами, с другой стороны – культурой якутов XVIII-XIX вв., и *кулан-атахской* культурой (XIII-XVI вв.), которая трансформировалась в культуру кыргэсэтехов XVI-XVII вв. На базе кыргэсэтехской культуры сложилась культура якутов XVII-XVIII вв. В конце XV в. потомки курыкан двинулись на север. На Средней Лене и

Вилые тюркоязычные предки якутов подчинили себе и частично ассимилировали местные охотничьи племена. Миграция предков якутов на север сохранилась в исторической памяти народа. Последние переселенцы с юга появились на Средней Лене в конце XVI в. От своих предков курыкан якуты унаследовали кочевое скотоводство, металлообработку, мифические и эпические предания. Однако в результате миграции на север якуты утратили разведение мелкого рогатого скота, верблюдов, навыки земледелия.

В прошлом якуты делились на 35-40 экзогамных родов. Рода, в свою очередь, делились на более мелкие родовые группы – отцовские роды. Существовал обычай кровной мести, нередко заменявшийся выкупом. Выделялась военная аристократия – тойоны. Было развито рабовладение и другие формы экономической зависимости: торговля детьми, передача обнищавших семей, сирот и др. на иждивение богатому сородичу, найм работников. Была общинная собственность на охотничьи, пастбищные угодья и сенокосы. При русском управлении якуты делились на роды, во главе которых стояли выборные «князьцы». Роды объединялись в наслеги. Существовали малые семьи. До XIX в. сохранялось многоженство. Жены жили раздельно, каждая вела свое хозяйство. За невесту платили калым.

Основным традиционным занятием якутом было скотоводство. Они разводили преимущественно лошадей и крупнорогатый скот. В русских документах якутов иногда называли «конными людьми». Уход за лошадьми осуществлялся мужчинами, женщины содержали рогатый скот. В северных районах якуты разводили оленей. Среди способов содержания скота у якутов практиковалось пастбищный и стойловый. Лошади содержались на подножном корме в течение всего года. Для конского молодняка и рогатого скота якуты запасали на зиму сено. Скот зимой держали в холодных, тесных и темных *хотонах*, строившихся под одну крышу с жильем. В хотон загоняли скот обычно на ночь. Кормили его скудно, поили ледяной водой из проруби. Якутский скот отличался выносливостью, но был малопродуктивен. Доился скот главным образом летом, иногда и зимой. Лошади и рогатый скот давали якутам мясо, шкуры, молоко, служили для передвижения.

Второй по значению отраслью якутского хозяйства было рыболовство. Рыбу ловили неводами, сетями, сачками, вершами (мордами), запорами и пр. Для якутов, не имевших скота, рыбная ловля составляла основу их экономики. Существовали целые родоплеменные группы, которые жили в основном продуктами рыбного промысла. Рыбу ловили преимущественно летом, но практиковался и зимний подледный лов.

Осенью устраивалась коллективная неводьба. Добытый улов делился среди всех участников.

Охотничий промысел составлял еще одну отрасль якутского хозяйства. Особенно охота была распространена у северных якутов. Они добывали песца, зайца, дикого оленя, лося, птиц: уток, куропаток, рябчиков и др. До прихода русских якутам была известна мясная и пушная охота. Техника охоты якутов мало чем отличалась от техники охоты других сибирских народов. До появления огнестрельного оружия основными орудиями охоты якутов были лук и стрелы, различные типы охотничьих ловушек и приспособлений: волосяные петли и силки, пасти на песца, лисицу, медведя. Практиковались и специфические приемы охоты, не известные другим народам Сибири: гоньба зверя верхом на лошади, по следу, иногда с собаками.

Немаловажную роль в экономике якутов играло собирательство. Особенно практиковался сбор сосновой и лиственничной заболони – внутреннего слоя коры. Ее собирали ранней весной и запасали на зиму. Заготавливали корни, зелень (дикий лук, щавель, хрен, медвежий чеснок и др.), в меньшей степени собирали ягоды. Собирательством занимались преимущественно женщины и дети.

У русских в конце XVII в. якуты заимствовали земледелие. В небольшом количестве выращивали ячмень и пшеницу.

Среди якутов была развита кустарная обработка сырых материалов: дерева, кожи, бересты, меха. На первом месте находилась обработка дерева и бересты. Из дерева и бересты изготовляли домашнюю утварь, посуду, обстановку жилища, рукоятки для ножей, топоров, копий. Деревянная посуда обычно украшалась резьбой, берестяная – орнаментом из конского волоса.

Широко применялись кожа и мех. Из этих материалов шилась одежда, обувь, головные уборы, сумочки, сосуды для хранения запасов продуктов, конское снаряжение, ковры, подстилки и др. Якутам не было знакомо прядение, ткачество и валяние войлока. Зато широко применялся конский волос. Он шел на плетение арканов, веревок, шнуров, на изготовление волосяных сетей, на набивку подушек и седел, шел на орнаментировку берестяных и других предметов.

Товарное значение у якутов имел кузнечный промысел. Железо добывали из болотной руды, выплавляли в сыродутных горнах. Из железа ковали различные предметы быта, оружие и др. В начале XX в. якуты стали использовать покупное железо. Широко было распространено литье иковка серебряных изделий. Серебро переплавляли главным образом из русского серебряного лома и серебряных монет. Из серебра в ос-

новном чеканили различные женские украшения и детали женской одежды. Также широко практиковалось изготовление медных изделий и украшений. Была развита обработка мамонтовой кости. Сохранялось производство глиняной посуды, носившее примитивный характер. Горшки лепили руками, в глину добавляли порошок из толченых старых обожженных черепков, для разглаживания стенок сосудов применяли плоский камень и лопаточку. Обжигали горшки на камельке.

Существовало половое разделение труда. Охота, рыбная ловля, обработка дерева, металла, мамонтовой кости, постройка жилищ, заготовка дров находились в руках мужчин. Обработка кожи, меха, шитье одежды, обуви, изготовление кожаной и глиняной посуды, приготовление пищи, разжигание и поддержание огня в очаге были женским занятием.

Средства передвижения якутов были приспособлены к условиям труднопроходимой тайги. Передвигались в основном верхом на лошади, грузы перевозили вьюком. Существовала самая ранняя форма упряжи – лямка, пристегнутая к седлу верховой лошади. Иногда лямка заменялась оглоблями. Были известны сани (*силис сыарга*), запряженные обычно в быков. На санях якуты ездили и зимой, и летом. На севере якуты использовали оленьи нарты. К числу сухопутных средств передвижения у якутов относятся лыжи, подбитые лошадиным камусом. Водными средствами передвижения служили берестяные (*тыы*) и плоскодонные из досок лодки. От русских якуты заимствовали парусные *карбасы*.

Для якутов характерны постоянные селения – *ыал*. Они были зимними от одного до трех домов-юрт и летними, состоящими из пятидесяти юрт. Якутские селения располагались у рек, в долинах, на опушках леса. Некоторые отдельные селения тяготели к трактам. Северные якуты имели стоянки (1-3 переносное жилище) на путях кочевания с оленями. Зимние селения якутов тяготели к сенокосам, летние располагались близ пашен.

В прошлом у якутов было зафиксировано 12 видов жилищ. Наиболее широко был распространен тип стационарного каркасного жилища – юрта или иначе балаган – (*дбиэ, дулга*). Размеры юрты составляли от 5х5 до 10х10 м, высота 1,5-1,8 м. Каркас устанавливался из 4-8 вертикальных угловых и центральных столбов, вкопанных в землю и соединенных наверху рамой из четырех балок. На раму клали толстую балку-матицу. Стены жилища были наклонными внутрь. Крыша была плоской, двускатной. Покрывалась тонкими бревнами в накат, поверх которых настилали кору и дерн. Пол был земляной. Дверь находилась в восточной стене. Спали на дощатых нарах. Отапливалась юрта открытым очагом чувалом-камельком (*осох*), расположенным вдоль правой от входа сте-

ны. Почетным местом считались нары слева от входа. Перед входом иногда сооружали навес-сени. К юрте пристраивался загон для скота - хотон. Дверь в него вела из юрты около чувала.

Традиционным летним жилищем якутов была *ураса* (*ураһа, могол ураса, монгол джие, тордох*) – стационарная коническая каркасная постройка. Она близка по конструкции остова-каркаса цилиндро-коническому сооружению *чорома-дю* эвенов, чукотской яранге, юрте бурят и тувинцев. Цилиндрическое основание урасы находилось внутри конического строения. Диаметр жилища 4-6 м, высота до 10 м. Покрывалась ураса сшитой в два слоя берестой. Имелась дверь. Вдоль стен располагались нары. Отапливалась ураса открытым глинобитным очагом на возвышении. В прошлом существовали и зимние постройки такого типа, покрытые дерном.

Якутам было известно зимнее каркасно-срубное четырехугольное жилище, крыша которого имела форму четырехгранной пирамиды. Типичны для якутов и многоугольные (6-8 углов) жилые строения - срубы (*анасох, бабарна, поварня*). Они имели вид многогранной пирамиды с уплощенной крышей. С конца XIX в. якуты стали строить четырехугольные срубы, близкие к русским избам, с плоскими и двускатными крышами. Бытовали и срубно-каркасные жилища: основание выполнялось в виде сруба, верх жилища – из вертикальных бревен.

Жилищем северных якутов-оленоводоов были чумы, в конструкции напоминавшие нганасанские или тунгусские. Зимой чум покрывали оленьими шкурами, летом - ровдугой. На промыслах охотники и рыбаки жили в легких срубно-каркасных двускатных строениях, в каркасных полу-сферических или пирамидальных жилищах (*голомо*). Якутские голомо имели несколько различных конструкций: наземные и углубленные в землю, пирамидальной или усеченно-пирамидальной формы.

Среди хозяйственных построек якутов известны хлева, загоны для лошадей, амбары, мельницы. Для просушивания и хранения снопов сооружали помосты. Дворы огораживали заборами, на дворе возле дома ставили коновязь.

В настоящее время якуты живут в современных поселках, в типовых срубных домах. В качестве хозяйственных строений сохраняются юрты-балаганы. Оленеводы живут в палатках: зимой в меховых, летом – в брезентовых. На праздниках как национальный символ якуты сооружают урасу.

Традиционной одеждой для мужчин и женщин служили короткие кожаные штаны-натазники, меховые набрюшники, кожаные ноговицы, однобортные кафтаны: зимой меховые, летом из конской или коровьей

шкуры шерстью внутрь. Богатые якуты носили халаты из ткани. В качестве праздничного женского наряда бытовал старинный верхний костюм (*сынгийях*) – меховой богато украшенный кафтан. Такие кафтаны хранились и передавались по наследству как семейная драгоценность по преимуществу в богатых семьях.

Верхнюю одежду мужчины подпоясывали кожаными поясами. Богатые якуты украшали пояс серебряными и медными чеканными пластинами и бляхами с орнаментом. К поясу прикреплялись нож и огниво.

Бытовали различные головные уборы: шапки, шляпы, русские картузы, платки. Характерна праздничная женская шапка с высоким плоским спереди и сзади суконным верхом с различными нашивками, главная из которых – серебряный чеканный круг, и удлиненной затылочной частью из дорогого меха. Такие шапки были типичны только для якутов.

Характерной особенностью зимнего якутского костюма является наличие мехового воротника (*моойтурук*), сшитого из колец из беличьих хвостов. Надевался моойтурук на шею в холодную погоду, и в него прятали нос и рот. По мере надобности воротник поворачивался заиндевевшей частью от лица в сторону. Кисти рук защищали от мороза тяжелые меховые рукавицы.

Из обуви якуты носили высокие сапоги из оленьего или конского меха шерстью наружу. Летние сапоги шились из мягкой кожи. Голенище покрывали сукном. Под верхнюю обувь надевали высокие меховые или суконные чулки, сшитые по форме ноги. В сапоги клали подстилку из травы.

В качестве украшений женщины-якутки из семей тойонов носили серебряные нагрудные подвески, ажурные серьги (*ытырга*), браслеты (*бөгдөх*) и перстни (*буһилэх*). Многие женщины носили массивные серебряные кресты (православное влияние) на ажурных серебряных цепочках.

Особой детской одежды не было. Дети малоимущих якутов носили старую одежду своих братьев или сестер. Детям богатых якутов шилась одежда как у взрослых, только меньших размеров и с большим количеством украшений.

Основной пищей якутов традиционно были продукты молочного производства: кумыс, простокваша, молоко, масло, сливки. Молочной пищей питались главным образом летом. Масло пили растопленным или с кумысом, ели его и в замороженном виде. На зиму заготавливали суorat – простоквашу, замораживая ее в больших деревянных чанах с добавлением ягод, корней, костей, растворяющихся в молочной кислоте. Из полученного таким образом продукта – *тар*, приготавливали похлебки

бутугас, в которую добавляли воду, корни и т.п. Зимой также замораживали молоко в виде больших ледяных брикетов.

Из растительной пищи употребляли сосновую или лиственничную заболонь. Ее заготавливали на зиму в сушеном виде и подмешивали в бутугас. В качестве приправы употребляли различные съедобные травы и ягоды, кроме малины. Якуты также, как и многие народы Сибири не ели грибов.

В северных районах большое значение имела рыба, которой питались в основном малоимущие якуты. Ее ели летом в свежем виде, поджаривая на костре или варя в воде. На зиму делали рыбные запасы, заготавливая рыбу в ямах. Прокислая и полусгнившая рыба замораживалась и шла на приготовление бутугаса. Ценные сорта рыбы: стерлядь, нельма и др. употреблялись в сыром виде или в замороженном, в виде струганины.

Мясная пища употреблялась только зажиточными якутами. Ценилось конское мясо. Его варили, жарили, замораживали на зиму. Чаще употреблялось коровье мясо, питались также дичью. Особенно ценился жир животных, его замораживали и ели как струганину. Под влиянием русских в пищевой рацион якутов вошли мука, соль, сахар, чай.

На религиозную обрядность якутов большой отпечаток наложило православие, распространившееся в Якутии в XVIII-XIX вв. Православный культ сочетался у них с верой в духов. Как и многих сибирских народов, сохранились у якутов элементы тотемизма: каждый якутский род имел своего животного-покровителя – тотема, которого запрещалось убивать, называть по имени и т.д. Наиболее устойчивой частью христианской религии якутов оказалось шаманство и анимистические верования. Якутское шаманство ближе всего стояло к тунгусскому типу. Шаманами были мужчины и женщины. По якутским представлениям, шаман являлся профессиональным служителем духов. Он имел своего духа-покровителя, изображение которого в виде медной бляхи нашивалось на груди шамана: считалось, что это душа одного из умерших шаманов. Признаком готовности к шаманской профессии обычно являлось нервное заболевание, которое свидетельствовало об «избрании» данного человека духами. За этим следовал период обучения под руководством старого шамана и обряд публичного посвящения. Главным атрибутом шамана был бубен. Основные функции шамана состояли в лечении больных людей и животных, а также в предотвращении любых несчастий.

Существовали различные промысловые культы. Главное божество-покровитель охотников и рыбаков – *Бай-Баянай* – лесной дух. Важным

был культ женского божества плодородия *Айыысыт*. Духам, живущим в Верхнем Море, приносили в жертву лошадей, в Нижнем – коров. Существовали культы некоторых животных. Особам суеверным почитанием пользовался медведь. Его избегали называть по имени, боялись убивать, видели в нем колдуна-оборотня. Почитали также орла, которого называли *тойон кыыл* – «господин зверь», ворона, сокола.

Свидетельством некогда бытовавшего среди якутов родового культа является праздник плодородия – *Ысыах* (кумысный праздник). Он проводится в весенне-летний период и сопровождается обильными возлияниями кумыса из больших деревянных ритуальных сосудов – *чороннов*, играми и спортивными состязаниями. В старину Ысыах устраивали по родам. Им управляли «белые шаманы» – *айыы-ойууна* – служители светлых божеств. С остатками родового культа связано и сохранившееся среди якутов почитание огня как чистейшего элемента, который запрещалось осквернять и оскорблять. Культ предков у якутов был представлен слабо. Из умерших почитались шаманы и некоторые выдающиеся люди.

3.3.1.2. Тувинцы

Самоназвание – *тыва кижил, тывалар*; устаревшее название – *сойоты, сойоны, урянхайцы, танну тувинцы*. Коренное население Тувы. Численность в России 206,2 тыс. человек. Живут также в Монголии и Китае. Делятся на западных тувинцев центральной и южной Тувы и восточных тувинцев (тувинцев-тоджинцев) северо-восточной и юго-восточной части Тувы. Говорят на тувинском языке. Имеют четыре диалекта: центральный, западный, северо-восточный и юго-восточный. В прошлом тувинский язык подвергался воздействию соседнего монгольского языка. Тувинская письменность стала создаваться в 1930-х гг., на основе латинской графики. К этому времени относится и начало формирования тувинского литературного языка. В 1941 г. тувинская письменность была переведена на русскую графику.

Начало формирования тувинского этноса относится к скифскому времени (VIII-III вв. до н.э.) и связано с распространившиеся от границ Алтая на западе до Саян (Тоджи) на востоке культуры саков. Влияние саков прослеживается в материальной культуре тувинцев. Жители вели полукочевое и кочевое скотоводческое хозяйство, занимались мотыжным земледелием, охотой и рыболовством. Языковая принадлежность племен Тувы того времени остается невыясненной. Однако не исключено, что

А.
28.10.94.

"Тувинец"
Худ. А.Д. Тимофеев

они принадлежали к ираноязычным группам.

В антропологическом отношении степные племена были неоднородны. Преобладающий расовый тип занимал промежуточное положение между европеоидной и монголоидной расами, отличаясь в этом отношении от современных тувинцев.

Значительный след в этногенезе тувинцев оставили скотоводческие племена хунну (сюнну), вторгшиеся на территорию современной Тувы на рубеже III и II вв. до н.э. Хунну существенно отличались от местного населения скифского времени в антропологическом и культурном отношении. К тому же они вели более подвижный образ жизни. Влияние хунну отразилось на материальной культуре тувинцев, в частности на формах деревянных сосудов.

Древнейшими предками тувинцев, оказавшими бесспорное влияние на развитие их этнокультурного облика, считаются древнетюркские скотоводческие племена Центральной Азии, проникшие на территорию Тувы не позднее середины I тыс. н.э. Они входили в состав раннесредневекового государства Центральной Азии – Тюркский каганат (551-744 гг.). Физический тип населения Тувы того времени характеризовался преобладанием монголоидов, включая, вместе с тем, немало носителей европеоидных черт. Однако с расселением тюрков монголоидный компонент в составе населения значительно усилился.

В дальнейшем на формирование современного этнокультурного облика тувинцев повлияли тюркоязычные уйгуры, которые в середине VIII в., разгромив Тюркский каганат, завоевали значительную часть Центральной Азии, включая Туву. На территории Тувы некоторые уйгурские племена основали ряд поселений-крепостей, смешались с местным населением и передали ему некоторые свои культурные достижения, переняв, в свою очередь, форму кочевого скотоводства. Потомки уйгуров-завоевателей, как отмечают исследователи, жили в Туве вплоть до XX в.

На смену уйгурам в IX в. приходят племена енисейских кыргызов, населявших к тому времени Минусинскую котловину. Основным занятием кыргызов были кочевое скотоводство, земледелие, ремесла. Часть кыргызских племен, вытеснив уйгуров, поселилась в Туве. Постепенно они полностью ассимилировались с местным населением. Поныне в юго-восточной Туве живут родоплеменные группы тувинцев, которые именуют себя *кыргыс*, – вероятно, это потомки енисейских кыргызов, проникших в Туву в IX в. В конце I тыс. н.э. в Саяны (Тоджа), населен-

ные самодийскими и кетоязычными племенами, проникли тюркоязычные племена туба, родственные уйгурам.

В начале XIII в. население Тувы было подчинено монголами. В период их господства на территорию Тувы переселось несколько монгольских племен, постепенно ассимилированных местным населением, что привело к значительным изменениям в его этническом составе. Под влиянием монгольского элемента стал складываться характерный для современных тувинцев центральноазиатский монголоидный расовый тип.

К концу XIII в. этнический состав населения Тувы уже включал все те группы, которые приняли участие в формировании современного тувинского народа. Эти группы состояли из потомков древних тюрков, уйгуров, кыргызов, монголов, самодийских и кетоязычных племен. С XVI в. Тува находилась под властью монгольского государства Алтынханов. В середине XVIII в. она была подчинена маньчжурской династии Китая. К началу XIX в. на территории современной Тувы завершились этнообъединительные процессы: все нетюркские обитатели Тувы были тюркизированы и в основных чертах закончилось формирование тувинского этноса. Этноним *тыва* стал в процессе формирования тувинской народности общенародным самоназванием.

Начало проникновения и расселения в Туве русского населения относится к первой пол. XIX в. Под протекторат России Тува была принята в 1914 г. В 1921 г. была провозглашена Тувинская народная республика, в 1944 г. Тува вошла в состав СССР на правах автономной области. С 1993 г. в составе России Тува приобрела статус республики.

Главной отраслью хозяйства тувинцев было и остается скотоводство. Западные тувинцы, основу хозяйства которых составляло кочевое скотоводство, разводили мелкий и крупный рогатый скот, лошадей, яков и верблюдов. Пастбища преимущественно располагались в долинах рек. В течение года тувинцы совершали 3-4 перекочевки. Протяженность каждой перекочевки составляла от 5 до 17 км. Стада имели несколько десятков различных голов скота. Часть стада ежегодно выращивалась для обеспечения семьи мясом. Животноводство полностью покрывало потребности населения в молочных продуктах. Однако условия содержания скота (пастбищное содержание в течение всего года, постоянные перекочевки, обыкновение держать молодняк на привязи и др.) отрицательно сказывались на качестве молодняка и служили причиной его гибели. Сама техника скотоводства приводила к нередкой гибели всего стада от истощения, бескормицы, болезней, от нападения волков. Урон скота исчислялся десятками тысяч голов ежегодно.

В восточных районах Тувы было развито оленеводство, однако оленей тувинцы использовали только для верховой езды. В течение всего года олени паслись на естественных пастбищах. В летнее время стада угоняли в горы, в сентябре на оленях промыслили белку. Содержали оленей открыто, без каких-либо ограждений. На ночь телят вместе с матками отпускали на пастбище, утром они возвращались сами. Доили оленей, как и других животных, подсосным методом, с подпусканием молодняка.

Подсобным занятием у тувинцев было ирригационное земледелие с самотечным способом орошения. Единственным видом обработки земли была весенняя вспашка. Пахали деревянной сохой (*андазын*), которую привязывали к седлу лошади. Бороновали волокушей из ветвей караганника (*калагар-илиир*). Колосья срезали ножом или выдергивали руками. Русские серпы появились у тувинцев только в начале XX в. Из зерновых культур высевали просо и ячмень. Участком пользовались в течение трех-четырех лет, затем его забрасывали для восстановления плодородия.

Мужское население Тувы, особенно северных и восточных районов, занимались также охотой и рыболовством. До конца XIX в. тувинцы охотились в основном при помощи лука и стрел. В зависимости от вида охоты стрелы различались формой и материалом наконечника. На мелкого пушного зверя охотились стрелами с тупым наконечником из оленьего или маральего рога, на крупных животных - стрелами с железными наконечниками различной формы. Из лука били также птиц. Впоследствии лук и стрелы были заменены шомпольными ружьями. Название ружья – *боо* – показывает, что ружья к тувинцам проникли из Монголии. При помощи различных силков, ловушек, петель охотились на птиц и мелких зверьков, особенно сусликов.

Рыболовство у тувинцев носило второстепенный характер. Было распространено сезонное (весна и осень) озерное рыболовство. Вылавливали язя, окуня, щуку, тайменя. Рыбачили при помощи сетей, сплетенных из конского волоса или из ниток. Сети ставили на озерах, прикрепляя их к жердям, воткнутым в дно, иногда рыбаки заводили на плотках сеть к берегу, как невод. Рыбу били также острой или ловили удочкой. В жаркие дни ловили волосяной петлей щук, когда они подходили к берегу и прятались в траве. На речках иногда устраивали из камней запоры, в середину которых ставили «морды». Зимой рыбу ловили в прорубях. По Енисею, Кемчику и др. рекам добывали хариуса, ленка, тайменя.

В таежных районах Тувы было развито собирательство дикорастущих растений. Собирали преимущественно высокопитательные корни и клубни кандыка, сараны, стебли черемши. Кандык и сарану в большом количестве запасали впрок: выкопанные корни варили, сушили и хранили в мешках. Клубни этих растений богаты крахмалом. В небольшом количестве заготавливали кедровые орехи. Собирательством занимались главным образом женщины и дети.

Из домашних производств было развито изготовление войлока, обработка дерева, выделка бересты, обработка шкур и выделка кож, кузнечное дело. Войлок изготавливала каждая тувинская семья. Он был необходим для покрытия переносного жилища, для постелей, ковриков, подстилок и т. д. Кузнецы специализировались на изготовлении удил, подпруг и пряжек, стремян, железных таганов, огнив, тесел, топоров и пр. К началу XX в. в Туве насчитывалось более 500 кузнецов-ювелиров, работавших главным образом на заказ. Ассортимент изделий из дерева ограничивался преимущественно предметами домашнего обихода: деталями юрты, посудой, мебелью, игрушками, шахматами. Обработкой и выделкой шкур диких и домашних животных занимались женщины.

Основным средством передвижения тувинцев была верховая и вьючная лошадь, в некоторых районах – олень. Ездили также на быках и яках. Из других средств передвижения тувинцами применялись лыжи и плоты. Лыжи использовались во время охоты, при собирании скота, при большом снеге. Изготавливались они из ели, снизу подбивались камусом с ног оленя, лося или лошади. На плотам передвигались по рекам и озерам. Их делали из стволов деревьев, связанных ветвями березы или ивы. Навыки изготовления лыж и плотов наблюдаются и в настоящее время.

Тувинцы-скотоводы, ведущие кочевой образ жизни, жили на стойбищах в переносных жилищах, земледельцы и оседлые скотоводы – в постоянных селениях и в стационарных постройках; рыболовы и охотники имели переносные жилища, оленеводы – переносные чумы. Стойбища скотоводов зимой состояли из трех-пяти юрт, стоящих друг от друга в значительном удалении, летом стойбище имело пятнадцать-двадцать юрт. Стойбища оленеводов и охотников зимой состояли из двух-пяти чумов, летом – из пятнадцати и более.

У тувинцев было отмечено пять типов жилищ. Основной тип жилища кочевых скотоводов – решетчатая войлочная юрта монгольского типа (*тербе-Ог*). Это каркасная постройка цилиндро-конической формы с дымовым отверстием в крыше. В Туве известен также вариант юрты без дымового отверстия. Юрта покрывалась 3-7 войлочными покрывками, которые привязывались к каркасу шерстяными тесемками. Диаметр

юрты — 4,3 м, высота — 1,3 м. Вход в жилище обычно ориентировали на восток, юг или юго-восток. Дверь в юрту была войлочная или дощатая. В центре находился очаг или железная печь с трубой. Пол покрывали войлоком. Справа и слева от входа располагались кухонная утварь, кровать, сундуки, кожаные мешки с имуществом, седла, сбруя, оружие и др. Ели и сидели на полу. В юрте жили зимой и летом, перевозя ее с места на место во время кочевков.

Жилищем тувинцев-тоджинцев, охотников-оленоводов, был конический чум (*алачых, алажи-Ог*). Конструкция чума выполнялась из жердей, покрытых зимой оленьими или лосиными шкурами, летом — берестой или корой лиственницы. Иногда конструкция чума состояла из нескольких приставленных друг к другу срубленных молодых стволов деревьев с оставленными наверху сучьями, к которым приставлялись жерди. Каркас чума не перевозился, только покрышки. Диаметр чума составлял 4-5, 8 м, высота — 3-4 м. На изготовление покрышек для чума использовалось 12-18 оленьих шкур, сшитых нитками из сухожилий оленя. Летом чум покрывался кожаными или берестяными покрышками. Вход в чум осуществлялся с южной стороны. Очаг располагался в центре жилища в виде наклонной жерди с петлей из волосяной веревки, к которой привязывали цепь с котлом. Зимой на пол стелили ветви деревьев.

Чум тоджинцев-скотоводов (*алачог*) несколько отличался от чума охотников-оленоводов. Он был больше, не имел шеста для подвешивания котла над костром, в качестве покрышек использовалась кора лиственницы: 30-40 кусков. Ее укладывали как черепицу, засыпая землей.

Западные тувинцы покрывали чум войлочными покрышками, скрепленными волосяными веревками. В центре ставили печь или разводили костер. Крюк для котла или чайника подвешивали к вершине чума. Дверь была войлочная в деревянной раме. Планировка такая же, как в юрте: правая сторона женская, левая — мужская. Место за очагом против входа считалось почетным. Там же хранили предметы культа. Чум мог быть переносным и стационарным.

У оседлых тувинцев бытовали четырехстенные и пяти-шести угольные каркасно-столбовые постройки из жердей, крытые шкурами лосей или корой (*борбак-Ог*). Площадь таких жилищ составляла 8-10 м, высота — 2 м. Крыши жилищ были четырехскатные сводчато-куполообразные, иногда — плоские. С конца XIX в. оседлые тувинцы стали строить прямоугольные однокамерные срубы с плоской земляной крышей, без окон, с очагом-костром на полу. Площадь жилищ составляла 3,5х3,5 м. У русского населения тувинцы заимствовали в начале XX

в. технику сооружения землянок с плоской бревенчатой крышей. Богатые тувинцы сооружали пяти-шести угольные срубные дома-юрты бурятского типа с пирамидообразной крышей, крытой лиственничной корой с дымовым отверстием в центре.

Охотники и пастухи сооружали временные односкатные или двускатные каркасные жилища-укрытия из жердей и коры в виде шалаша (*чадыр, чавыг, чавыт*). Остов жилища покрывали сучьями, ветвями, травой. В двускатном жилище костер разводили у входа, в односкатном – в центре. В качестве хозяйственных строений у тувинцев бытовали срубные наземные амбары, иногда присыпанные землей.

В настоящее время кочевые скотоводы живут в войлочных или срубных многоугольных юртах. На промыслах иногда используют конические, двускатные каркасные постройки и укрытия. Многие тувинцы живут в поселках в современных типовых домах.

Одежда тувинцев (*хеп*) была приспособлена к кочевому быту и до XX в. несла устойчивые традиционные черты. Шилась она, включая обувь, из выделанных шкур домашних и диких животных, а также из покупных тканей, приобретаемых у русских и китайских купцов. По своему назначению она подразделялась на весенне-летнюю и осенне-зимнюю и состояла из повседневной, праздничной, промысловой, культовой и спортивной.

Наплечная верхняя одежда-халат (*тон*) была туникообразной распашной. Существенных отличий между мужской, женской и детской одеждой в особенностях покроя не имелось. Она запахивалась направо (левая пола над правой) и всегда опоясывалась длинным кушаком. Только тувинские шаманы во время камлания не опоясывали свои ритуальные костюмы. Характерной чертой верхней одежды-халата были длинные рукава с обшлагами, опускавшимися ниже кистей рук. Такой покрой спасал кисти рук от весенне-осенних заморозков и зимних морозов, позволял не пользоваться рукавицами. Аналогичное явление отмечалось у монголов и бурят. Халат шили длиной почти до щиколоток. Весной и летом носили халат из цветной (синей или вишневой) ткани. Богатые западнотувинские скотоводы в теплое время года носили халаты *торгу тон* из цветного китайского шелка. Летом поверх халата надевали шелковые безрукавки (*кандаазы*). У тувинцев-оленоводоов распространенным видом летней одежды служил *хаи тон*, который шили из изношенных оленьих шкур или осенней косульей ровдуги.

Многие тувинцы поверх тона надевали короткие распашные ровдужные или хлопчатобумажные куртки *хурме* с широкими рукавами. В холодное летнее время, а также зимой носили хурме из волчьей шкуры.

Весной и осенью западные тувинцы носили *ой тон* – легкую нагольную шубу, сшитую из шкуры барана. Сверху ее обшивали тканью. Зимой в обиходе были нагольные зимние шубы *алгы тон, кышкы тон*, сшитые из шкур не остриженных овец. На одну шубу требовалось 5-7 шкур. Состоятельные тувинцы и женщины носили зимние шубы, крытые цветной тканью. Оленеводы зимой носили нагольные шубы из шкур лося или косули мехом внутрь – *дуктуг*. Шубы богатых оленеводов были покрыты цветной материей.

В 1930-е гг. среди тувинцев стал распространяться новый вид одежды – ватные стеганые халаты, по покрою аналогичные обычному халату.

Промысловая одежда тувинцев была более легкой и короткой. Скотоводы в непогоду поверх верхней одежды надевали дождевики (*хевенек*) из тонкого войлока или из сукна. На промыслах зимой и во время передвижения в горах тувинцы пользовались полушубком (чалдак тон), сшитым из шкур овец, коз, косуль или переделанным из старой зимней шубы. Во время зимней оттепели, дождя со снегом охотники носили короткую доху – *чагы* – мехом наружу, сшитую из оленьей или косульей шкуры.

В сильные морозы для защиты лица и шеи тувинцы надевали своеобразный шарф (*моюндурук*), которым обычно служили волчьи и лисьи хвосты или заячьи шкурки.

Наиболее распространенным головным убором у мужчин и женщин была овчинная шапка с широким куполообразным верхом с наушниками (*калбак берт*). Распространены были сходные по покрою с калбак берт капюшоны (*бюдэлге*), сшитые из войлока или сукна. Их носили обычно в дождливую погоду. Богатые скотоводы западных районов – мужчины и женщины – носили *маактыг берт* – овчинные, обшитые тканью, шапки с лентами. В сильные морозы под шапкой носили наушники из шкур ягненка или косули. Широко бытовали у тувинцев меховые капоры из кусков овчины, беличьих или заячьих шкурок, обшитые тканью. В прошлом у тувинцев-тоджинцев был известен головной убор из утиной кожи и перьев – *онгук кежи берт*. Шапка имела вид колпака, верх которого образовывала шея птицы с перьями. Такими головными уборами пользовались только бедняки. В начале XX в. тувинцы пользовались тюбетейкообразным головным убором *товурзак* из шкур, снятых с голов копытных, или сшитым из выкроенных шкур.

В конце XIX в. под влиянием русских в качестве женского головного убора стал входить в употребление платок. К женским головным уборам относится *тумалай* – свадебные шапочка и платок и – *баштангы* – накидка на голову и плечи. Тумалай шили из зеленой, синей, голубой

или белой ткани, баштангы – из цветной материи. Украшениями служили нашитые бусы, монеты, раковины каури. Баштангы и тумалай хранили и передавали по наследству как несомненный признак богатства.

Традиционной спортивной одеждой тувинцев был костюм участников борьбы *хуреш – содак*. Он состоял из трусов, очень короткой распашной на груди рубашки, прикрывавшей руки и плечи, сапог и головного убора.

Обувь бытовала двух типов: кожаные сапоги *кадык идик* с загнутым и заостренным мысом, твердой многослойной войлочно-кожаной подошвой и *чымчак идик* с мягкой кожаной подошвой без загиба мыса. Кадык идики западные тувинцы использовали в течение всего года. Чымчак идики надевали во время промысла, на пастьбе скота, на охоту. Тувинцы-тоджинцы предпочитали в летнее время мягкие и легкие ровдужные сапоги (*хааш идик*). Зимой тувинцы носили в сапогах войлочные чулки (*ук*) с вшитыми подошвами.

Оленеводы восточной Тувы поздней осенью и зимой носили камусовые унты *бышкак идик* мехом наружу. Зимой под унты надевали по два меховых чулка из шкуры косули. Весной и осенью пользовались чулками из косульей ровдуги.

У кобдинских тувинцев бытовали специальные приспособления для передвижения зимой в горах по снегу – *хаак*. Они имели вид овального и несколько заостренного с одной стороны уплощенного мешка из шкуры с головы лошади. Их надевали на сапоги острием вперед, чтобы волосы шкуры были обращены назад. Они заменяли охотникам лыжи.

Нижняя одежда тувинцев состояла из распашной рубашки *хойлен* из ровдуги или ткани и кожаных коротких штанов-натазников *чувур*. Традиционные рубашки были распространены у тувинцев вплоть до середины XX в. Их носили только летом. Штаны-натазники носили как летом, так и зимой.

Украшениями служили серебряные кольца и перстни, которые женщины надевали на пальцы по несколько штук; серьги из серебряной проволоки, серебряные браслеты. Женским украшением служили также декоративные гребни, нередко металлические, с вставными драгоценными камнями. Ценились и накосные украшения, особенно *чавага*, которые девушки готовили к свадьбе. Накосник чавага состоял из плоской трапециевидной серебряной пластины, богато орнаментированной гравировкой, чеканкой и украшенной драгоценными камнями. К чаваге подвешивали несколько рядов бус и шелковые золоченые пучки нитей, завершавшихся бахромой.

Женщины и мужчины носили косы.

В питании тувинцев выделяются три пищевых комплекса: западнотувинский (скотоводческий), восточнотувинский (охотничье-оленоводческий) и восточнотувинский (охотничье-скотоводческий).

Западнотувинский пищевой комплекс базировался на продуктах кочевого скотоводческого хозяйства в сочетании с земледелием. Основой питания служила молочная, мясная и растительная пища. Рыбой питались только бедные тувинцы. В большом количестве западные тувинцы употребляли молочные продукты: молоко, сыры, творог, масло, сметану, жирные пенки и др.

Особенностью данного пищевого комплекса является потребление тувинцами только кипяченого молока, а также большого количества кисломолочных продуктов. Молочная пища преобладала в весенне-летний период. Мясо в этот период потреблялось редко. Молочную пищу дополняла растительная. С апреля до середины мая готовили простоквашу *тарак*, затем ее заменяли на другой кисломолочный продукт – *хойтак*. В летнее время тувинцы, особенно богатые скотоводы, в больших количествах пили *араку* – молочную водку, перегоняемую из *хойтнака* – специально приготовленного кисломолочного продукта.

Доля молочных продуктов в рационе тувинцев уменьшалась в осенне-зимний период. Вместе с тем заметно росло потребление мучных блюд и жареного проса, так как осенью завершался сбор зерна. Возросло и потребление мяса. В большинстве хозяйств начинался забой скота и шла заготовка мяса на зиму. Мясо ели в вареном, замороженном и в копченом виде. Излюбленным блюдом была баранина, особенно ценились грудинка и курдюк. В пищу потребляли также субпродукты и кровь домашних животных.

Роль молочных продуктов резко сокращалась в зимнее время: главным образом потреблялось заготовленное впрок масло – *саргаж* – и сухой сыр – *курут*. Малоимущие тувинцы не могли себе позволить в достаточном количестве потреблять молочные и мясные продукты. Основой их питания, особенно зимой, были просо и чай.

Подспорьем в питании западных тувинцев было мясо диких животных, добытых на охоте. Определенную роль в питании играло и собирательство.

Восточнотувинский охотничье-оленоводческий пищевой комплекс был основан на охоте и кочевом оленеводстве. Для населения данного комплекса характерным было питание мясом диких копытных и растительной пищей в течение всего года. Восточные тувинцы с весны до осени потребляли также продукты из оленьего молока и рыбу. Оленей забивали редко. В пищу шло не только мясо, но и субпродукты и кровь.

Мясо иногда заготавливали впрок в замороженном виде или сушили. Оленьё молоко кипятили. Из него готовили сладковатый сыр *быштак* и простоквашу *тарак*. Заметную роль в пищевом рационе играли дикорастущие съедобные растения, особенно клубни сараны, которые запа�али впрок. Весной любили пить березовый сок. С мая до конца сентября основным питанием служили оленьё молоко и сарана, а в хозяйствах, расположенных вблизи рек, – рыбопродукты. Осенью и зимой питались мясом диких животных (на промыслах – мясом белки), заготовленными луковицами сараны и замороженным оленьим молоком. В небольшом количестве зимой потребляли мучные блюда. Пищевой цикл восточных тувинцев охотников-оленоводов был зависим от годового хозяйственного цикла.

Охотники-скотоводы восточной Тувы большую часть года потребляли мясо диких копытных животных, дополняя свой пищевой рацион мясом крупного рогатого скота, редко – мясом барана. Сравнительно высоким было потребление молочных продуктов. Важное значение имели также блюда из дикорастущих растений, особенно сараны. В ограниченном количестве потребляли блюда из проса и ячменя. В пищевом цикле охотников-скотоводов выделялись весенне-летний период, когда в пищу в основном потребляли молоко в сочетании с мясом; осенний период, основа питания которого состояла из дикоросов и мяса; и зимний период, когда главным образом питались замороженным с осени мясом диких животных, запасенными молочными продуктами, сушеными луковицами сараны. Нередко к весне продукты заканчивались, и наступали голодные дни, особенно в бедных семьях. Были случаи смерти от голода.

До начала XX в. у тувинцев существовали экзогамные роды (*сеек*). В общественной жизни существенную роль играли семейно-родственные группы, включавшие от трех до шести семей, кочевавших совместно. Преобладала моногамная семья, среди богатых скотоводов встречалось многоженство. За невесту жених обязан был платить калым.

Официальной религией тувинцев является буддизм в ламаистской форме. Он начал проникать в Туву в XIII в. благодаря монгольским племенам. Однако его воздействие на коренное население Тувы того времени было незначительным. Окончательное утверждение буддизма в Туве относится к кон. XVI – нач. XVII вв., когда Тува входила в состав государства Алтын-ханов. Вместе с тем, ламаизм не сумел вытеснить местные верования. У тувинцев продолжал сохраняться шаманизм.

В верованиях тувинцев существенную роль играли различные промысловые культы и мифологические представления. Среди древнейших представлений и обрядов выделяется культ медведя. Охота на

него считалась грехом. Убийство медведя сопровождалось определенными обрядами и заклинаниями. В медведе тувинцы, как и все сибирские народы, видели духа-хозяина промысловых угодий, предка и родственника людей. Он считался тотемом. Его никогда не называли настоящим именем (*адыг*), а применяли иносказательные прозвища, например: *хайыракан* (владыка), *ирей* (дедушка), *даай* (дядя) и др. В наиболее ярком виде культ медведя проявлялся в ритуале «медвежьего праздника».

С промысловыми культами у тувинцев был связан и культ природы – почитание гор, рек, промысловых угодий, которые считались хозяевами населявших их животных, птиц и рыб. Тувинцы верили, что успех в промыслах зависит от расположения этих владык к охотнику или рыбаку. В представлениях тувинцев существовали и духи-хозяева отдельных урочищ, гор, перевалов, рек – незримые местные владыки – *авырпалыны*. Отправляясь на промысел, охотники приносили им различные «жертвы» или оставляли подарки, сопровождая свои действия мольбой об удаче. Возвращаясь с охоты или удачной рыбной ловли, совершали тот же ритуал, благодаря духов за помощь. В наиболее почитаемых местах устанавливали алтари (*оваа*) в виде сложенных из камней пирамид или шалашей из веток. Каждый тувинец, проезжающий или проходящий перед алтарем, должен был сделать подношение «хозяину места». В качестве подношений могли служить табак, спички, кусочки пищи, тряпочки и т.п. Возле алтаря совершались личные и коллективные моления. На священные горы, кроме тех, где находились алтари, старились не ходить. К таким горам обращались лишь с молитвами. Западные тувинцы нередко горным духам посвящали домашнего быка.

Среди тувинцев был развит культ почитания деревьев (кедра, лиственницы, ели), которые отличались необычными формами: причудливо изогнутыми, сросшимися ветвями и др. Они считались священными и именовались *хам-ыяш* (дерево-шаман). Тувинцы полагали, что в каждом таком дереве живет дух-хозяин. Существовали родовые деревья, принадлежавшие отдельным родам, и священные деревья, принадлежавшие отдельным шаманам. Перед священными деревьями совершались моления, оставлялись приношения.

В верованиях тувинцев сохранялись пережитки семейно-родового культа, главным образом проявлявшегося в почитании домашнего очага. Каждую осень совершалось коллективное моление семьи (*от дагыыр*) в честь огня-хозяина.

Ярко выраженные формы сохраняло и шаманство. Шаман носил имя *хам*. Обычно он наследовал шаманский дар, имел шаманов-предков.

Посвящение в шаманы совершалось после «шаманской болезни» – своеобразной формы инициации. Будущий шаман получал свои атрибуты от родственников. Главный атрибут шамана – бубен. Некоторые шаманы в течение жизни имели более шести бубнов. Однако были и такие шаманы, которые не имели бубна и колотушки, а для камлания использовали железный варган – музыкальный инструмент, древние бронзовые зеркала, жезлы. Главная функция шаманов заключалась в лечении людей и предсказаниях.

Тувинская шаманская мифология проявлялась в обрядовой практике. Мир, в представлениях шаманов, делился на Верхний (Небесный), Нижний (Земной) и Подземный (Темный). Владыкой Верхнего мира был **Курбусту-хан**, владыка Темного мира – **Эрлик**. Человек населял Нижний мир. Духи умерших, по мнению одних шаманов, уходили в Подземный мир, по мнению других, – на край Нижнего мира, в далекую северную сторону. Вместе с тем, определяющей концепцией шаманизма была вера во множество духов. Выделение владыки Верхнего Мира – это уже свидетельство позднего влияния.

3.3.1.3. Сибирские татары

Самоназвание – **сибиртар** (жители Сибири), **сибиртатарлар** (сибирские татары). В литературе встречается название – западносибирские татары. Расселены в средней и южной частях Западной Сибири от Урала до Енисея: в Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областях. Численность около 190 тыс. человек. В прошлом сибирские татары называли себя **ясаклы** (ясачные инородцы), **тон-иерлы-халк** (старожилы), чувальщиками (от названия печи **чувал**). Сохранились локальные самоназвания: **тоболик** (тобольские татары), **тарлик** (тарские татары), **тюменик** (тюменские татары), **бараба / нараба том-татарлар** (томские татары) и др. Включают в себя несколько этнических групп: тоболо-иртышскую (курдакско-саргатские, тарские, тобольские, тюменские и ясколбинские татары), барабинскую (барабинско-туражские, любейско-тунусские и теренинско-чейские татары) и томскую (калмаки, чаты и эуштинцы). Говорят на сибирско-татарском языке, имеющем несколько локальных диалектов. Сибирско-татарский язык относится к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы алтайской языковой семьи.

"Сибирский татарин"
Худ. А.Д. Тимофеев

Этногенез сибирских татар представляется как процесс смешения угорских, самодийских, тюркских и отчасти монгольских групп населения Западной Сибири. Так, например, в материальной культуре барабинских татар выявлены черты сходства барабинцев с хантами, манси и селькупам, в незначительной степени – с эвенками и кетами. В составе туринских татар имеются местные мансийские компоненты. Относительно томских татар удерживается точка зрения, что они являются аборигенным самодийским населением, испытавшим на себе сильное воздействие со стороны тюрков-кочевников.

Монгольский этнический компонент начал входить в состав сибирских татар с XIII в. Наиболее позднее влияние монголоязычные племена оказали на барабинцев, которые в XVII в. находились в тесном контакте с калмыками.

Между тем основное ядро сибирских татар составили древнетюркские племена, начавшие проникать на территорию Западной Сибири в V-VII вв. н. э. с востока из Минусинской котловины и с юга из Средней Азии и Алтая. В XI-XII вв. наиболее существенное влияние на формирование сибирско-татарского этноса оказали кыпчаки. В составе сибирских татар фиксируются также племена и роды хатанов, кара-кыпчаков, нугаев. Позднее в сибирско-татарскую этническую общность вошли желтые уйгуры, бухарцы-узбеки, телеуты, казанские татары, мишари, башкиры, казахи. За исключением желтых уйгуров они усилили кыпчакский компонент в среде сибирских татар.

На протяжении длительного исторического времени территория расселения сибирских татар входила в состав различных политических объединений и государств: в Золотоордынское государство хана Батыя, в улус узбекских Шейбанидов, в XIV в. была связана с Ногайской ордой. В течение всего этого времени в среде сибирских татар проходили процессы этногенетической консолидации их в единую этническую общность. В XIV в. сложилось самое раннее государственное образование сибирских татар – Тюменское ханство с центром в Чингис-Туре (современная Тюмень). Территория Тюменского ханства была не велика. Она не раз попадала под власть различных правителей, считавших себя потомками Чингисхана: Абулхайра - властителя Узбекской Орды, Ибака - выходца из улуса Шейбанидов. После убийства Ибака в 1495 г. власть над ханством взял бек Мухаммед из нетитулованного рода Тайбугидов. Он перенес столицу в новый город Искер (Кашлык, Сибирь), отчего ханство стало называться Сибирским. В 1563 г. власть в Сибирском ханстве захватил Кучум. При нем Сибирское ханство состояло из мелких

улусов, во главе которых стояли беки и мурзы. С некоторых сибирских народов (ханты и манси) собирался ясак.

Развитие хозяйственных и культурных связей в среде сибирских татар привело к сложению в XIV-XVI вв. их основных территориальных групп, постепенной стабилизации этнической территории их расселения. После падения Сибирского ханства (1582 г.) и окончательного разгрома Кучума (1598 г.) процессы этноконсолидации в сибирско-татарской среде усилились. Дальнейшая этническая история сибирских татар проходила уже в рамках Русского государства. В XVI-XVII вв. сформировались группы тоболо-иртышских и барабинских татар, к XIX в. в единую этническую группу консолидировались томские татары.

Однако единого этнического самосознания у сибирских татар еще не существовало. В XIX в. они представляли собой общность историко-этнографического характера, выделявшуюся главным образом близостью языков и хозяйственно-культурного уклада. Преобладало групповое этническое самосознание. Общими употребительными для татар терминами были «ясачные», «инородцы», «мусульмане». Русские называли местных тюрок татарами. Эта форма обращения впоследствии закрепились, и сами они тоже стали называть себя в татарами. Во второй пол. XIX – нач. XX вв. в связи с притоком в Западную Сибирь поволжских татар, у сибирских татар появилась необходимость отличить себя от пришельцев, в результате чего появилось самоназвание *сибиртатарлар*. В кон. XIX – нач. XX вв. сибирские татары уже представляли собой определенную этническую общность, характеризовавшуюся близостью многих общих черт культуры и быта, религией и представлениями об этнической родине. В дальнейшем в среде сибирских татар проходили процессы частичной этнической ассимиляции с поволжско-приуральскими татарами и с русскими.

Процессы этнической ассимиляции сибирских татар стали усиливаться в советский период. Особенно они были заметны среди групп туринских и обских татар, среди калмаков, зуштинцев и барабинцев.росло количество межэтнических браков между татарами и русскими. В 1960-1980-е гг. имел место процесс смешения сибирских татар с волгоуральскими татарами. В настоящее время среди татар Западной Сибири наблюдается процесс распространения общих интегрированных черт европейской культуры, модернизации их этнокультурного облика.

Основными традиционными для всех групп сибирских татар видами занятий были земледелие и скотоводство. У некоторых групп татар, проживавших в зоне лесов, значительное место в хозяйственной деятельности занимали охота и рыболовство. У барабинских татар замет-

ную роль играло озерное рыболовство. Северные группы тоболо-иртышских и барабинских татар занимались речным рыболовством и охотой. У отдельных групп татар наблюдалось сочетание разных хозяйственно-культурных типов. Рыболовство нередко сопровождалось выпасом скота или уходом за участками засеянной в местах рыбного промысла земли. Пешая охота на лыжах часто сочеталась с охотой на лошадях.

С земледелием сибирские татары были знакомы еще до прихода в Сибирь русских поселенцев. Большинство групп татар занималось мотыжным земледелием. Из основных зерновых культур выращивали ячмень, овес, полбу. К началу XX в. сибирские татары уже высевали рожь, пшеницу, гречиху, просо, а также ячмень и овес. В XIX в. татары заимствовали у русских основные пахотные орудия: одноконную деревянную соху с железным сошником, «вилачуху» - соху без передка, запрягаемую в одну лошадь; «колесянку» и «сабан» - передковые (на колесах) сохи, запрягаемые в две лошади. При бороновании татары применяли борону с деревянными или железными зубьями. Большинство татар пользовались сохами и боровами собственного изготовления. Сев производили вручную. Иногда пашню пропалывали кетменем или руками. Во время сбора и обработки зерна использовали серпы (*урак, ургъиш*), косу-литовку (*цалгы, сама*), цеп (*мулата* – от русского «*молотило*»), вилы (*агац, синэк, соспак*), грабли (*тернауц, тырнауц*), деревянную лопату (*корэк*) или ведро (*чиляк*) для веяния зерна на ветру, а также деревянные ступы с пестом (*киле*), деревянные или каменные ручные жернова-мельницы (*кул тирмэн, тыгырмен, чарташе*).

Скотоводство было развито у всех групп сибирских татар. Однако в XIX в. кочевое и полукочевое скотоводство утратило свое экономическое значение. Вместе с тем, в это время увеличилась роль домашнего стационарного скотоводства. Более благоприятные условия для развития этого вида скотоводства существовали в южных районах Тарского, Кайинского и Томского округов. Татары разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот.

Скотоводство преимущественно носило товарный характер: скот выращивали на продажу. Продавали также мясо, молоко, шкуры, конский волос, овечью шерсть и др. продукты скотоводства. Практиковалось выращивание на продажу лошадей.

Выпас скота в теплое время осуществлялся недалеко от поселений на специально отведенных участках (выгонах) или на общинных землях. Для молодняка устраивали засеки (телятники) в виде загородки внутри выгона, или поскотины. Скот пасли обычно без надзора, только зажи-

точные семьи татар прибегали к помощи пастухов. Зимой крупный рогатый скот держали в срубных стайках, крытых соломой плетенках или в крытом дворе под навесом. За скотом зимой ухаживали мужчины – подвозили сено, убирали навоз, кормили. Женщины занимались дойкой коров. Многие хозяйства держали кур, гусей, уток, иногда индеек. Некоторые татарские семьи занимались пчеловодством. В начале XX в. среди татар начало распространяться огородничество.

В структуре традиционных занятий сибирских татар немаловажную роль играла охота. Охотились в основном на пушного зверя: лисицу, колонка, горностая, белку, зайца. Объектом охоты также являлись медведь, рысь, косуля, волк, лось. Летом добывали кротов. Из птиц добывали гусей, уток, куропаток, глухарей и рябчиков. Охотничий сезон начинался с первым снегом. Охотились пешком, зимой на лыжах. У охотников-татар Барабинской степи была распространена верховая охота, особенно на волков.

Орудиями охоты служили различные ловушки, самострелы, приманки, применялись ружья и покупные железные капканы. На медведя охотились с рогатиной, поднимая его зимой из берлоги. Лосей и оленей добывали с помощью самострелов, которые устанавливали на лосиных и оленьих тропах. При охоте на волков татары применяли дубинки из дерева с утолщенным концом, обитым железной пластиной (*чекмеры*), иногда охотники пользовались длинными ножами-клинками. На колонка, горностая или глухаря ставили кулемки, приманкой в которых служили мясо, потроха или рыба. На белку ставили черканы. При охоте на зайца применяли петли. Многие охотники использовали собак. Шкурки пушных животных и шкуры лосей продавали скупщикам, мясо употребляли в пищу. Из перьев и пуха птиц делали подушки и перины.

Прибыльным занятием для многих сибирских татар было рыболовство. Им повсеместно занимались как на речках, так и на озерах. Рыбу ловили круглый год. Особенно рыболовство было развито у барабинских, тюменских и томских татар. Ловили щуку, язя, чебака, карася, окуня, налима, тайменя, муксуна, сырка, нельму, стерлядь и др. Большую часть улова, особенно зимой, продавали в замороженном виде на городских базарах или ярмарках. Томские татары (эуштинцы) продавали рыбу и летом, привозя ее в Томск в живом виде в специально оборудованных больших лодках с решетками.

Традиционными орудиями лова служили сети (*ау*) и неводы (*алым*), которые татары часто плели сами. Неводы делились по своему назначению: язевый (*опта ау*), сырковый (*йеишть ау*), карасевый (*йазы балык ау*), муксуновый (*чрынды ау*). Рыбу ловили также при помощи

удочек (*кармак*), переметами, различными орудиями корзиночного типа: мордами, вершами и корчагами. Применяли также фитили и бредни. Практиковался ночной лов крупной рыбы. Ее добывали при свете факелов острогой (*сапак, цацкы*) из трех-пяти зубьев. Иногда на речках устраивали запруды, а скопившуюся рыбу вычерпывали совками. В настоящее время рыболовство во многих татарских хозяйствах исчезло. Некоторое значение оно сохранило среди томских, барабинских, тоболо-иртышских и ясколбинских татар.

К подсобным занятиям сибирских татар относилось собирательство дикорастущих съедобных растений, а также сбор кедровых орехов и грибов, против которых у татар не было предубеждения. Ягоду и орех вывозили на продажу. В некоторых селениях собирали растущий в тальниках хмель, который также шел на продажу. Значительную роль в хозяйстве томских и тюменских татар играл извоз. Перевозили различные грузы на лошадях в крупные города Сибири: Тюмень, Красноярск, Иркутск, Томск; везли грузы в Москву, Семипалатинск, Ирбит и другие города. В качестве грузов возили продукты животноводства и рыбного промысла, зимой возили дрова с лесосек, лесоматериалы.

Из ремесел у сибирских татар было развито кожевенное дело, изготовление веревок, кулей; вязание сетей, плетение корзин и коробов из ивовых прутьев, изготовление берестяной и деревянной посуды, телег, саней, лодок, лыж, кузнечное дело, ювелирное искусство. Кожевенным заводам татары поставляли таловую кору и кожи, стекольным заводам – дрова, соломенную и осиновою золу.

В качестве путей сообщения у сибирских татар большую роль играли естественные водные магистрали. Весной и осенью грунтовые дороги были непроходимы. По рекам передвигались на лодках-долбленках (*кама, кеме, кима*) остроконечного типа. Долбленки делались из осины, кедровки – из кедровых досок. Томским татарам были известны лодки из бересты. В качестве передвижения по речкам и озерам томские татары (эуштинцы) использовали в прошлом плоты (*сал*). По грунтовым дорогам летом грузы перевозили на телегах, зимой – на санях или дровнях. Для транспортировки груза барабинские и томские татары использовали ручные прямокопильные нарты, которые охотники тянули с помощью лямки. Традиционным средством передвижения сибирских татар были лыжи скользящего типа: *подволоки* (подшитые мехом) для передвижения по глубокому снегу и *голицы* – при хождении весной по твердому снегу. Распространена была среди сибирских татар и верховая езда на лошадях.

Традиционные селения сибирских татар – *юрты, аулы, улусы, ай-маки* – располагались в основном по поймам рек, берегам озер, вдоль дорог. Селения были небольшими (5-10 домов) и находились на значительном расстоянии друг от друга. Характерными чертами татарских селений являлись отсутствие определенной планировки, кривые узкие улочки, наличие тупиков, разбросанность жилых строений. В каждом селении была мечеть с минаретом, оградой и рощей с поляной для общественных молений. Рядом с мечетью могло находиться кладбище. В качестве жилищ служили плетневые, глинобитные, кирпичные, срубные и каменные дома (*ий*). В прошлом известны были и землянки.

Землянки сибирских татар (обских, чатских татар, эуштинцев) были нескольких типов: 1) каркасные с земляными стенами, глубиной до двух метров с плоской крышей из бревен, засыпанных землей. Вход устраивали через крышу около одного из угловых столбов; 2) каркасные с двускатной крышей из тонких бревен, промазанных глиной; 3) срубные полуземлянки с плоской крышей-настилом из половинок бревен, промазанных глиной и засыпанных землей. Полуземлянки имели три-четыре венца со срубом в земляной яме или без сруба в яме (по краям ямы). В последнем случае сруб держался на толстых столбах, вкопанных в яму.

Бытовали также прямоугольные полуземлянки усеченно-пирамидальной формы с четырехскатной или двускатной крышей. У калмаков были известны землянки, выкопанные в обрыве или яру с земляными или обмазанными глиной стенами. Полуземлянки различных типов бытовали в прошлом и у барабинских татар.

Томские и барабинские татары жили в прямоугольных каркасных домах, сплетенных из прутьев и обмазанных глиной – мазанках (*утоу, ода*). Основу этого типа жилищ составляли угловые столбы с поперечными жердями, которые переплетали прутьями. Жилища были насыпные: между двумя параллельными стенами засыпали землю, стены снаружи и изнутри обмазывали глиной, смешанной с навозом. Крыша была плоской, ее делали на слегах и матице. Она покрывалась дерном, со временем зарастала травой. Дымовое отверстие в крыше служило и для освещения. У томских татар бытовали и круглые в плане мазанки, слегка углубленные в землю.

Срубные дома сибирских татар строились низкие, без фундамента, с плоской или двускатной самцовой или стропильной крышей. Крыша покрывалась дерном или тесом. Иногда к дому пристраивались сени из бревен или плетенки. Стены сруба, потолок промазывались глиной. С конца XIX в. татары стали строить срубные дома русского типа. Появились пятистенки с четырехскатными крышами, а также двухэтажные

срубные дома. Переход к русским типам жилищ наблюдался повсеместно среди сибирских татар. Особенно заметен он был среди томских и тюменских татар.

Отапливались дома печью (раньше чувалом), печкой с вмазанным котлом для варки пищи и плитой. Печь находилась либо сбоку, либо в центре дома и занимала большую площадь. В доме сооружали деревянные нары. Они располагались вдоль одной, двух или трех стен. На нарах спали, ели, работали, принимали гостей, хранили в сундуках имущество. Доски нар покрывали коврами, войлоком, циновками. Почетное место в жилище находилось на стороне, противоположной двери. Менее почетное располагалось ближе к порогу.

Из хозяйственных строений у сибирских татар бытовали загонь для скота, сделанные из жердей, деревянные амбары для хранения продуктов, рыболовных снастей и сельхозинвентаря, бани, устроенные по-черному, без трубы; хлева, погреба, хлебные печи. Двор с надворными постройками огораживали высоким забором из досок, бревен или плетня. В заборе устраивали ворота и калитку. Нередко двор огораживали забором из жердей тальника, или ивы.

В настоящее время у татар преобладают бревенчатые срубные дома, которые возводят на фундаменте. Основным типом домов является четырехстенный сруб. Саманные (глиняные) и плетневые постройки встречаются еще у барабинских татар. Однако они сохранились в качестве хозяйственных строений.

Национальные особенности в одежде сибирских татар сохранялись довольно четко, особенно у сельских жителей, вплоть до начала XX в. В то же время наблюдался процесс заимствования у русских отдельных видов одежды. Характерным мужским костюмом был *бешмет* – кафтан длиной ниже колен. Нижней одеждой были шаровары и длинная рубашка (*кинек*, *кулмек*) с прямым или косым грудным разрезом и широкими рукавами. Шаровары заправлялись в сапоги. Кроме бешмета летней одеждой служил более короткий камзол. Из других видов мужской одежды сибирским татарам были известны *чапаны* – халаты, по покрою напоминавшие чапаны среднеазиатских народов, *сырмаки* – ватные безрукавки, *казакины* – одежда в виде камзола, но с рукавами до кистей рук. Зимой носили шубы из овчины или заячьего меха, без воротника, обшитые сверху сукном. При дальних поездках татары надевали тулупы из волчьих или лисьих шкур, армяки и дохи. Зимняя одежда стягивалась кожаными или шерстяными поясами.

Голову обычно мужчины брили. Летом носили полусферические и с плоским верхом тюбетейки (*качап*, *тубяттай*, *аракчин*), суконные и

войлочные шапки (*бурек*) округлой формы. Томские татары шили суконные или войлочные шапки с полями в виде шляпы. Зимой носили меховые шапки округлой формы с матерчатым верхом. В начале XX в. зимние головные уборы татар начали вытесняться шапкой-ушанкой фабричного типа. Священнослужители носили белую чалму, а мужчины, которые побывали в Мекке – зеленую чалму.

Мужская обувь состояла из шерстяных чулок, *чарков* – короткой кожаной обуви, сапог (*ичигов*) с мягкой или твердой подошвой. На сапоги надевали кожаные галоши с каблуком. В зимнее время обычно надевали валенки. Заболотные татары носили бродни – высокие мягкие кожаные сапоги на мягкой подошве. Обильно смазанные дегтем, такие сапоги не пропускали воду.

Женской национальной одеждой была широкая рубаша *кинек* с прямым разрезом посередине, стоячим воротником и прямыми рукавами. Праздничная одежда шилась из шелковых полосатых и пестрых материй, привезенных из Средней Азии. Некоторое распространение имели женские нагрудники, украшенные бусами, бисером, лентами и т.п. Женщины носили нижние и верхние штаны. Нижние штаны были из ситца, верхние шились из домашних холстов, шерстяных тканей, атласа. В качестве верхней одежды татарки носили камзолы, по покрою не отличавшиеся от мужских камзолов, но щедро украшенные монетами, лентами, вышивкой. Поверх камзолов надевали бешметы, а зимой – шубы из овчины или лисьих шкур.

Обычно женщины носили платки. Традиционной считалась налобная повязка (*сарауц, сараоч*), украшенная вышивкой золотом и завязывавшаяся сзади. Ее надевали невесты в день свадьбы. В широком употреблении были платки и шали. Своеобразным головным убором были *калфаки*: одни – большие в виде мешка, часто вязаные, другие – более плоские и округлые сверху, с твердым околышем. Верх калфаков расшивался шерстью, золотой и серебряной ниткой, бисером, речным жемчугом. Татарки томской группы зимой носили шапку *тагыя*, отороченную мехом, а также небольшую обшитую мехом шапку с плоским верхом.

Женская обувь – многоцветные сафьяновые сапоги (*ичиги*) – была заимствована от казанских татар. Кроме того, женщины носили простые, без украшений ичиги, башмаки, галоши, зимой – валенки. Из женских украшений распространены были массивные трубчатые серебряные и золотые украшения, серьги, браслеты, бусы, кольца.

Со временем сибирские татары заимствовали одежду от русского населения. Основная часть ее стала покупной. Резко сократилось доля

производства одежды на дому. Подавляющее большинство татарского населения Сибири в настоящее время носит одежду городского типа. Постепенно утратились национальные черты в одежде сибирских татар, сохранились только отдельные элементы.

Основу питательного рациона сибирских татар составляли растительные продукты (злаки), рыба, молочные и мясные блюда. Пищу готовили женщины: зимой в помещении, летом – всегда на улице. У части барабинских и тоболо-иртышских татар, живших по рекам и озерам, основой питания была рыба и рыбий жир. В рационе татар-охотников в большом количестве было потребление дичи. Мясная и молочная пища преобладала у томских татар. Весьма ограничено употребляли татары продукты собирательства. Совсем не ели свинину, как ограничение, введенное исламом.

Молочные продукты употребляли в свежем и в кислом виде. Из молока получали сливки (*каймак*), напиток *айран*, из кобыльего молока приготавливали *араку* – молочную водку, пресный сыр *нашлак*, кислый сыр *курут*, масло и др.

Рыбу заготавливали впрок в соленом, вяленом, сушеном виде; варили из нее уху, часто жарили. Мясо употребляли в вареном виде в различных супах. На мясном бульоне часто готовили лапшу, которая была одним из любимых блюд национальной кухни. Из мяса готовили также колбасу *казы*, *тутырму*, варили студень, плов. Лакомой пищей считалась баранина и конина. Говядине отдавали меньшее предпочтение.

Популярны были изделия из муки. Распространенной мучной пищей считались пресные лепешки, оладьи, пирожки с различной начинкой, лапша, *парамечи* – ватрушки, *баурсаки* – колобки или ленты из теста, зажаренные в масле; *оратму* – кольца из теста, *алюва* – пшеничная мука, заваренная молоком и топленным маслом. Немало мучных блюд сибирские татары заимствовали у народов Средней Азии и у русских.

Из напитков употребляли чай, молоко, айран, араку, брагу из ячменных зерен, кумыс. Иногда покупной чай заменяли растения.

В прошлом татарские женщины употребляли пищу после мужчин. На свадьбах и праздниках мужчины и женщины ели отдельно друг от друга. В настоящее время многие традиционные обычаи, связанные с пищей, исчезли. В употребление вошли продукты, которые раньше запрещалось есть по религиозным или другим причинам, в частности – продукты из свинины. Вместе с тем, до сих пор сохраняются некоторые национальные блюда из мяса, муки, молока.

Основной формой семьи у сибирских татар была малая семья (5-6 человек). Главой семьи являлся старший мужчина в доме – дед, отец или старший брат. Положение женщины в семье было приниженным. Девушек выдавали замуж в раннем возрасте – в 13 лет. Невесту для сына подыскивали его родители. Она не должна была видеть своего жениха до свадьбы. Браки заключались через сватовство, добровольный уход и насильственное умыкание невесты. Практиковалась уплата за невесту калыма. Запрещалось жениться и выходить замуж за родственников. Имущество умершего главы семьи делилось на равные части между сыновьями умершего. Если сыновей не было, то половину имущества получали дочери, а другая часть делилась среди родственников.

В настоящее время татарские семьи состоят из двух, реже трех поколений и насчитывают три-пять человек. Сохраняется понятие главы семьи. Положение женщины в семье и обществе заметно изменилось, она стала играть более активную роль в жизни.

Официальной религией сибирских татар является ислам суннитского толка. Он стал распространяться со второй пол. XVI в. среди предков нынешних тоболо-иртышских татар среднеазиатскими проповедниками. Сибирские татары приняли ислам на 5-6 веков позднее, чем казанские татары. Другой путь проникновения ислама в Сибирь лежал из Казанского ханства.

Конкурентом ислама в Сибири выступало христианство. В 1718-1720 гг. были обращены в христианство туринские и обские татары. Христианскую веру приняла и часть барабинских и томских татар. Но в массе своей сибирские татары остались мусульманами.

Однако у сибирских татар сохранились и доисламские верования, в которых обнаруживаются пережитки культа животных и тотемизма. У некоторых групп татар сохраняются табу на убийство некоторых животных и птиц. Широко распространена среди всех групп татар вера в духов – хозяев мест: *Су бабасы* (Хозяин воды), *Су анасы* (Мать воды), *Урман худжасе* (Хозяин леса) и др. У многих татар существовал культ деревьев: березы и сосны. Возле священных деревьев часто устраивались моления. Существовало поверье, что вокруг этих деревьев обитают духи, которые помогают людям в их делах. На ветках священных деревьев татары оставляли кусочки тканей, монеты, иногда драгоценности. Сохранялись жертвоприношения: во время засухи закалывали лошадь, теленка или овцу, прося бога о ниспослании дождя. Среди всех групп сибирских татар продолжал существовать древний культ почитания огня: запрещалось плевать в огонь, сквернословить, находясь возле огня, бросать в огонь мусор и др. Огонь рассматривался как очистительное средство.

К доисламским верованиям сибирских татар относится и почитание солнца. Оно представлялось как божественная сила, помогающая в беде, в выздоровлении от болезни, наказывающая провинившихся. С большим уважением татары относились к луне. При виде полной луны в некоторых аулах тарских татар мужчины и женщины совершали нечто вроде ритуальных танцев.

Все группы сибирских татар верили в духов-идолов (*курцак, курчак, кукла*). Их делали из дерева, оставляли в лесу: помещали в дуплах деревьев или привязывали к дереву. Томские татары прибывали идолов к крышам домов. Во многих татарских семьях хранились деревянные или глиняные антропоморфные изображения духов-помощников. За этими «куклами» ухаживали: их поили, кормили, приносили им подарки.

К доисламским верованиям относились также различные обереги от «глаза», болезней, злых духов, порчи людей и пр. В качестве таких оберегов выступали предметы, наделяемые магической силой: медвежьи клыки, когти, некоторые растения.

Среди сибирских татар, особенно барабинских и томских, встречались шаманы (*камы*). Шаманы имели специальную ритуальную одежду и необходимые шаманские атрибуты: бубен, колотушку, шаманскую корону или шапку. Основной функцией шаманов было лечение больных. Шаманами могли быть как мужчины, так и женщины. Некоторые функции шаманов впоследствии перешли к муллам, ворожеям и местным знахарям.

Из народных праздников сибирских татар самым популярным был и остается *сабантуй* – праздник плуга. Он отмечается после завершения посевных работ. На сабантуе устраиваются конные скачки, бега, соревнования по прыжкам в длину, перетягивание за палку, бой мешками на бревне и др.

Народное искусство сибирских татар в прошлом было представлено преимущественно устным народным творчеством. Основными видами фольклора были сказки, песни (лирические, плясовые), пословицы и загадки, героические песни, сказания о богатырях, исторические былины. Исполнение песен сопровождалось игрой на народных музыкальных инструментах: *курай* (деревянная дудка), *кобыз* (язычковый инструмент из металлической пластинки), гармонике, бубне.

Изобразительное искусство бытовало в основном в виде вышивки на одежде. Сюжеты вышивок – цветы, растения. Из мусульманских праздников широко были распространены и бытуют сейчас - *ураза* и *курбан-байрам*.

В настоящее время среди сибирских татар наблюдается процесс возврата к истокам национальной культуры.

3.3.2. Тунгусо-манчжурские народы Сибири

3.3.2.1. Эвенки

Самоназвание – *эвенки*. Устаревшее название – *тунгусы*. В восточных районах проживания эвенков было распространено самоназвание – *орочон*. Кроме того эвенки–скотоводы Бурятии имели устаревшее название – *мурчены* (конные), эвенки среднего течения р. Амур – *манегры* (от названия одного из местных родов *манягир*), эвенки-оленьеводы были известны под местным самоназванием – *илэ* (человек). Живут в Эвенкии, на Таймыре, в Красноярском крае, Бурятии, Якутии, Иркутской, Томской, Читинской областях, в Хабаровском крае и на о. Сахалин. Общими границами расселения эвенков служат: на западе – Обь-Иртышский водораздел, на востоке – побережье Охотского моря и Сахалина, на юге – р. Верхняя Тунгуска, оз. Байкал и р. Амур, на севере эвенки граничат с якутами, долганами и ненцами. Численность в России 29,9 тыс. человек. На левом притоке Енисея – Сыме обитает самая западная сымско-кетская группа эвенков, широко кочевавшая в XIX - пер. пол. XX в. по всему Нарымскому краю в бассейнах рек Тым, Кеть, Васюган. В настоящее время эвенкийские семьи в Томской области живут в поселках Верхнекетского района: Усть-Озерном, Катайге, Центральном. По последней переписи 1989 г. эвенков в Томской области насчитывалось 132 человека. За пределами России эвенки живут в некоторых районах Китая и Монголии. Говорят на эвенкийском языке.

Самые ранние сведения о языке эвенков относятся к XVII – нач. XVIII в. Автором первой грамматики эвенкийского языка был М.А. Кастрен (сер. XIX в.). Письменность на эвенкийском языке впервые появилась в 1931 г. на основе латинской графики, в 1937 г. была переведена на русскую графику. В основу письменности был положен один из говоров эвенкийского языка – непский. В 1952 г. эвенкийский литературный язык и письменность перебазировалась на полигусовский говор эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски (южное наречие).

Эвенкийский язык включает три наречия: южное, северное и восточное, с большим числом диалектов и говоров. Число говорящих на эвенкийском языке 11, 7 тыс. человек. Первые контакты эвенков с русскими относятся к началу XVII в.

Эвенкийский этнос сложился на основе смешения местного древнесибирского населения Восточной Сибири с тунгусскими племенами, пришедшими из Прибайкалья и Забайкалья около I тыс. н.э. Археологические и антропологические исследования в Прибайкалье показали, что

"Эвенк"

Худ. А.Д. Тимофеев

характерный для большинства эвенков антропологический тип близок антропологическому типу древнего неолитического населения Прибайкалья. Кроме того, сходство наблюдается и в некоторых элементах материальной культуры эвенков: в жилище (конический чум), производственном инвентаре (костяные рыбки-приманки), средствах передвижения (берестяные лодки) и особенно в одежде.

В результате смешения различных этнических групп на основе древнего неолитического населения Восточной Сибири образовались устойчивые хозяйственно культурные типы эвенков – «пешие» эвенки (охотники), «оленные» (оленоводы) и «конные» эвенки (коневоды).

Основным и любимым занятием всех групп эвенков была охота. Первое место в хозяйственном значении имела охота на копытных животных: оленя, лося, косулю, кабаргу. Добытые животные полностью удовлетворяли потребности эвенков в мясе, шкурах, в материалах для жилищ, одежды и предметах быта. Роль пушной охоты была незначительной. Шкурки пушных зверей служили в далеком прошлом только для украшения одежды. Товарное значение пушной охоты стало возрастать в XVIII в. благодаря контактам с русским населением.

Охота у эвенков носила сезонный характер. Охотились с осени до сильных январских морозов, затем – с февраля до конца марта. В начале осени охотники откочевывали в места, богатые белкой. Оленные эвенки-охотники откочевывали в места охоты с семьями, а безоленные – оставляли семьи на месте. Основными охотничьими орудиями служили (в некоторых районах вплоть до начала XX в.) сложный и простой луки, самострелы, пасти^{*}, кулемы^{**}, черканы^{***} и др. В конце XVIII в. у эвенков появились ружья, которые со временем стали главным орудием промысла. Распространенным орудием охоты у эвенков была также «пальма» (*кото, уткэн*) – большой нож на длинной рукоятке, заменявший топор при переходах по густой тайге и копье при охоте на медведя.

С луком и стрелами с железным наконечником, а также с ружьем охотились в основном на лося, оленя, косулю, медведя, росомаху, рысь, волка, тарбагана, лисицу и соболя. На них же обычно расставляли и специальные ловушки: пасти, кулемы, капканы, на тропах ставили самострелы. Медведя добывали также при помощи пальмы. На мелкого пуш-

* **Пасть** – западня, ловушка. Падающая деревянная ловушка для промысла песцов, лисиц, зайцев. Ловушка с бревенчатым падом.

** **Кулема** – ловушка на мелкого зверя из бревен, жердей и досок; ловушка для пушных зверей; ловушка на медведя.

*** **Черкан** – ловушка на мелких пушных зверей особой формы с тесным зажимом, сдавливающим добычу за шею или поперек тела; «малый самострел» на колонка, горноста, белку.

ного зверя (горностай, колонок, белка) устанавливали черканы и плашки. Соболя в начале зимы добывали при помощи собаки. При добывании соболя из норы эвенки использовали сети с колокольчиками.

Ранней весной по насту эвенки охотились гоном на лося и дикого оленя. Охотник на лыжах-голицах (лыжи без меховой подшивки) гонялся за лосем или оленем до тех пор, пока не настигал его. Убив зверя и освежевав его, охотник досыта наедался мясом. Оставшееся мясо он укладывал на сооруженный помост или оставлял на земле, плотно прикрыв его ветвями. Доставку мяса в дом осуществляли женщины.

На копытных зверей в прошлом устраивали облавные охоты. Практиковалась охота на диких оленей при помощи манщика – специально обученного для охоты оленя, которого с опутанным ремнем рогами подпускали к диким оленям. Забайкальские и амурские эвенки при охоте на оленя использовали берестяную трубу – *оревун*, звук которой похож на крик самца. Привлеченный таким звуком дикий олень выходил к охотнику, который его и убивал.

Птицу добывали при помощи лука и стрел с различного рода накопечниками, силками и дробовиками.

В некоторых районах, например, прилегающих к Ангаре, Байкалу и Охотскому морю, охота на мясного и пушного зверя сочеталась с промыслом тюленей и рыболовством, а в районах, прилегающих к местам расселения якутов, охота у эвенков сочеталась с разведением рогатого скота. Эвенки Охотского и Байкальского побережий охотились на тюленей. Охота на них в основном осуществлялась весной, когда животные выползали на льдины греться на солнце.

Оленеводство у эвенков имело транспортное значение. Оно было вьючно-верховым, с доением оленей, с устройством летом дымокуров, с отсутствием пастушеской оленегонной собаки. Преобладали небольшие стада. Многооленные эвенки для ухода за стадом держали работников. Некоторые эвенки практиковали вольный выпас оленей. Существовал и совместный выпас оленей, который продолжался все лето. Зимой олени обычно паслись у стойбища. Перекочевки всегда происходили только по новым местам. Летние тропы обычно проходили по водоразделам, зимой – по рекам и тундрам.

Рыболовство у большинства групп эвенков носило подсобный характер и было в основном приурочено к лету. Исключение составляли эвенки Байкала и Охотского побережья, которые ловили рыбу не только для себя, но и на продажу. Основными орудиями лова служили *пуцальни* – ставные сети, неводы, плетеные ловушки, остроги, крючки, удочки. Эвенки этих Охотского побережья промышляли также и тюленя. У всех

групп эвенков практиковался и подледный лов рыбы. При подледном лове использовали сети-пушальни. Спускали также в прорубь крючки с наживкой, над прорубью сооружали небольшой чум, в котором сидел рыбак с удочкой или острогой. Эвенки бассейна Амура крупную рыбу кололи острогой, в отдельных случаях убивали ее выстрелом из лука. В этом отношении их можно сравнить с охотничьим народом шорцами, которые сохраняют традицию бить рыбу из лука.

К распространенным домашним занятиям эвенков относилось изготовление различных предметов из бересты, обработка шкур, пошив из них различных предметов обихода и одежды, кузнечество. Кузнечным делом умел заниматься каждый эвенк. В хозяйстве любого эвенка всегда был ящик с необходимыми инструментами. У некоторых групп эвенков были распространены ремесла: изготовление лодок-берестянок, тисок – водонепроницаемых покрышек из бересты, лыж, нарт, седел и др. Обработка бересты, выделка шкур и пошив одежды были женским занятием. На долю мужчин выпадало кузнечное дело, изготовление охотничьих ловушек, снастей, изготовление нарт, лодок, лыж и т.п.

Под влиянием русских некоторые группы эвенков делали попытки заниматься земледелием и разведением крупного рогатого скота.

Средствами передвижения эвенкам служили нарты, лыжи скользящего типа с подволокой и голицы. Использовали также верховых оленей и лошадей. По воде эвенки передвигались на плотках (*тэму*), лодках-добленках из ольхи или тополя (*онгкочо*), лодках-берестянках (*дяв*), дощатых лодках, используя двух или однолопастные весла и шесты, когда приходилось подниматься по бурным горным рекам. В прошлом у эвенков-ороченов бытовала кожаная лодка (*мурекэ*) для переправ через реки при перекочевках.

У всех групп эвенков бытовали различные типы поселений и жилищ. Стойбища оленеводов и охотников обычно состояли из одного-трех чумов на две-три семьи. Оседлые и полuosедлые таежные группы эвенков жили в домах (1-5 домов), расположенных у реки, в лесу, в отдалении друг от друга.

Традиционными типами жилищ эвенков были чум, прямоугольное каркасное корьеовое жилище, голомо, войлочная юрта, каркасно-срубная постройка с двускатной крышей из коры и сруб. Эвенкийский чум (*дю*) представлял собой переносное каркасное коническое круглое в плане сооружение тунгусского типа из 20-40 жердей. Остов жилища покрывался двумя покрышками из оленьих шкур, ровдугой. Поверх ровдуги чум покрывали колотыми плахами, которые заваливали землей и дерном, зимой – и снегом. Летом в качестве покрышек служили двойные

полотна бересты. Диаметр жилища составлял 3-6 м, высота – 2-4 м. В центре чума находился очаг, над которым к жердям крепился очажный крюк. Спали на оленьих шкурах, в спальнях мешках из оленьих шкур, ногами к очагу. Чум служил основным типом жилища для кочевых оленеводов и бродячих охотников. Он также являлся летним жилищем для полuosедлых охотников и рыболовов. В XX в. чум вытесняется у эвенков палаткой (*утан*).

В качестве постоянного зимнего жилища у полuosедлых и бродячих групп эвенков охотников-рыболовов были стационарные четырехугольные и округлые в плане постройки – голомо (*голомо*, *голомо утэн*, *угдама-дю*). Форма этого типа жилища была пирамидальной или усеченно-пирамидальной. Жилище покрывалось сверху корой лиственницы, дерном, землей. Обогревалось оно чувалом – очагом в виде камина из жердей, обмазанных глиной. Дверью служил кусок ровдуги или шкура. В настоящее время голомо используется эвенками в качестве промыслового жилища.

Среди эвенков, живущих рядом с якутами, было известно жилище типа якутского балагана (*голомо*, *угдан*, *дулга*, *балаган*). Данный тип жилища близок по конструкции к голомо, однако оно имело плоское или односкатное покрытие.

Эвенки Приамурья жили зимой в бревенчатых четырехугольных жилищах (*калта*) негидальского или нивхского типов. Жилище имело двускатную крышу, снаружи его заваливали глиной и землей. Особенностью данного типа жилища была печь с вмазанным котлом и дымоходами, которые проходили по земле под нарами вокруг помещения, отапливая дом. Дым выходил через дымоходы справа от входа.

Летним постоянным жилищем охотников и рыболовов служило корьеовое четырехугольное из жердей или бревен жилище с двускатной крышей (*угдан*, *угдама-дю*). У эвенков, обитавшим по р. Сыму, бытовало временное летнее жилище куполообразной или полусферической формы из гибких березовых ветвей, крытых корой (*марма*), сходное с подобным типом жилищ у хантов, селькупов, кетов. Временным жилищем также служил получум (*калтамни*, *калтан*, *калтар*, от «калта» – половина). Его ставили на несколько ночей во время промысла. В основе получума было три основных и несколько дополнительных жердей, крытых полотнищами из шкур. Для защиты от непогоды эвенки сооружали ветровые односкатные или в форме полукруга заслоны.

Эвенки скотоводы-кочевники жили в переносных коническо-цилиндрических решетчатых, крытых войлоком и берестой юртах бу-

рятского и монгольского типа. Часть южных эвенков уже в XIX в. жила в срубных избах (*утэн*).

Среди хозяйственных построек эвенкам были известны свайные амбары с односкатной или двускатной крышей, помосты на столбах-сваях для хранения имущества, навесы и изгороди для оленей, дворы для лошадей.

В настоящее время большинство эвенков живет в больших стационарных поселках в современных (срубных) домах. Некоторые традиционные постройки – чум, голомо и др. используются только на промыслах.

Традиционная одежда эвенков состояла из ровдужных или суконных натазников (*хэрки*), ноговиц (арамус, гуруми), распашного кафтана из оленьей шкуры, под который надевали нагрудник с завязками сзади. Длина нагрудника была несколько выше колен. Мужской нагрудник (*хэлми*) оканчивался острым углом, женский (*нэлли*) – прямым срезом. Полы кафтана связывались на груди завязками. Кафтан изготавливали из шкур оленя. Тип мужского и женского кафтана был одним и тем же.

Нижнее белье появилось у эвенков сравнительно недавно. С развитием торговли с русскими в быт мужчин стали входить пиджаки, жилеты, брюки, женщины стали носить юбки и кофты. Женщины-эвенки заимствовали также у русских женскую рубаху, которую носили как платье. Полностью старинный костюм эвенков сохранялся до недавнего времени только у эвенков к западу от Енисея, частично он бытовал у эвенков, живущих между Енисеем и Леной, и у эвенков к востоку по линии Лена-Байкал.

К традиционным головным уборам относились изделия из шкурки с головы оленя (*авун*), обшитые ровдужной каймой и орнаментированные бисером. Также бытовали шапки типа капора, отороченные вокруг лица и шеи мехом. Существовали праздничные шапки, состоящие из обода и двух-трех перекрещивающихся на макушке полосок, расшитых бисером. Мужчины-эвенки Нижней Тунгуски носили также сложенные широким жгутом платки, которые повязывали вокруг лба и затылка.

Основу питания эвенков составляли мясо и рыба. Дополнением к основному питанию, особенно летом, служили дикорастущие съедобные растения, ягоды (брусника, голубика, черника, малина, шикша) и молоко.

В мясном рационе преобладало мясо лося, дикого оленя, медведя. В восточных районах употребляли мясо косули и горного барана. Мясной стол дополняло мясо дичи, иногда и лошадей.

Мясо готовили двумя способами: варили в котле или жарили на вертеле. Мясной бульон пили отдельно, заедая его кусками вареного мя-

сом. Мясо лосей и оленей заготавливали впрок в вяленом виде. Сушеное мясо перетирали в муку, которую затем заваривали в кипятке. Также употребляли кровь в свежем или вареном виде, кишки, которые выворачивали жиром внутрь и варили – получалась своеобразная колбаса. Лакомством, как и многих народов, считался костный мозг (*уман*), еще не остывший после разделки туши. В сыром виде употребляли сердце иногда и печень убитого на охоте животного. Праздничным блюдом считался *сэвэн* – мелко крошенное медвежье мясо с перемешанным медвежьим жиром. Это блюдо по традиции ели коллективно, приглашая на трапезу всех, кто оказывался рядом.

У некоторых групп эвенков была распространена заготовка на зиму юколы – вяленой на солнце рыбы. Из рыбы также заготавливали *порсу* – сушеную на огне рыбу. Ее потребляли обычно с нерпичьим жиром. Эвенки Охотского побережья готовили блюдо из кетовой сушеной икры, нерпичьего жира, брусники и стеблей кипрейника.

От русских эвенки заимствовали умение выпекать хлеб. Хлеб выпекали в золе – колобки из теста, и у огня – лепешки. Однако хлеб эвенки употребляли нерегулярно. Из напитков предпочитали чай, который заправляли оленьим молоком. Чай пили несколько раз в день, особенно перед едой. Сахар и сладости попадали к эвенкам редко, только во время сбыта пушнины.

Основной хозяйственной единицей у эвенков являлась малая семья, большие семьи встречались редко. Имущество наследовалось по мужской линии. Родители обычно оставались жить с младшим сыном. Существовало половое разделение труда. Основную тяжесть хозяйственных работ несла женщина. В связи с этим, в эвенкийском обществе был высок ее авторитет. Однако господствующее положение занимал мужчина, который доставлял основные средства к жизни. Существовала личная и общесемейная собственность.

Брак у эвенков заключался путем уплаты калыма, обмена женщинами (у западных эвенков), путем отработки зятя в хозяйстве у тестя в течение нескольких лет. Долгое время удерживался обычай родовой экзогамии. Встречалось многоженство. В XX в. у некоторых групп эвенков сохранялось еще деление на роды и племена.

В религии эвенков, которые в массе своей являются православными верующими, сохранились следы ранних форм религиозных обрядностей. К ним относятся древнейшие представления, связанные с одухотворением всех явлений природы, представления о Верхнем и Нижнем мирах, о душе, тотемические воззрения. Существовали различные магические обряды, связанные с охотой и охраной оленьих стад. Был развит

шаманизм. В связи с шаманством, у эвенков развились представления о духах-хозяевах, духах-помощниках, сформировались представления о мире мертвых.

Эвенкийские шаманы выполняли функции охранителей рода. Помощниками шамана была масса добрых и злых духов (*сэвэн, хэвэн*). С их помощью шаман защищал членов своего рода от злых духов шаманов других родов. Шаман и его духи были тесно связаны друг с другом. Эвенки считали, что после смерти шамана уходили и его духи.

Шаманский дар мог передаваться по наследству в каждом роде, часто в одной и той же семье. Вместе с даром переходили и духи умершего шамана. Шаманом могли быть как мужчины, так и женщины. Иногда к одному человеку переходил дар двух шаманов. В редких случаях шаманом становился человек, не связанный близкими родственными узами с умершим шаманом. Шаманский дар мог передаваться только во сне, когда спящему «приходили» духи предыдущего шамана и приказывали ему стать шаманом.

К шаманским принадлежностям относились шаманский кафтан, шапка с бахромой, спускавшейся на лицо, бубен неправильной овальной формы с колотушкой, иногда посох и длинный ремень. Костюм шамана символизировал животное (оленья или медведя). На больших религиозных церемониях шаман обязан был всегда надевать полное шаманское облачение; в остальных случаях он мог камлат в обычной одежде, но с закрытым лицом.

У эвенков существовали элементы медвежьего культа, связанные с убийством медведя, разделкой его туши, поеданием мяса медведя, устройством специального лабаза для захоронения его головы и костей. У медведя было до 50 иносказательных названий. Для свежевания туши приглашался человек из другого рода. При разделке туши запрещалось перерубать или переламывать кости. Всю тушу разнимали по суставам. После пиршества все кости медведя и его череп собирались и раскладывались на плотно уложенных ивовых прутьях в том порядке, в каком они были в живом медведе. Затем эти прутья сворачивали и обвязывали. После этого связку с костями «хоронили» – оставляли на высоком помосте или насаживали на высокий пенек головой на север. Восточные эвенки голову и кости медведя «хоронили» отдельно.

Фольклор эвенков включал в себя песни-импровизации (*икэр*), новые песни (*давлавур*), мифы, рассказы о животных, былины, сказки (*нимнгакавун*), загадки (*тагивкал*), рассказы исторического и бытового характера (*улгурил*).

Эвенкийские мифы отражают древнейшие представления эвенков о мироздании, происхождении земли, человека, животных, отдельных форм рельефа и др. В них вошли представления о шаманских мирах, различного рода чудовищах, о главной реке *энгдегит* и ее обитателях. Мифы отражают также сведения о первых шаманах, об их искусстве и состязаниях.

Излюбленным жанром эвенков был былинный и героический эпос. Он исполнялся речитативом, обычно в течение одной ночи. Нередко его исполнение длилось в течение нескольких ночей подряд. В исполнении эпоса могли участвовать и слушатели, повторяя отдельные строки за сказителем.

Среди эвенков популярны были исторические рассказы, отражавшие явления сравнительно недавнего прошлого. Отдельные группы эвенков имели своих эпических героев. Существовали также рассказы о чудовищах и людоедах. К бытовым рассказам относятся случаи на охоте, рыбной ловле, высмеивание человеческих недостатков (лени, жадности, трусости и т.п.).

Изобразительное искусство было представлено орнаментом на кости и дереве, вышивкой бисером и аппликацией из полосок меха, или тканей. В орнаменте преобладали прямые линии и простейшие геометрические фигуры. У эвенков на севере Красноярского края и в Якутии в орнаменте на одежде присутствовали якутские элементы.

3.3.3. Монголоязычные народы

3.3.3.1. Буряты

Самоназвание - *бурят, буряат, баряат, бурийат*. Коренное население Бурятии. Живут также в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе Иркутской области и в Агинском Бурятском автономном округе Читинской области. Численность в России 421 тыс. человек. Говорят на бурятском языке. Распространен также монгольский язык.

Бурятский язык относится к северной ветви монгольской группы языков. С конца XVII в. буряты пользовались старомонгольской письменностью – бурятизированным изводом классического литературного монгольского языка. На этом языке велось делопроизводство, обучение грамоте, составление исторических хроник, родословных, он был языком буддийской литературы.

Однако данный письменный язык не имел широкого применения: он бытовал только у восточных бурят, в то время как западные буряты не имели письменности. В 1931 г. бурятская письменность была переведена на латиницу, а в 1939 г. на русскую графику. В основу современного бурятского языка был положен хоринский диалект восточных бурят.

Формирование бурятского народа происходило на территории Прибайкалья. Вероятно, отдельные протобурятские племена сложились еще в период неолита и в эпоху бронзы (ок. 2500-1300 лет до н. э.).

Этническая история бурят связана с последовательно сменявшимися друг друга на территории Прибайкалья и Забайкалья государственными образованиями: хунну, сяньби, жуэней, древних тюрков, уйгуров. После падения в X в. уйгурского каганата началось распространение в Прибайкалье монгольских племен. Монгольские группы проникли к востоку от Байкала, достигли верховьев Лены. В Забайкалье распространяются монголоязычные племена *баргутов*. В XI-XIII вв. регион расселения предков бурят оказался в зоне создания Монгольского государства. Накануне создания Монгольской империи Чингисхана область Байкала населяли две группы монголов: лесные (звероводческие) и степные (скотоводческие). Лесные монголы обладали этнонимами, созвучными с именами современных бурят: *хори-туматы*, *икиресы*, *бархуны* (*баргуны*), *буряты* (*булия*), *булагучины* и *кэремучины* (эти племена впоследствии вошли в состав бурятского этноса). После распада империи государство монголов продолжало существовать, включая в свой состав территории Забайкалья и Прибайкалья. Впоследствии эти территории вошли в состав государства Алтын-ханов.

Добровольное присоединение Бурятии к России произошло в середине XVII в. По Нерчинскому договору с Китаем (1689 г.) и Бурунским трактатом (1727-1728 гг.) буряты были окончательно закреплены за Россией в пределах Забайкалья и Прибайкалья. К концу XIX в. закончилось в основных чертах формирование бурятского этноса. Кроме собственно монголобурятских племен в состав нового этноса вошли многочисленные группы халха-монголов и ойратов, а также аборигенные племена немонгольского происхождения – тунгусские и тюркские, обитавшие на территории современной Бурятии.

В 1921 г. была образована Бурят-Монгольская автономная область в составе Дальневосточной республики, а в 1922 г. Бурят-Монгольская автономная область в составе РСФСР. В 1923 г. обе автономные области объединились в Бурят-Монгольскую АССР в составе РСФСР. В 1958 г.

Бурят-Монгольская АССР преобразовалась в Бурятскую АССР, в 1992 г. – в Республику Бурятия.

Традиционной отраслью хозяйства бурят являлось скотоводство кочевого типа и земледелие. В зависимости от территории расселения преобладал тот или иной тип хозяйства: основу экономики прибайкальских бурят составляло земледельческо-скотоводческое хозяйство, у забайкальских бурят преобладало скотоводческо-земледельческое. Подсобную роль в хозяйстве всех групп бурят играли охота, рыболовство, лесной промысел, извоз.

Скотоводство сохраняло свое ключевое значение среди кочевого населения. Оно основывалось на разведении крупного рогатого скота, овец, лошадей и верблюдов. В Забайкалье скотоводство носило черты монгольского пастбищного кочевого хозяйства. В летнее время рабочие лошади, дойные коровы, телята паслись около юрт. Овцы и козы паслись под наблюдением пастухов. Остальной скот находился на летних выгонах почти без присмотра. Преобладала циклическая форма перекочетов (в определенное время года и на определенной территории: зимники, весенники, летники и осенники). В Прибайкалье скотоводство было полуоседлого типа, с существовавшей системой заготовки кормов. В скотоводческих хозяйствах применялся подкорм скота, однако, из-за нехватки запасов кормов, часть его держалась на подножном корму. Для увеличения урожайности трав прибайкальские буряты применяли искусственное орошение и удобрение лугов навозом.

Применение продуктов скотоводства было разнообразным. Мясо и молочные продукты служили пищей, кожа и шерсть животных шли на изготовление одежды, обуви, посуды, войлока, сбывались купцам в обмен на ткани и предметы домашнего обихода.

Традиционным занятием бурят стало и земледелие. Распространение получила залежно-паровая система земледелия, с чередованием посевов, паров и залежей. Из зерновых высевали главным образом рожь, овес, ячмень, гречиху. Орудия обработки почвы и техника земледелия были заимствованы бурятами у русских. Буряты первыми из коренных народов Сибири стали выращивать хлеб на продажу. В 1802 г. хоринские буряты доставили в Иркутск 14 тыс. четвертей хлеба (1 четверть = 209, 91 л сыпучего вещества).

Значительное место в системе традиционного хозяйства бурят занимали охотничий промысел и рыболовство. Главными объектами охоты, как и многих сибирских народов, были мясные и пушные звери: кося, кабарга, лось, медведь, белка, соболь, заяц, рысь, бобр, а также бо-

ровая дичь и водоплавающие. Орудиями охоты служили различные ловушки: пасти, плашки, кулемы, петли, ямы, самострелы. До появления среди бурят огнестрельного оружия охотники пользовались луком и стрелами.

Охота носила сезонный характер. С середины октября начиналась добыча белки, соболя и горностая. Заканчивалась она в начале февраля. До появления снега охотились луком и стрелами, ружьем, использовали собаку, с выпадением снега ставили ловушки. В течение всей зимы охотились на лисиц, рысей, росомых и выдр. Кроме применения ружей и различных ловушек, волков и лисиц добывали с помощью отравленных стрихнином приманок. Медведя поджидали в специальных лабазах, устроенных недалеко от приманки-падали, иногда выкуривали или выгоняли его шестами из берлоги, после чего убивали рогатиной или из ружья.

Наиболее древней формой охоты, сохранявшейся у бурят вплоть до конца XIX в., была коллективная облавная охота на конях (*зэгтэ-аба, аба хайдак*). Этот метод применялся при охоте на волков.

Рыболовство было распространено на побережье Байкала, на о-ве Ольхоне по р. Селенге, некоторых реках и озерах. Больше всего добывали омуля. Орудиями лова служили сети, гарпуны, рыбные ловушки, крючки. Существовал промысел нерпы – байкальского тюленя, который начинался в январе. В качестве орудия лова использовали сети из конского волоса, которые устанавливали под лед на ночь. Ближе к весне на нерпу охотились с ружьем.

Из ремесел было развито кузнечное, шорное, седельное, кожевенное производства, изготовление войлока, производство бочек и кадок. Наиболее древним ремеслом являлось кузнечное. В древности кузнецами у бурят часто были шаманы. Кузнецы изготавливали предметы быта: котлы, ножи, топоры, принадлежности конской сбруи, орудия охоты, военное снаряжение. Кузнецы-ювелиры из серебра делали украшения для женской одежды, головных уборов, браслеты, кольца и др.

Обработка кожи и войлока была распространена среди кочевого и полукочевого населения. Она носила исключительно домашний характер. Кожа применялась для изготовления одежды, обуви, сосудов для хранения пищи, сбруи. Войлок шел на изготовление покрышек для юрт, подстилок на пол, мешков для хранения соли, одеял и пр. Широко были распространены изделия из конского волоса: веревки, подпруги, ошейники, вожжи, сети, а также изделия из дерева.

Кочевые буряты-скотоводы на зимних и летних пастбищах жили в переносных войлочных юртах. Поселения бурят состояли из двух-трех

юрт, стоящих друг от друга в некотором удалении. Юрта имела каркасную основу в виде решетчатых раздвижных стенок из деревянных планок, поставленных по кругу. Верхняя коническая часть юрты сооружалась из палок. Юрта венчалась обручем, служившим опорой для палок и для проникновения света и выхода дыма. Остов покрывали войлоком. Вход был обращен на юг. Его закрывала снаружи войлочная крышка, изнутри – двустворчатая дверь. Пол был земляной, застланный войлоком. Отапливалась юрта очагом-костром. На нем также готовили пищу. Вместо очага-костра могла быть железная или глинобитная печь.

Северные буряты-охотники жили в конических жилищах из жердей, крытых звериными шкурами. Часть восточных бурят жила в срубных жилищах с четырехскатной крышей с центральным очагом.

В XVIII в. у оседлых бурят бытовали срубные жилища, в которых они жили зимой. Летом предпочитали жить в войлочных юртах. Западные буряты строили прямоугольные деревянные дома, близкие по типу русским избам, с русской печью. Практиковали также строительство 6-8 угольных домов из лиственницы в 12-14 венцов. Многоугольные строения под жилье использовались бурятами летом, зимой их превращали в хозяйственные амбары.

В настоящее время кочевые буряты живут в войлочных юртах, оседлые – в современных срубных домах в поселках. На промыслах и пастбищах сохраняются еще традиционные прямоугольные и многоугольные жилища.

Национальная зимняя мужская одежда состояла из прямого мехового халата с запахом левой стороны на правую. Халат опоясывался длинным куском материи или поясом с серебряными или медными бляхами. Летней одеждой служил халат (*терлиг*). Он изготовлялся из материи на подкладе. Нижняя мужская одежда состояла из штанов и рубахи, покроем которой был заимствован у русских.

Женская одежда включала рубаху (*самса*) и штаны (*Үмде*), поверх которых надевался халат (*дегиль*). Халат всегда делался на подкладе из шелковых или хлопчатобумажных тканей. На халат надевали безрукавку (*уджэ*), состоящую из жилета с пришитой к нему сборчатой юбкой. Девичий халат состоял из сборчатой юбки и пришитой к ней кофты. Он почти ничем не отличался от обычного женского халата. Безрукавку девушки не носили.

В морозы буряты носили дохи из меха домашних коз. Головными уборами служили: у мужчин – меховые шапки с острой тульей и расши-

ренным кверху околышем, у женщин – шапки из цветной материи с выпушкой из меха. В летнее время женщины повязывали голову платками.

Обувь (*гутулы*) шилась из кожи или из плиса с коротким голенищем, на толстой войлочной, прошитой кожей подошве. Одежда богатых бурят отличалась качеством материала и обилием ценных украшений. Под влиянием русских среди бурят впоследствии распространилась русская одежда: пальто, пиджаки, жилеты, брюки, кляпы, картузы, сапоги, ботинки и пр.

В рацион питания бурят входили преимущественно мясные и молочные продукты. Молоко употреблялось только в кипяченом виде. Традиционными блюдами бурятской кухни являлись *араул* и *хурут* – творожистая масса, высушенная и нанизанная на нитки в виде ломтиков, *Упиэ* – толстый, слегка подсушенный слой пенки, снятой с кипяченого молока, *саламат* – мука, прокипяченная в сметане. Из молока впрок готовили масло. Было распространено производство молочных водок – *тарасун* и *архи*. Для их приготовления использовали специальный перегонный аппарат. Приготовление тарасуна сопровождалось «обрядом вежливости», во время которого угощались все члены семьи и гости. Тарасун играл большую роль во время общественных праздников, молений, жертвоприношений, свадеб. Из кобыльего молока готовили кумыс.

Мясо употребляли только в вареном виде. Летом ели главным образом баранину, зимой – говядину. Мясо ели руками. Лучшим мясом считалась конина, на втором месте была баранина. Конину запасали на зиму. Употребляли также мясо диких животных, медведя, мясо птицы. В большом количестве буряты употребляли в пищу съедобные растения и ягоды: полевой лук, сарану, черемшу, щавель, землянику, бруснику, голубику, черемуху, облепиху и другие ягоды. В рационе бурят значительное место отводилось плиточному чаю. Его пили с молоком, с салом, с солью. Хлеб выпекали только буряты, занимавшиеся земледелием. Посуда, как правило, не мылась, ложки и чашки облизывались. Нередко немытая посуда передавалась от одного члена семьи к другому. Подобное отношение к гигиене способствовало передаче различных болезней.

В начале XX в. у бурят сохранялись еще элементы родоплеменных отношений: деление на роды и «кости» – *ясу* – подразделение рода. Родовые традиции требовали участия всех родственников в совместной трапезе (когда кололи быка, лошадь или барана), распределения среди родственников охотничьей добычи, участия родственников в общеродо-

вых праздниках в честь почитаемых в роду божеств. Во время таких праздников устраивались жертвоприношения родовому божеству от членов всего рода. Родовая солидарность проявлялась в общественных играх и спортивных состязаниях. Родственники несли также ответственность за все правонарушения, совершенные кем-либо из сородичей.

Господствующей формой семьи у бурят была малая семья. Она включала главу семьи – отца, его жену – мать и их детей. Иногда малая семья включала родителей главы семьи. Существовало у бурят и многоженство, главным образом в богатых семьях. Форма брака – экзогамия: ни один бурят не имел права жениться на женщине своего рода. За невесту платили калым. Практиковалась отработка за невесту в семье ее родителей. Калым налагал на женщину целый ряд обязанностей. Она становилась, по существу, коллективной собственностью рода мужа. Муж имел право прогнать свою жену по любому поводу. В случае смерти мужа жена, по обычаю, должна была стать женой его младшего брата. Практиковалась традиция выдачи замуж девочек в возрасте 11-15 лет.

В основе древних религиозных представлений бурят лежали анимистические воззрения. Природа представлялась одушевленной, различные природные явления обоготворялись. Горы, реки, леса, небо, огонь, камни и пр. имели своих хозяев – *эджинов*, которые по отношению к человеку могли быть добрыми или враждебными. В честь эджинов на вершинах гор буряты устанавливали каменные насыпи – *обо*, которые считались священными. Проходя мимо них, каждый бурят должен был оставить какие-нибудь предметы.

Традиционной религией бурят являлся шаманизм. Шаманский дар передавался у бурят по наследству. Шаман проходил школу подготовки и обряд посвящения. Бурятские шаманы сочетали в себе функции служителя культа, астролога, предсказателя, врача. Они делились на белых и черных. Белые шаманы совершали обряды в честь небесных божеств, черные шаманы – злым божествам подземного мира. Обязательным для шамана являлось знание традиций и родословной всех представителей рода. Шаман также являлся общественным деятелем, поэтом и артистом. Атрибуты шамана состояли из шаманского бубна, колотушки, шаманской короны в виде железного шлема с рогами, костюма с большим количеством металлических фигурок животных – духов-помощников шамана.

По представлениям бурят, души умерших знаменитых шаманов, кузнецов, хороших стрелков и др. после смерти превращались в *хатов* –

небесных жителей, души простых людей становились *бохолдоями* – призраками, населявшими землю. В жилище шамана всегда хранились изображения различных духов в виде человеческих фигур, которых он развешивал на стенах или держал в специальном ящике. Всем им шаман приносил в жертву пищу, вино и пр. В середине XVIII в. у восточных бурят шаманизм был вытеснен буддизмом, у западных бурят шаманизм сохранялся вплоть до 1920-1930 гг.

В конце XVII в. среди различных групп бурят начало распространяться христианство. Наибольших успехов оно добилось у западных бурят. Более чем за 200-летний период общее число крещенных достигло 85 тыс. человек.

Вместе с тем для бурят Прибайкалья и Забайкалья шаманизм, христианство и буддизм ламаистского толка составляли части некоего религиозного целого. Сами верующие буряты не видели в своих воззрениях противоречий, считали свою веру единой. Грань между тремя религиями была подвижна, часто становилась расплывчатой. Ламаизм дополнял шаманизм в мировоззренческом и функциональном плане, христианство уживалось с шаманизмом в бытовом плане, дополняясь бурятскими шаманскими представлениями и культами. Такое явление было нормой в религиозной культуре бурят.

В настоящее время как среди бурят-буддистов, так и среди бурят-христиан сохраняются элементы традиционного бурятского шаманизма.

Одним из наиболее ярких видов духовной культуры бурят является фольклор. К основным его жанрам относятся мифы, сказания, предания, легенды, героический эпос, сказки, песни. Распространены эпические сказания о подвигах богатырей: «Шоно Батор», «Алтан Шаргай», «Аламжи Мэргэн» и др. В настоящее время из традиционных праздников самыми популярными являются *Цагаалган* (Новый год) и *Сурхарбан* (стрельба из лука), включающий непосредственно стрельбу из лука, борьбу и бег рысаков. Очень древним является бурятский национальный танец *йохор*, бытующий в настоящее время. Распространены ламаистские и православные праздники.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СИБИРИ»

Целью учебной дисциплины «История и культура народов Сибири» является углубленное знакомство с самобытной историей, хозяйственно-бытовым укладом и традиционными верованиями коренного населения Сибири. В результате освоения данной дисциплины студенты должны научиться 1) владеть всем объемом знаний учебного курса; 2) работать с научной, научно-популярной и учебно-методической литературой; 3) свободно владеть понятийным аппаратом и фактическим материалом; 4) анализировать и обобщать фактический материал; 5) широко использовать полученные знания в своей профессиональной деятельности.

Для успешного усвоения и закрепления учебного материала по дисциплине «История и культура народов Сибири» для студентов на выбор предусмотрено выполнение либо контрольной работы, либо реферата, либо самостоятельного краеведческого (этнографического) исследования.

Контрольная работа требует от студента критического взгляда на выбранную им проблему. Например: тема контрольной работы – «Проблема оленеводства у северных хантов». Необходимо в полном объеме очертить круг литературы по этой теме (составить библиографию, перечень источников и литературы по выбранной теме); изучить все точки зрения, и на основе составленного таким образом представления о проблематике выбранной темы, изложить в контрольной работе свое видение проблемы. В конце контрольной работы должен быть приведен список использованной литературы.

Реферат предусматривает конспективное изложение изучаемой работы любого известного исследователя культуры народов Сибири (например, монографии В.М. Кулемзина «Человек и природа в верованиях хантов») или изложение одной из проблем, рассматриваемой автором в данной работе (например, проблему представлений хантов о жизни и смерти). При этом задача студента сводится к обстоятельному изложению сути работы или отдельной подтемы этой работы.

Написание контрольных работ и рефератов требует хорошего знания теоретического и фактического материала. Студент должен владеть методом историко-сравнительного анализа, а также умением пользо-

ваться научной и научно-популярной литературой. Темы контрольных работ и рефератов должны выбираться студентом обдуманно, с учетом наличия в достаточном количестве литературы по теме. Объем реферата должен составлять не менее 20 страниц; контрольной работы – 25-30 страниц. Реферат и контрольную работу разрешается писать от руки, но только четко, разборчиво, с соблюдением полей.

Обязательным требованием является соблюдение правил оформления контрольных работ и рефератов: необходимо указывать фамилию и инициалы студента; факультет, курс; название темы; содержание темы (введение, основное содержание, заключение); список использованной литературы в конце работы.

Список контрольных работ и рефератов предлагается по системе языковой классификации народов.

Темы краеведческих или этнографических исследований предлагаются для студентов в качестве самостоятельных изысканий. Такими темами могут быть исследования отдельных сторон жизни коренного населения своего района, села, деревни; исследование своей родословной; истории своего населенного пункта; сбор фольклорного материала, легенд, исторических преданий, рассказов местного населения, связанных с историей своего населенного пункта или района.

Этнографическое исследование должно опираться на следующие вопросы:

1. Название и самоназвание этнической группы.
2. Численность в данном населенном пункте.
3. Семейный состав (с уточнением старожилов и приезжих).
4. Устные исторические сведения о народе, собранные среди местного населения.
5. Местная топонимика на языке этого народа с буквальным переводом и интерпретацией.
6. Хозяйственные занятия населения; сезоны хозяйственной деятельности; хозяйственный календарь. Орудия труда и промыслов.
7. Типы жилищ, характерные для данного народа (конструкции жилищ, терминология, интерьер, хозяйственные постройки, расположение на местности). Приложить схему внутреннего устройства жилища и план усадьбы. Особо отметить конструкцию и расположение печи или другого обогревающего устройства, очага.
8. Средства передвижения в прошлом и в настоящем.

9. Одежда: мужская, женская, детская; бытовая, празднично-ритуальная. Особо отметить орнамент на одежде, способы ношения аксессуаров.

10. Пища: повседневная, празднично-ритуальная; способы приготовления; количество приемов пищи в сутки. Застольный этикет. Пищевые запреты.

11. Основные обряды, связанные с рождением ребенка, свадьбой, похоронами. Обращать внимание на особенности обрядов в данной этнической группе; ритуальные действия, сопровождающие обряды.

12. Сведения о языке: наличие двуязычия в этнической среде; степень владения родным языком. Сбор лексики, фраз, связных текстов на языке данной группы. Собранный языковой материал оформить в виде словаря.

13. Сбор фольклора на родном языке (песни, легенды, сказки, бытовые рассказы).

В конце выполненной работы обязательно прилагать список всех информаторов с указанием их даты и места рождения.

Если темой исследования выбрана генеалогия семьи, то студент должен выполнять ее по тем правилам, которые предусмотрены для такого вида исследования (либо в виде генеалогического древа, либо в виде генеалогической таблицы). Это очень кропотливый труд: выявлять всех представителей своего рода. Составление генеалогического древа ведется как по отцовской, так и по материнской линиям. У каждого выявленного члена рода по возможности указывается его имя, фамилия (у замужних женщин указывается еще и девичья фамилия), отчество, год и место рождения, профессия (социальную принадлежность), время смерти, место погребения. Желательно проследить жизненный путь своих близких и дальних родственников: участие в значительных событиях истории России или Сибири (войны, коллективизация, переселения и пр.), особенности жизни в Сибири в различное историческое время (до революции 1917 г., в период гражданской войны в Сибири и установления Советской власти, в Великую Отечественную войну, в послевоенное время).

Исследование по истории своего населенного пункта следует проводить по таким вопросам:

1. Наименование населенного пункта (старое и новое), что оно означает.

2. Время возникновения (села, деревни, хутора и др.).

3. История развития (до революции 1917 г., в годы гражданской войны, коллективизации, Великой отечественной войны, сейчас).

4. Старожилы (перечислить фамилии или семьи).

5. Национальный состав населения (кто является коренными жителями, какие национальности преобладают, есть ли мигранты, откуда они, причины миграции).

6. Известные, уважаемые люди.

7. Топонимика и микротопонимика местности, перевод названий, народная интерпретация.

8. Предания, легенды, рассказы и др., связанные с данным населенным пунктом или с какой-нибудь местностью или с местными жителями.

9. Карта-схема населенного пункта и основных жилых, хозяйственных и других объектов. Обязательна привязка к местности.

Краеведческие исследования должны выполняться непосредственно на месте. Ценность такого рода исследований заключается в специфичности информации, собранной студентом-исследователем. Такая работа должна опираться на фактический материал, полученный в результате использования архивных документов (архивы ЗАГС), семейных архивов, беседы со старшими родственниками и старожилами села, деревни и др. Краеведческие исследования оформляются как на листах форматом А-4, так и в тетрадях. Правила оформления такие же, как рефератов и контрольных работ. Количество страниц краеведческого исследования не ограничено.

Для всех видов самостоятельных работ желательно использовать иллюстративный материал (фотографии, карты, схемы). Фотографии не вклеивать в текст, а вкладывать в конверты и прилагать к тексту. Конверты можно приклеить. На фотографиях с обратной стороны необходимо отметить время снимка, что или кто изображен, имя автора снимка.

При изучении дисциплины «История и культура народов Сибири» особое внимание уделять хронологии исторических событий. Необходимым условием также является знание имен исследователей народов Сибири, этапов этнографического изучения Сибири, целей и задач исследований, основных работ по этнографии и истории народов Сибири, современные публикации. Кроме того, учебный курс «История и культура народов Сибири» предполагает знание студентами основных вех исторического развития России, особенно периодов, связанных с эпохой освоения Сибири. Только в контексте истории России будет понятна специфика культурно-исторического развития сибирских народов. В

связи с этим важно знать причины, обусловившие процесс присоединения Сибири к России, основные этапы русской колонизации, условия вхождения народов Сибири в российское подданство. В XVII в. народы Сибири вступили в тесное взаимодействие с населением России. С тех пор не прекращается процесс взаимовлияния различных по типу культур. При изложении материала по конкретным народам Сибири, необходимо указывать на современные условия развития культуры этих народов.

Для лучшего усвоения этногенетических, языковых, антропологических особенностей народов Сибири рекомендуется свести сведения в таблицу.

Наименование народа	Само название народа	Численность по переписи населения 1989 г.	Языковая принадлежность	Антропологическая принадлежность	Хозяйственно-культурный уклад	Территория расселения

Студенты, изучающие курс «История и культура народов Сибири» должны свободно владеть этнографической терминологией. Для удобства восприятия, этнографические термины и понятия вынесены в сносках. При изучении истории и культуры отдельных народов особое внимание нужно уделять вопросам этнической истории данного народа, специфики его культуры. Приведенная в конце учебного пособия литература может способствовать более детальному изучению отдельных сторон жизни того или иного народа Сибири.

Глава 1. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СИБИРИ

Контрольные вопросы к главе 1

1. Природно-климатические и ландшафтные особенности Сибири.
2. Система классификации коренных народов Сибири.
3. Народы Сибири в системе языковой классификации.
4. Антропологическая классификация народов Сибири.
5. Культурно-хозяйственная характеристика народов Сибири.
6. Этнический состав и расселение народов Сибири до начала русской колонизации.

Темы контрольных работ и рефератов

1. Этноязыковые группы коренного населения Сибири.
2. Особенности культурно-хозяйственного уклада населения Западной Сибири в XVII-XVIII вв.
3. Особенности культурно-хозяйственного уклада населения Восточной Сибири в XVII-XVIII вв.
4. Медико-биологические особенности народов Сибири.

Литература

1. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.
2. История Сибири (Учебное пособие). – Томск, 1987.
3. История Сибири. – М., 1968. Т.1-2.
4. Народы Сибири. – М.-Л., 1956.
5. Народы Сибири // Этнография. Учебник / Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. – М., 1982.
6. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. – М., 1987.
7. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. – М., 1985.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.

Глава 2. ИССЛЕДОВАНИЕ СИБИРИ

Контрольные вопросы к главе 2

1. Что означает термин «колонизация»? Начало русской колонизации Сибири (причины, задачи, характер).
2. Этапы продвижения русских в Сибирь.
3. Кто были первые землепроходцы в Сибири?
4. Где, в каких документах, летописях и пр. были зафиксированы ранние сведения о народах Сибири?
5. О чем повествует «Есиповская летопись»?
6. Основные источники XVII в. о народах Сибири.
7. Описание народов Сибири у С. Ремезова.
8. Начало научных исследований народов Сибири (Д.Г. Мессершмидт).
9. Вторая Камчатская экспедиция 1733-1744 гг. Ее историческое значение.
10. Г.Ф. Миллер и его роль в становлении этнографии народов Сибири.
11. Основные труды по народам Сибири XVIII в.
12. Академическая экспедиция П.С. Палласа (время, задачи, участники, результаты).
13. Этнографическое изучение народов Сибири в XIX в.
14. В.В. Радлов и его вклад развитие сибирской тюркологии.
15. М.А. Кастрен и проблема изучения угро-самодийских народов.

Темы контрольных работ и рефератов

1. История освоения Сибири в XVI-XVII вв.
2. Первые русские города в Сибири. Их значение в истории русской колонизации.
3. Роль землепроходцев в изучении народов Сибири.
4. История изучения народов Сибири (на примере одного из ученых).
5. Г. Новицкий и его труд «Краткое описание о народе оссяцком».
6. Взгляды Г.Ф. Миллера на развитие этнографии и археологии Сибири.

7. Мифология народов Сибири в трудах ученых XVIII-XIX вв.

Литература

1. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. – М.-Л., 1960.
2. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII-XIX вв.). – Томск, 1990.
3. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII 1968.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. Т.1.
5. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. – Кемерово, 1963.
6. Мирзоев В.Г. историография Сибири. – М., 1970.
7. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. – М., 1987.
8. Олех Л.Г. История Сибири Москва-Новосибирск, 2001.
9. Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989.
10. Элерт А.Х народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск, 1999.

Глава 3. НАРОДЫ СИБИРИ

Контрольные вопросы по главе 3

Народы палеоазиатской лингвистической семьи

1. Когда, кем из исследователей Сибири и по какому принципу ряд народов Сибири был объединен в палеоазиатскую лингвистическую семью?
2. К какому антропологическому типу принадлежат народы палеоазиатской группы?
3. Что общего между чукчами, коряками и ительменами?
4. Особенности культуры народов северо-востока Сибири.
5. В чем заключается загадка кетов?
6. Особенности культуры кетов.
7. Почему нивхи являются народом-изолятом?
8. Проблема происхождения нивхов.
9. Особенности культуры нивхов.
10. Особенности культуры азиатских эскимосов.

Темы контрольных работ и рефератов

1. В. Богораз Тан – исследователь палеоазиатов.
2. Морской зверобойный промысел у народов северо-востока Сибири.
3. Жилища народов северо-востока Сибири.
4. Мифология народов северо-востока Сибири (общее и особенное).
5. Дульзон А.П. – исследователь языка и культуры кетов.
6. Проблема происхождения кетов.
7. Особенности погребального обряда кетов.
8. Материальная культура нивхов.
9. Проблема происхождения азиатских эскимосов.

Литература

1. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л., 1967.
2. Богораз-Тан В. Материальная культура чукчей. – М., 1991.
3. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. – Л., 1973.
4. Галкина Т.В., Осипова О.А., А.П. Дульзон. К 95-летию со дня рождения. – Томск, 1995.
5. Крейнович Е.А. Нивхи. – М., 1973.
6. Меновщиков Г.А. Эскимосы. – Магадан, 1959.

Народы уральской языковой семьи

1. Что объединяет народы уральской языковой семьи?
2. Расселение уральских народов.
3. Почему юкагиры относятся к уральской языковой семье?
4. Особенности материальной культуры хантов.
5. Особенности материальной культуры селькупов.
6. Общее и особенное в культуре таежных охотников и рыболовов.
7. Общее и особенное в культуре нарымских (южных) и северных селькупов.

Темы контрольных работ и рефератов

1. Проблема прародины уральских народов.
2. Особенности шаманизма у хантов.
3. Проблема происхождения оленеводства у северных хантов.
4. Селькупское шаманство.
5. Мифология уральских народов.
6. Пантеон богов в селькупской мифологии.
7. Рыболовство у нарымских (южных) селькупов.
8. Проблема происхождения оленеводства у северных селькупов.
9. Образ медведя в мифологии уральских народов.
10. Способы ориентации на местности у хантов.

Литература

1. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск, 1990.
2. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции угров и самодийцев. – Екатеринбург, 1995.
3. Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. – Томск, 1997.
4. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск, 1984.
5. Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. – Томск, 1985.
6. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. – Ижевск, 1997.
7. Пелих Г.И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. – Новосибирск, 1981.
8. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? – М., 1979.
9. Хомич Л.В. Ненцы. – СПб, 1995.

Народы алтайской языковой семьи

1. Что объединяет народы алтайской языковой семьи?
2. Территория расселения тюркских народов Сибири.
3. Какой самый северный народ из тюркской группы народов Сибири?

4. В чем состоят особенности тюркских народов Сибири?
5. Особенности культуры якутов.
6. Конструктивные особенности жилищ тюрков Сибири.
7. Особенности культуры тувинцев.
8. Когда появился этноним «Сибирские татары» и в связи с чем?
9. Этническое разнообразие сибирских татар.
10. Особенности культуры томских татар.

Темы контрольных работ и рефератов

1. Проблемы этногенеза тюрков Сибири.
2. Тюрки Южной Сибири и их мифология.
3. Особенности питания тюрков Сибири.
4. Проблема происхождения скотоводства у якутов.
5. Шаманство у якутов.
6. Религиозные верования тувинцев.
7. Тувинские национальные праздники.
8. Национальный костюм томских татар.
9. Современные этнокультурные процессы в среде тюрков Сибири (на примере одного из народов).

Литература

1. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. – М., 1972.
2. Валеев В.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1996.
3. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М., 1983.
4. Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX- нач. XX вв.). – Новосибирск, 1989.
5. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992.
6. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Сагалаев А.М., Усманова М.С., Октябрьская И.В. – Новосибирск, 1988.

Тунгусо-маньчжурские народы

1. Какие народы относятся к тунгусо-маньчжурской языковой ветви?
2. Территория расселения эвенков.
3. Особенности территориального деления эвенков.
4. Материальная культура эвенков.
5. Особенности духовной культуры эвенков.

Темы контрольных работ и рефератов

1. Национальный эвенкийский костюм.
2. Военное дело у эвенков.
3. Эвенкийское оленеводство.
4. Религиозные верования эвенков.
5. Эвенкийский шаманский костюм.

Литература

1. Василевич Г.М. Эвенки. – Л., 1969.
2. Ларькин В.Г. Удегейцы. – Владивосток, 1958.
3. История и культура орочей. Историко-этнографические очерки. – СПб, 2001.
4. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). – М., 1991.

Монголоязычные народы

1. Территория расселения бурят.
2. Особенности этнической истории бурят.
3. Почему бурят относят к монголоязычным народам?
4. Особенности культуры бурят.
5. Верования бурят.

Темы контрольных работ и рефератов

1. Особенности бурятского шаманизма.
2. Распространение буддизма среди бурят.
3. Бурятский национальный костюм.
4. Особенности питания бурят.

5. Проблема происхождения скотоводства у бурят.
6. Типы национальных жилищ бурят.

Литература

1. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. – Улан-Удэ, 1991.
2. Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. – Л., 1969.
3. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск, 1987.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Глава 1. Этнокультурная специфика Сибири

(Общие вопросы истории и культуры народов Сибири)

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. – Москва-Новосибирск, 2000.
2. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. – М., 1986.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.
4. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири. XIX – нач. XX вв. – М.-Л., 1954.
5. Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л., 1961.
6. История Сибири. – М., 1968. – Т. 1-2.
7. Культура народностей Севера: традиции и современность. – Новосибирск, 1986.
8. Народы России. Энциклопедия / Под ред. В.А. Тишкова. – М., 1994.
9. Народы Сибири. – М.-Л., 1956.
10. Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М., 1998.
11. Экология этнических культур Сибири накануне XXI в. – СПб., 1995.
12. Этнография / Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. – М., 1982.
13. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.

Глава 2. Исследование Сибири

1. Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. – Иркутск, 1932.
2. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII-XVII вв. – Иркутск, 1941.
3. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. – М.-Л., 1960.
4. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири XVIII в. – М.-Л., 1965.
5. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII-XIX вв.). – Томск, 1990.

6. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. 1968.
7. Материалы по юридической этнографии малых народов севера. – Томск, 1993.
8. Мирзоев В.Г. Историография Сибири XVIII в. – Кемерово, 1963.
9. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. – М., 1970.
10. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. Т.1.
11. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. – М., 1987.
12. Николаев В.И. Якутский край и его исследователи. – Якутск, 1913.
13. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032-1882.гг. – Сургут, 1993.
14. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск, 1999.

Глава 3. Народы Сибири

Палеоазиаты

1. Антропова В.В. Культура и быт коряков. – Л., 1971.
2. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л., 1967.
3. Богораз-Тан. Материальная культура чукчей. – М., 1991.
4. Василевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск, 1971.
5. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.-Л., 1965.
6. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. – Л., 1973.
7. История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки. – Л., 1990.
8. История и культура коряков: историко-этнографические очерки. – СПб, 1992.
9. История и культура чукчей. – Л., 1987.
10. Крейнович Е.А. Нивхи. – М., 1973.
11. Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов. – Л., 1975.
12. Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки этнической истории. – Л., 1988.
13. Меновщиков Г.А. Эскимосы. – Магадан, 1959.

Уральцы и самодийцы

1. Алквист А. Среди хантов и манси. – Томск, 1999.
2. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск, 1990.
3. Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX- нач. XX вв). – Новосибирск, 1984.
4. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции угров и самодийцев. – Екатеринбург, 1995.
5. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – М., 1970.
6. Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. – Томск, 1997.
7. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск, 1984.
8. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. – Томск, 1977.
9. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск, 1992.
10. Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. – Томск, 1985.
11. Мифология хантов. Энциклопедия уральских мифологий. Т.3. – Томск, 2000.
12. Молданова Т.А. Архетипы в мире сновидений хантов. – Томск, 2001.
13. Молданов Т. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. – Томск, 1999.
14. Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. – Ижевск, 1997.
15. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск, 1972.
16. Пелих Г.И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. – Новосибирск, 1981.
17. Попов А.А. Нганасаны. – Л., 1984.
18. Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск, 1995. – Т.3.
19. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). – Сургут, 1993.
20. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск, 1991.
21. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. – Томск, 2001.

22. Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. – Томск, 2000.
23. Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. – СПб, 1994.
24. Шаргородский Л.Т. Современные этнические процессы у селькупов. – М., 1994.
25. Хомич Л.В. Ненцы. – СПб, 1995.
26. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: этнографическая реконструкция. – М., 1976

Тюрки Сибири

1. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала. – Абакан, 1987.
2. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. – М., 1961.
3. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. – М., 1972.
4. Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии (тувинцы). – М., 1991.
5. Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во втор. пол. XIX – нач. XX в. – Казань, 1980.
6. Валеев В.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1996.
7. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М., 1983.
8. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленоводоов. – М., 1977.
9. Долгих Б.О. Происхождение долган // Труды Института этнографии. – М., 1963. – Т.84.
10. Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX-XX вв. – Новосибирск, 1986.
11. Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX- нач. XX вв.). – Новосибирск, 1989.
12. Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989.
13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988.
14. Кривоногов В. П. К современной этнической ситуации в Тофаларии // Советская этнография. – 1987. – № 5.

15. Львова Э.Л., Дремов В.А. и др. Тюрки таежного Причулымья. – Томск, 1991.
16. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов XVIII-XIX вв. – Абакан, 1958.
17. Попов А.А. Долганы // Народы Сибири. – М.-Л., 1956.
18. Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов XVII-XIX вв. – Абакан, 1952.
19. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л., 1969.
20. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – СПб, 1896.
21. Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск, 1978.
22. Томские татары в прошлом и настоящем. Сборник документов и материалов. – Томск, 2000.
23. Челканцы в исследованиях и материалах XX в. – М., 2000.
24. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII-XIX веках. – Томск, 1999.
25. Шибаета Ю.А. Одежда хакасов. – Сталинобад, 1959.
26. Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. – СПб., 2001.

Тунгусо-манчжурские народы

1. Василевич Г.М. Эвенки. – Л., 1969.
2. Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX-XX вв. Проблемы этнических традиций. – СПб, 1995.
3. Ларькин В.Г. Удегейцы. – Владивосток, 1958.
4. Николаев С.И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. – Якутск, 1964.
5. История и культура орочей. Историко-этнографические очерки. – СПб, 2001.
6. Соколова З.П. Заметки об эвенках бассейна Кети // Сибирский этнографический сборник. – 1962. – Т.4.
7. История и культура удегейцев. – Л., 1989.
8. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск, 1933.

Буряты

1. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. – Улан-Удэ, 1991.
2. Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. – Л., 1969.
3. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск, 1987.
4. Зориктуев Б.Р. Современный быт бурятского села. – Новосибирск, 1982.
5. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск, 1987.
6. Быт бурят в настоящем и прошлом. – Улан-Удэ, 1980.